„Про

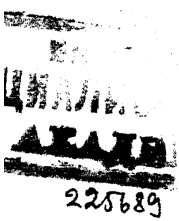
Александръ Пажъ.

Наша Царица.

BERLIN
Verlag von Heinrich Caspari
1912.

Spamersche Buchdruckerei in Leipzig.

Наша Царица.


225689

Прологъ.

За горами, за долами,
За дремучими лѣсами,
Тамъ, гдѣ, вѣря въ чудеса,
Люди смотрятъ въ небеса,
Жилъ-былъ нѣкій царь Миланъ.
Онъ, страшась сосѣднихъ странъ
И довольный самъ собою,
Не точилъ мечей, кинжаловъ,
А солдатъ и генераловъ
Содержалъ лишь для конвоя.
Отъ природы малодушный
И болѣзненно-тщедушный,
Онъ заботы не хотѣлъ,
И однажды повелѣлъ:
Управленьемъ городами
И мудреными дѣлами,
Чтобъ его не утруждать.
Славнымъ жаловать нагьяды
И виновныхъ лихо драть,
Словомъ, дѣлать все, что надо.
И, явивъ свое велѣнье,
Царь дворцу на удивленье,
Потянулся и зѣвнулъ,
Растянулся и заснулъ.
Царедворцы не смѣялись,
Лишь кивками обмѣнялись,
По палатамъ разошлись
И за дѣло принялись.
Стали царскіе тираны
Набивать свои карманы,
Молъ, народу все равно
Пухнуть съ голоду дано;
Рабъ живетъ на свѣтѣ зря,
Мы — вельможи — отъ царя!
. . . . . .
Царь Миланъ-то сладко спитъ,
А земля его трещитъ . . .
Но Царю какое дѣло,
Хоть бы вся земля сгорѣла . . .
Царь, по совѣсти, богатъ
И, дай Богъ ему, — женатъ . . .
Время-времячко бѣжитъ,
Безмятежно царь лежитъ.
Полонъ сказокъ и загадокъ,
Сонъ и радостенъ и сладокъ . . .
. . . . . .
А за окнами свѣтлицы
Собрались со всей столицы!!
Зашумѣлъ ужасный топотъ,
Застоналъ народный ропотъ!
И врывалися въ свѣтлицу,
Заглушая всю столицу,
Возмущенныя слова:

— Не хотимъ мы быть рабами —
Потомъ, кровью и слезами
Защищать твои права!!
Бѣдный пахарь изстрадался!
Кто подъ знаменемъ твоимъ
Похозяйничалъ надъ нимъ,
Жадно крови напивался!!
Много лѣтъ рабочей жизни
Ты набралъ въ свою казну!
Ты не царь своей отчизнѣ!
Разорилъ ты всю страну!
Много сирыхъ ты оставилъ,
Взявъ отцовъ въ ряды солдатъ,
И болванами разставилъ
Ихъ вокругъ своихъ палатъ!
Много лѣтъ земля стонала
Подъ знаменами царей;
Пота, крови, слезъ не мало
Тронъ твой страшный стоилъ ей.
Но теперь тотъ часъ великій
Божьей волею насталъ!
Противъ злой неволи дикой
Рабъ измученный возсталъ!
Поднимай свой Флагъ свободы,
Изстрадавшійся народъ!!
Съ нами Богъ! Вставай, народы!
Выступай! Впередъ! Впередъ!..
И гремучею волною,
Подъ командой боевою,
Негодующій народъ,
Предводимый только Богомъ,
Передъ мраморнымъ чертогомъ
Загудѣлъ: „Впередъ!! Впередъ!“

Въ этотъ мигъ, раскрывши очи,
Пробудившися отъ сна,
Царь вскричалъ, что было мочи:
„Ай, мнѣ снилася война!“
И какъ разъ волной свободной
Прилетѣлъ возгласъ народный:
„Дружно, братцы! Наступай!!
Царь успѣлъ лишь крикнуть:
„Ай!“
И сознанье потерялъ.
Царедворцы суетились,
Но въ душѣ надъ нимъ глумились:
„И царя же Богъ намъ далъ.“..
Вновь пришелъ Миланъ въ сознанье
И отъ шума въ содроганье:
— Что за крикъ?! Землетрясенье?!
— Это требуютъ свободы
Иновѣрные народы! —
Получилъ онъ объясненье.
Царь ни чуть не убѣжалъ,
Только сильно задрожалъ.
— Братцы, братцы, помогите!
Хоть меня поберегите!
Умереть я не хочу!
Я за все вамъ заплачу!
И обрадовались слуги, —
Оказать свои услуги;
Утѣшаючи царя,
Говорили, говоря:
— Успокойся, царь державный!
Будетъ все, какъ было встарь!
Закаленный штыкъ нашъ славный
Вмигъ смететъ гнилую тварь!

Вотъ смотри, смотри, какъ хлещетъ
Плеть по спинамъ горожанъ!
Видишь, раненый трепещетъ!
Онъ умретъ отъ этихъ ранъ!
Но Миланъ смотрѣлъ угрюмо
И, постигнувъ грустну думу,
Вдругъ отчаянно вскричалъ:
„Вотъ, что сонъ мнѣ предвѣщалъ!
О, несчастье!!! О, проклятье!!!
Убиваютъ братьевъ братья!!!
Объявить въ сей мигъ народу:
Я дарую всѣмъ свободу!!!
Отпустите всѣхъ рабовъ!!!
Но монархъ не кончилъ словъ..
Вдругъ наполнилась свѣтлица
Всею царскою родней . . .
Братья, дадьки и царица
Завопили: „что съ тобой?!!"
А Миланова мамаша
И взмолилась: „Боже мой!
Что ты дѣлаешь, Милаша,
Съ нами всѣми и съ собой?!"
И послушный сынъ мамаши
Молвилъ, плача: „Воля ваша!"
— Молодецъ! — стоявшій сзади,
Похвалилъ Милана дядя
И, какъ раненый завылъ,
Жаждой крови запылалъ,
И скомандовалъ солдатамъ:
„Бей моргирой! Бей булатомъ."
И рядами выступали
На родныхъ своихъ рабы . . .
Кони хищно на дыбы
Поднимались, бились, ржали . . .
И подъ пулями сгонали
Дѣти горестной судьбы . . .
И лилась, лилась ручьями
Кровь изрубленныхъ рабовъ . . .
Мясо падало кусками
Подъ тяжелыми мечами
Подневольниковъ бойцовъ.
. . . . . .
. . . . . .
Эту сказку про Милана,
Дядьку царскаго — Тирана
Мнѣ повѣдалъ какъ-то разъ
Иноземецъ дядя Басъ,
И закончилъ онъ сказанье,
Усъ ломая и крутя:
Много, много лѣтъ спустя,
По новѣйшему преданью,
Царь затѣялъ вдругъ войну,
Разорилъ совсѣмъ страну!
Тутъ ужъ лопнуло терпѣнье,
Разгорѣлось возмущенье, —
Молъ, чѣмъ мучиться намъ вѣчь,
Пусть погибнетъ человѣкъ!
Поднялись волной могучей,
Понеслися грозной тучей!!..
Сдало нашему царю
Страшно, правду говорю . . .
Погадалъ, созвалъ народы
И сказалъ имъ со слезой:
„Знамя славное свободы
„Да взовьется надъ землей!!
„Я всегда любилъ свободу
„И дарю ее народу!!
. . . . . .
. . . . . .
Тутъ замолкъ мой дядя Басъ,
Продолжая черезъ часъ:

„Такъ свобода воцарилась!
Но не очень долго длилась, —
Если правду вамъ сказать,
Такъ, часовъ, пожалуй, пять . . .
. . . . . .
. . . . . .
Царедворцы взбунтовались,
Мы, молъ, такъ не нанимались!
Мы не нѣмцы — эфіопы!
Намъ начхати на всѣ Европы!
Съ нами Богъ! Ура! Законъ!

Просимъ милости на тронъ!
Царь и то подумалъ самъ:
„Я свободы не отдамъ!“
Царь тутъ Богу помолился,
Царедворцамъ поклонился:
— Вотъ вамъ перстень и ключи,
Казначейство и мечи!
. . . . . .
. . . . . .
Царь погналъ свободу вспять,
Самъ полѣзъ подъ пушку спать...

Ничто такъ не рѣдко у человѣка,
какъ проявленіе собственной воли.
Эмерсонъ.

Золотымъ куполомъ сверкалъ высоко надъ зеленой декораціей растеній сѣрый замокъ, раскинувшійся среди мирныхъ травъ и божественнаго молчанія долинъ, какъ чудовище, которое невѣдомо откуда и зачѣмъ явилось сюда и наводитъ паническій трепетъ на душу человѣка, загнаннаго сюда неволей или покорно принесшаго свою волю въ рабство.

Замокъ этотъ обладалъ тѣми магическими свойствами порабощенія, что кто-бы ни переступилъ его порогъ, терялъ свою волю; желанья его, рожденныя прекраснымъ солнцемъ, ароматомъ горнаго вѣтра, пѣсней лѣсовъ и водъ — будто онъ вдругъ терялъ способность ощущать и воспринимать явленія окружающей его природы, — умирали; онъ даже и самъ не сознавалъ, не успѣвалъ опомниться, замѣтить это, какъ онъ сразу становился объектомъ воли, нѣмой, мертвой воли неживого, каменнаго чудовища — замка.

Какъ это происходило, — это необъяснимо, по-

тому-что самъ по себѣ неорганическій предметъ не можетъ обладать свойствами магической воли живыхъ существъ, а, тѣмъ болѣе, проявить вліяніе въ такой огромной степени; но, все-же, человѣкъ, перешагнувшій порогъ этого зданія, зданія властителей, переставалъ быть съ того-же момента самимъ собою.

Со всѣми, въ особенности съ натурами чуткими и воспріимчивыми, впечатлительными, это происходитъ въ тѣ острые неожиданные и сильные моменты, когда имъ приходится ощутить чужую большую радость, чужой большой ужасъ — эти чувства такъ непосредственно передаются, такъ захватываютъ все существо человѣка, что онъ теряетъ способность ощущать самого себя, подобно гипнотику, который и ходитъ такъ-же, какъ всѣ окружающіе, говоритъ и дѣлаетъ то-же, что и всѣ, ни чѣмъ не выдѣляясь, но у него эти всѣ дѣйствія, какъ извѣстно, являются продуктомъ посторонняго вліянія, такъ какъ все, что онъ дѣлаетъ, ничего общаго не имѣетъ съ проявленіемъ его собственной воли.

Со всѣми, кто входилъ въ этотъ замокъ властителей, происходило это, точно по указанію какого-то невѣдомаго духа, который царилъ гдѣ-нибудь тамъ, въ полумракѣ высокихъ извилистыхъ мудреныхъ сводовъ, отдѣланныхъ лучшими художниками скульптуры и живописи XVIII-го и XIX вѣковъ;

каждый, на чью счастливую долю выпадала высокая честь доступа въ это роскошное зданіе, украшенное, кромѣ всего, еще и гербами, оружіемъ и знаменами; графскими и княжескими знаками власти, мужества, богатства и славы, — въ тотъ-же мигъ, какъ онъ вступалъ въ покоряющій полумракъ первой залы, въ которую вели тяжелыя стальныя двери, охраняемыя парадной стражей, блестящая одежда которой производила удручающее и тяжелое впечатлѣніе, — принималъ инстинктивно не свою позу, ни одну изъ тѣхъ позъ, во множествѣ которыхъ его кто-либо видѣть могъ до сей поры, дѣлалъ не свои движенія и говорилъ — онъ самъ это отчасти улавливалъ — не своимъ голосомъ и не то, что хотѣлъ въ это время.

Таково вліяніе, порабощающее и угнетающее вліяніе зданія, въ которомъ поселился духъ властителя, независимо отъ того, сколько людей находится у него въ рабской покорности: нѣсколько десятковъ тысячъ или сто милліоновъ.

Мѣстность, въ которой находился этотъ гигантскій сѣрый камень, — замокъ походилъ на скалу, такъ-что казалось, что онъ весь высѣченъ изъ одного куска, — представляла собою молчаливую долину разноцвѣтныхъ растеній южнаго сверкающаго солнца и, гибкой лентой одной изъ рѣкъ, рѣки, не отмѣченной на самыхъ распространенныхъ картахъ, вслѣдствіе незначительности ея, —

дѣлилась на два вида, вѣрнѣе характера природы, при чемъ одна часть этой долины, казалось, вѣчно блещетъ улыбкой земной радости и полна упоительными грезами, — надъ нею по утрамъ и въ полдень висѣло пылающее солнце и его лучи легко и ровно ложились на пышныя и высокія травы и вѣтки широколиственныхъ тополей и играли своими золотыми нитями среди иголъ сосенъ; а та часть долины, что легла у подножія высокихъ и лѣсистыхъ холмовъ, тяжело нависшихъ надъ нею и изгонявшихъ солнечный свѣтъ изъ всѣхъ ея уголковъ, являлась въ тѣни таинственною и холодною, даже загадочною и жуткою. Вѣчное и нѣмое движеніе водъ этой узкой рѣки, рѣки, которая создавала волшебное разнообразіе этой мѣстности, придавало ей въ то-же время нѣчто особенное, создавало атмосферу сновидѣній и грезъ, но грезъ, отравленныхъ жуткимъ чувствомъ угнетенности, тѣмъ чувствомъ, которое поселяется въ насъ при видѣ покойника или въ минуты сознанія обреченнаго одиночества души.

Въ этой мѣстности, въ этомъ тяжеломъ каменномъ скалистомъ замкѣ, чей духъ власти и порабощенія чувствовался далеко за предѣлами его стѣнъ и оградъ, родилась принцесса Лиссъ. Высокія почести, оказанныя ей въ моментъ ея рожденія холопами въ блестящихъ одеждахъ, не представлялись ей тогда хоть сколько-нибудь достойными проявле-

нія вниманія ея, поэтому, лишь только ее вынесли на свѣтъ и нѣжныхъ тканей тѣла ея коснулся воздухъ, она издала какой-то никому непонятный лепетъ, похожій на плачъ, на жалобу, на стонъ, но нисколько на привѣтствіе, которое было-бы такъ пріятно атмосферѣ замка, пріученой къ красивому сочетанію звуковъ и къ гармоніи жестовъ, движеній. Казалось даже, что когда голосъ младенца торжественно-просто прозвучалъ въ этомъ строгомъ домѣ, массивныя стѣны дрогнули и лица, изображенныя на портретахъ, заключенныхъ въ причудливыя тяжелыя старинныя рамы, зашевелились и, изумленно глянувъ внизъ, застыли въ выжидающихъ позахъ. Объ этомъ принцесса Лиссъ никогда и впослѣдствіи не подумала, когда инстинктивно останавливалась въ этой самой комнатѣ передъ портретами ея великихъ историческихъ предковъ.

Когда принцесса начала произносить первыя связныя слова, смыслъ которыхъ оставался такъ-же загадоченъ, какъ звонъ весенняго ручейка, придворные передавали объ этомъ другъ другу съ благоговѣніемъ, и по выраженію ихъ глазъ, полныхъ сокровеннаго и глубокаго смысла и по виду ихъ зависимыхъ позъ видно было, что они всецѣло во власти всего того, что въ этомъ зданіи являетъ волю свою, хотя-бы сказанное и не заключало въ себѣ понятнаго смысла.

Дѣтство принцессы.

Въ сказкахъ встрѣчаются описанія жизни царевнъ и принцессъ и, само собою разумѣется, что въ произведеніяхъ даровитыхъ авторовъ богатый вымыселъ, порою кажется, превосходитъ красоту и разнообразіе красокъ самой великолѣпной природы, но я бы сказалъ вамъ: природа неописуема, жизнь не передаваема. И какъ не согласиться, что дѣйствительность, какъ-бы мы ни старались вынести ее на бумагу, отмѣтить видимыя въ данный моментъ ея плоскости, даже углубленія и мельчайшіе бугорки со всѣми запечатлѣнными ихъ штрихами, у насъ все-таки получится лишь часть предмета, въ лучшемъ случаѣ — части, но никогда мы не создадимъ того полнаго гармоничнаго и реально цѣльнаго впечатлѣнія, которое получается у насъ въ моментъ переживанія, когда мы воспринимаемъ, главнымъ образомъ, взоромъ и слухомъ, которые сильнѣе всего дѣйствуютъ на мозгъ и сердце. Сказки красивы, онѣ рождены фантазіей, которая безгранична и выражаютъ ихъ словами, до виртуозности гибкими, но онъ безсильны отмѣтить то, что есть жизнь; а когда мы пытаемся это сдѣлать, то мы крайне разсчитываемъ на помощь со стороны фантазіи читателя, которая подобно вѣтру подхватываетъ искорку небеснаго огня и создаетъ то, къ чему стремится авторъ сказки.

Строго держась своего взгляда, что природа — источникъ и сокровищница человѣческой фантазіи и, чѣмъ мы ближе къ сердцу природы, тѣмъ прекраснѣе творчество, доступное человѣку, — я буду описывать все то изъ жизни принцессы, что казалось-бы и неуловимымъ, недоступнымъ проникновенію духовнаго взора и, слѣдовательно, почти неописуемымъ, но было-бы реальнымъ. Правда, моментами дѣйствительность кажется настолько невѣроятной, почти сказочной, что порою она незамѣтно сливается съ гранью вымысла, — этой скользящей линіи переходовъ и соприкосновеній реальнаго съ фантастическимъ не оказалось бы въ данномъ случаѣ, если-бъ я упорно и педантично-строго держался маленькихъ и тѣсныхъ рамокъ сухого матеріала, способнаго познакомить читателя лишь съ одною плоскостью описываемаго предмета; если не упустить изъ вида, что интересующимъ насъ предметомъ является живая душа человѣка, требующая всесторонняго освѣщенія и психологическаго анализа, то станетъ очевиднымъ, что оффиціальные матеріалы не могутъ дать той полноты картины душевныхъ эмоцій героини этой книги, — я постараюсь дать это читателю.

Я начну съ того, когда маленькая принцесса вступила въ тотъ возрастъ, который даетъ человѣку первыя мысли его земной жизни, открываетъ его изумленному взору первыя страницы прекрас-

нѣйшей, художественнѣйшей и мудрѣйшей книги — самой жизни.

Маленькой хорошенькой и одѣтой, какъ ея куклы, принцессѣ Лиссъ сказали, что цвѣты, которые каждый день распускаютъ то здѣсь, то тамъ свои пестрые лепестки и вѣтерокъ разноситъ ихъ ароматъ по всему міру и даже долетаетъ до неба, что всѣ эти цвѣты цвѣтутъ и благоухаютъ только для этой прекрасной маленькой принцессы и, что, когда она плачетъ, то и цвѣточки роняютъ слезы и имъ больно, а когда она, маленькая прекрасная принцесса, смѣется — они тоже смѣются, и отъ ея милаго и нѣжнаго смѣха, который они видятъ и слышатъ, лепестки наливаются ароматомъ и тогда птички поютъ свои небесныя пѣсни и поютъ онѣ эти сѣренькія, желтенькія, золотыя и алыя птички исключительно маленькой и прекрасной принцессѣ Лиссъ, когда звонкій голосокъ ея веселаго и радостнаго смѣха долетаетъ до первой птички и она созываетъ своимъ остренькимъ голоскомъ своихъ подругъ. Но вечеромъ, когда маленькой и прекрасной принцессѣ говорятъ, что пора спать, она не должна плакать или капризничать, потому-что объ этомъ тотчасъ-же узнаетъ ласточка или воробей и уже всѣ цвѣтки заплачутъ и потеряютъ свои бархатные лепестки, а вѣдь это имъ больно-больно, а птички, когда онѣ прилетятъ, утромъ, — онѣ уже тогда не будутъ пѣть...

У маленькой и прекрасной принцессы было такое-же прекрасное сердце, какъ и ея глазки, подобныя звѣздочкамъ, а памятью она обладала тоже изумительной, и она дѣлала то, что надо было, чтобы не плакали ни птички, ни цвѣтки, потому-что помнила, что каждая ея слезка принесетъ такъ много страданій тѣмъ, кого она любитъ; запомнила она и то, что и цвѣты кругомъ цвѣтутъ-живутъ и умираютъ, плачутъ и смѣются-радуются, — только для одной маленькой и прекрасной принцессы Лиссъ. И птички, а, само собою разумѣется, что и лѣсъ, и поля, и рѣки и горы, а съ ними и люди. А люди все дѣлаютъ, что хочетъ она, маленькая и прекрасная принцесса Лиссъ.

Однажды, прослушавъ занимательную сказку о королевичѣ, который на своей серебряной лошадкѣ съ золотыми стременами и такими же подковами объѣхалъ весь міръ и нашелъ, что самая хорошая, самая милая и нѣжная принцесса во всемъ мірѣ — это она — маленькая и прекрасная Лиссъ, — она задумалась. „Онъ еще сюда не пріѣхалъ, а сюда онъ непремѣнно пріѣдетъ, потому-что отправился за море за бѣлоснѣжными лебедями и за колесницей, сотканной изъ живыхъ цвѣтовъ, — это все онъ готовитъ для маленькой и прекрасной принцессы Лиссъ, лучше которой онъ не нашелъ на землѣ, а земля-то вѣдь такая большая и длинная и широкая, что объѣхать ее всю можно только на

серебряной лошадкѣ королевича, и можетъ это только самъ онъ, королевичъ, котораго зовутъ: Свѣтлый Королевичъ Миланъ-Ли.“ Сказка о королевичѣ была такая красивая, что маленькая принцесса пожелала послушать ее еще разъ, а потомъ еще; и много, много разъ разсказывали зачарованной слушательницѣ эту удачную сказку и каждый разъ маленькая принцесса находила въ сказкѣ такъ много пріятнаго для себя, что каждый день спрашивала:

„А скоро пріѣдетъ къ намъ Свѣтлый Королевичъ Миланъ-Ли?“

„Онъ собираетъ за моремъ бѣлоснѣжныхъ лебедей и ждетъ, когда колесница изъ цвѣтовъ живыхъ будетъ совсѣмъ готова, чтобы на этихъ лебедяхъ и въ этой колесницѣ пріѣхать сюда и этотъ прекрасный подарокъ предложить своей милой принцессѣ Лиссъ.“

„Я самая хорошая принцесса во всемъ мірѣ и лучше меня не нашелъ самъ Свѣтлый Королевичъ Миланъ-Ли? . .“ Лучше моихъ всѣхъ куколъ? Лучше куклы Люси? Лучше куклы Бель-Ліо? Лучше куклы, что съ музыкой?“

„— Самая хорошая, самая хорошая — маленькая и прекрасная принцесса Лиссъ.“

Принцесса каждый день спрашивала, когда пріѣдетъ королевичъ, а потомъ ужъ и перестала вѣрить, что онъ скоро пріѣдетъ; къ тому-же и другія сказки были такъ интересны, что хотѣлось

каждый день новой сказки, а въ количествѣ этого матеріала не было недостатка, такъ какъ имѣлось къ услугамъ принцессы, даже больше, чѣмъ надо, людей, считавшихъ за счастье разсказывать маленькой принцессѣ сказочку и тѣмъ расположить къ себѣ вниманіе тѣхъ, чье могучее имя „власть".

Не только тѣ, кто приставленъ былъ въ качествѣ слуги къ принцессѣ, но такіе, которые лишь имѣли хотъ какой-нибудь доступъ къ ней, просиживали у себя дома цѣлые часы въ придумываніи такихъ сказокъ для знатной слушательницы, которыми можно было-бы побить реккордъ въ этомъ отношеніи и тѣмъ обратить на себя вниманіе, а отъ вниманія „Ихъ" зависѣло благосостояніе цѣлаго потомства. Графъ Уэлленъ, который завѣдывалъ библіотекой Ихъ Высочествъ, человѣкъ заслуженный и весьма почтеннаго возраста, съ лицомъ, какъ ему казалось, Фридриха Великаго, — онъ уходилъ въ кабинетъ, запирался, прося не безпокоить безъ особо важнаго дѣла, и тамъ всю ночь рылся въ огромныхъ шкафахъ, наполненныхъ томами сказокъ (никто и не подумалъ-бы, что среди дѣловыхъ бумагъ у него хранятся тайно такія бездѣлицы для его возраста, какъ сказки). Но въ этомъ еще не было бы ничего, вызывающаго ироническую улыбку, если бы только это, но онъ самъ замѣчалъ за собою, что онъ почти помѣшался на этой, казалось бы, смѣшной мысли: „надо найти

въ книжкахъ или самому выдумать такую занимательную сказку, которая и была бы нова для принцессы и не походила на тѣ, что ей ужъ извѣстны; мало того, она должна еще имѣть и аллегорическій смыслъ заманчиваго и, полнаго блаженства, будущаго красавицы-принцессы".

Въ подобной формѣ, но въ сущности эта вотъ мысль не давала покоя библіотекарю графу Уэллену. Иногда ему стыдно становилось зависимости своего положенія отъ подобной пустяковины, но, когда фантазія его взмахивала своими легкими крылышками и уносила его въ ту лучезарную даль, гдѣ мечта даже и самая наивная кажется осуществимой, онъ осиливалъ свою природную гордость и старался думать только объ одномъ: о сказкѣ, которую надо „придумать".

О путешествіяхъ — перебиралъ онъ въ своей памяти — ей ужъ много поразсказали; о сраженіяхъ съ блестящими побѣдами, о райскихъ садахъ съ вѣчно благоухающими цвѣтами, о рыцаряхъ... все это ужъ старо для нея, а изъ книжекъ ужъ позаимствованно самое лучшее; остается мнѣ отложить всѣ дѣла, забыть, что я не писатель, засѣсть за столъ, написать-составить такую вещь, чтобы сразу блеснуть передъ всѣми, а, главное, передъ Ея Высочествомъ, тогда ужъ можно будетъ разсчитывать, что этотъ сизый индюкъ князь подожметъ хвостикъ и перестанетъ указывать мнѣ своимъ

кривымъ пальцемъ на итогъ росписи расходовъ по библіотекѣ и .... этотъ проклятый вопросительный жестъ, передъ его уходомъ! Нѣтъ, это необходимо! Необходимѣе всей моей прямой служебной работы! Я ужъ своего добьюсь! Сынъ Эдуарда Уэллена не ударитъ лицомъ въ грязь передъ тѣми, кто достался ему, дѣйствительно, по наслѣдству. Но какъ лучше всего было бы начать? Съ описанія природы?! Нѣтъ, это будетъ похоже на подражаніе; всѣ книги, большею частью, начинаются описаніемъ природы; даже фельетоны такъ пишутъ. Кромѣ всего, что самое главное, не слѣдуетъ забывать, что обыкновенныя книги, т. е. всѣ — пишутся для массы и никто изъ писателей, кромѣ нашего Бранга, который хорошо, что умеръ два года назадъ и не остался до сей поры, иначе-бы онъ намъ всѣмъ живо отрѣзалъ хвосты, — никто изъ пишущихъ сказки не имѣетъ въ виду особу высокаго положенія, у которой взглядъ на все окружающее совсѣмъ иной, чѣмъ у этихъ несчастныхъ, которые находятъ въ книгѣ пути къ самозабвенію — это равносильно съ дурманомъ; это опіумъ, который затемняетъ ихъ тупыя головы, забитыя мыслями о дурацкой ѣдѣ, въ которой они находятъ счастье человѣчества .... Впрочемъ, кто ихъ знаетъ, что имъ даетъ книга: забвеніе или разумъ, а по-моему, только причиняетъ вредъ намъ — людямъ высшаго порядка, мѣшаютъ заниматься дѣлами государства,

такъ какъ отвлекаютъ эти сѣрые мозги отъ обязанностей прямыхъ и должныхъ. Меня вѣдь не обманешь — это все ведетъ къ насажденію этого, какъ его, соціализма и т. д. Но этому не бывать! Да, такъ вотъ, если я засяду эдакъ вечеркомъ, глотну нѣсколько своего ликерца, такъ все, что мнѣ требуется будетъ достигнуто и дѣло будетъ въ шляпѣ. Я знаю съ чего начать! О, батюшка мой — Эдуардъ оставилъ мнѣ еще и кромѣ этого живого наслѣдства, которое необходимо неусыпно обрабатывать, еще одну штуку, — вотъ эту голову съ этимъ высокимъ и мудрымъ лбомъ. Можете спать совершенно спокойно, я всего добьюсь, что только потребуется моему я.“ И онъ дѣйствительно своего достигъ.

Этотъ незначительный случай со сказкой, которая ему таки удалась, такъ какъ рѣшающимъ критикомъ являлась маленькая Лиссъ, такую важную роль сыгралъ въ жизни Уэллена, что злая зависть разлилась вокругъ него и готова была потопить этого человѣка, но никакія злокозни не помѣшали ему улучшить свое и безъ того великолѣпное положеніе въ качествѣ знатнаго и титулованнаго дармоѣда. Что касается успѣха его сказки, хотя и написанной въ 10—12 дней и заученной дней въ 5—6, то приходится сознаться, что человѣкъ этотъ, зарекомендовавшійся среди всѣхъ знающихъ его, совершенно бездарнымъ, обнаружилъ

въ этомъ случайномъ, можно сказать, вынужденномъ произведеніи недюжинный талантъ художника-живописца и великолѣпнаго психолога, что и самого автора удивляло, когда онъ въ десятый или въ двадцатый разъ прочитывалъ свое первое произведеніе творческой фантазіи. Правда, этотъ успѣхъ, эта удача совершенно вскружили ему голову, ту самую голову, о которой онъ былъ такого высокаго мнѣнія; онъ даже подумывалъ написать романъ или пьесу, но, странно, со временемъ онъ нашелъ, что изъ его сказки оказались позаимствованными многія мѣста такими авторами, какъ Андерсенъ. Это его поразило, тѣмъ болѣе онъ былъ изумленъ, что Андерсена онъ какъ разъ передъ тѣмъ читалъ и перечитывалъ, и, когда сѣлъ писать, то внушилъ себѣ, освободить свои мысли отъ чужого вліянія и даже съ этой цѣлью много пилъ.

Я разсказалъ эпизодъ этотъ какъ характеристику тѣхъ людей, которые создаютъ свое благосостояніе изъ мыльныхъ пузырей и только благодаря тому, что среди массы трудящихся и добывающихъ свой хлѣбъ въ потѣ лица, царствуетъ маленькое существо, вокругъ котораго происходитъ щедрая и нелѣпая раздача радостей и блаженствъ, точно эти люди получили съ неба билетикъ на земное счастье. Но объ этомъ скучно говорить, а насъ вѣдь интересуетъ жизнь нашей царицы, которая до брако-

сочетанія своего была принцессой. Вотъ мы и будемъ продолжать.

Обладая чуткой, впечатлительной и художественной натурой, принцесса Лиссъ еще съ ранняго дѣтства отдалась чтенію, и, хотя графу Уэллену были разъ на всегда даны подробныя инструкціи, которыхъ въ выборѣ книгъ для принцессы вмѣнялось строго держаться, но дипломатичный книгоприказчикъ нашелъ возможность, чтобъ и инструкцію соблюсти и расположеніе принцессы пріобрѣсти.

Принцесса получала всѣ тѣ книги, которыя ее интересовать могли, а такъ какъ книгъ было столь же много, сколько и любознательности у принцессы, и времени достаточно, то и прочла она такую массу, что можно сказать съ увѣренностью, что больше ужъ нельзя было. А книги, какъ мы знаемъ, расширяютъ кругозоръ и знакомятъ насъ съ тѣми вопросами, которые приближаютъ насъ къ разгадкѣ столь запутанныхъ условій нашего бытія. Сначала, разумѣется, принцесса интересовалась исключительно беллетристикой — здѣсь она познакомилась со всею литературой Европы. Она читала и зачитывалась, и каждая новая книга, новая страница все больше и больше воспламеняла ея сердце и окрыляла фантазію; она забывала, что она „избранница“ и чувствовала себя въ толпѣ, въ этой пестрой народной толпѣ, о которой раньше имѣла обидно-ложное представленіе, — какъ ро-

жденная въ ней, и ей хотѣлось радостей этой „черни“, ея воленій и страданій. Это однако послужило толчкомъ къ тому, что къ принцессѣ явился старый заслуженный врачъ и заявилъ ей резонно и поучительно, что глаза принцессы и здоровье вообще въ тысячу разъ для всѣхъ дороже, нежели всѣ книги земли, поэтому является необходимостью на время отказаться отъ этого губительнаго для здоровья развлеченія. Въ этомъ духѣ приблизительно, и даже точно такъ, говорилъ старый докторъ, и принцесса, къ своему сожалѣнію, знала, что онъ говоритъ это не только отъ своего имени и, что рано или поздно, но ей не избѣгнуть этого „рѣшенія“. Она вся зардѣлась, обидѣлась и ей стало стыдно, что надъ ея душой и мозгомъ существуетъ опека со стороны всѣхъ этихъ людей, которые давно ужъ ей теперь казались не столь добрыми, какъ въ дѣтствѣ она считала ихъ, а даже неискренними и лукавыми.

Ей теперь дѣйствительно стали выдавать книги подъ контролемъ и въ очень ограниченномъ количествѣ. Чтобы пополнить время тоски, она принялась за рисованіе и показала въ этомъ искусствѣ дарованіе. Народился новый цѣлый штатъ дармоѣдовъ. Изъ Италіи выписали извѣстнаго тамъ художника Ореньяно Фитчи, школа котораго стала пріобрѣтать поклонниковъ, а затѣмъ набрали и національныхъ талантовъ армію.

Можно себѣ представить, какъ великъ былъ восторгъ, когда первые шаги принцессы были одобрены счастливымъ учителемъ, и его хвалебные клики были передаваемы изъ устъ въ уста. Въ газетахъ уже появились огромные столбцы отзывовъ о новой сторонѣ талантливости принцессы Лиссъ. Пустили даже утку, что принцесса написала картину, которая поражаетъ тонкостью вкуса и техники знатоковъ этой отрасли. Газетчики вѣдь вѣчно находятся въ зависимости отъ игры случайностей, а это самое нелѣпое состояніе, когда ждешь подъ угрозой голода чего-то, что должно случиться.

Всей читающей Европѣ стало извѣстно, что принцесса Лиссъ художница и талантливая, настолько талантливая, что располагай она необходимымъ для того досугомъ, она поразила бы, можетъ быть даже, весь свѣтъ; ея кисть дышитъ огромной опытностью, что присуще лишь очень крупнымъ и серьезнымъ дарованіямъ; въ особенности это является неожиданно пріятнымъ фактомъ, что принцесса сравнительно недавно лишь посвятила себя этому излюбленному ея теперь искусству. Будемъ радостно и трепетно надѣяться, — писали газетчики, — что въ недалекомъ будущемъ наша королевская галлерея обогатится новыми сокровищами.

Какъ разъ въ это время принцесса забросила свои кисти и краски, совершенно переродившись подъ вліяніемъ реальной жизни, которая блеснула

передъ ея глазами своимъ ослѣпительно яркимъ алымъ свѣтомъ цвѣтущей земли и пылающаго солнца.

Этотъ художникъ, что пріѣхалъ изъ Италіи, съ которымъ принцесса провела цѣлое лѣто въ такъ называемомъ „домикѣ искусствъ“, что ютился на склонѣ вишневой горки, откуда виднѣлся, подобно игрушкѣ изъ слоновой кости, желтовато-бѣленькій домикъ, предназначенный для приглашенныхъ артистовъ; этотъ Фитчи не замѣчалъ въ тѣ минуты, когда его рука продѣлывала на холстѣ мудреныя фигуры, что изумрудные глаза „недоступной дѣвушки“, какъ онъ по ночамъ тайно называлъ ее, оставаясь самъ съ собою, — часто останавливаются на такомъ предметѣ, который, казалось-бы, не могъ-бы представлять интереса ни для кого, а въ особенности для особы, чья душа поглощена красотою содержанія и формъ.

Но мало-ли такихъ мелочей въ жизни нашей, которыя при другихъ условіяхъ движенія времени, можетъ быть, заслуживали-бы глубокаго и тщательнаго анализа, а теперь мы стараемся оторвать отъ нихъ свою мысль и поставить ее на прямыя и ровныя рельсы.

Вотъ это и было съ художникомъ, который на-лету улавливалъ необъяснимое направленіе, положеніе и содержаніе глазъ красавицы; сознаніе

того, что передъ нимъ принцесса, человѣкъ загражденный отъ него Богъ знаетъ чѣмъ: гербами, титулами — „панцырями золотыми“, какъ онъ соображалъ, шутя, — это срывало его мысль съ той башни, на которую его возносило сердце, — тотъ безумный органъ, который, не желая ничего знать, можетъ только одно — желать. А на рельсахъ было лишь: необходимость быть внимательнымъ и успѣшнымъ въ работѣ, отъ которой, ему казалось, зависитъ вся его будущность, а въ этомъ представленіи его было нѣчто огромное, вознаграждающее за всѣ лишенія и побѣды надъ своимъ существомъ. Въ этомъ отношеніи у него была дурная и мелочная черта ростовщика-тряпичника, который въ каждой новоприпрятанной ниткѣ видитъ увеличеніе своего счастья.

Фитчи очень мало задумывался „о человѣчествѣ“, а о своемъ настоящемъ, въ ущербъ которому идетъ работа для будущаго, онъ забывалъ, подобно тому-же ростовщику, который экономитъ на своемъ бюджетѣ. Если бы у художника не было въ такой мѣрѣ этой ростовщической черты, а онъ смотрѣлъ бы на жизнь какъ поэтъ, который отдаетъ свой огонь мгновенью, постучавшемуся къ нему въ сердце, и, какъ колокольчикъ изъ тонкаго серебра, вѣчно звенитъ ему изъ грезящей и молчаливой дали, о, тогда бы этотъ несчастный понялъ, что эфирный амуръ неслышно влетѣлъ въ откры-

тое окно и похлопываетъ его по плечу своими смѣющимися и невидимыми крылышками.

Первая любовь принцессы.

(Картина художн. Фитчи „Справедливость“.)

Однажды принцесса ушла изъ ателье раньше обыкновенія, сказавъ, что она устала, а когда золоченые холопы бросились за нею вслѣдъ, чтобы еще разъ показать ей, что они счастливы своимъ рабствомъ, она нервно, даже не пожелавъ или не успѣвъ себя сдержать, отмахнулась отъ нихъ тѣмъ непрітно-дѣйствующимъ жестомъ, который ужасно рѣзко подчеркиваетъ отвращеніе къ данному предмету и который очень хорошо знакомъ мухамъ, въ особенности осеннимъ, съ которыми можно сравнивать раболѣпствующихъ прислужниковъ.

Принцесса ушла одна. Это было въ тотъ единственный часъ дня, который оставался свободнымъ отъ программы жизни принцессы: не предстояло ни пить, ни ѣсть, ни переодѣваться, ни перечесываться, ни даже являть церемонію присутствія въ залѣ для гостей.

Отъ „Домика искусствъ“, изъ котораго она вышла, одна изъ тропинокъ, наиболѣе узкая и извилистая, вела къ руинамъ какого-то древняго дворца, неподалеку отъ которыхъ находилась бесѣдка; въ этой бесѣдкѣ заросшей плющемъ, виноградомъ

и прекрасными алыми розами, которыя, казалось, не увядали и вѣчно пылали въ чащѣ зелени своими огненными устами, на этой тропинкѣ, ведущей къ руинамъ и притаившейся за маленькимъ холмикомъ, на которомъ устроенъ фонтанъ, принцесса находила свое упоительное, сладкое и убаюкивающее уединеніе, которое предпочитала теперь всѣмъ радостямъ, что ей старались вселить и люди и роскошь дворца, яко-бы благословеннаго Богомъ.

Солнце скользило своими золотыми струйками по дорожкѣ, бросая на зеленый бархатъ растеній свои причудливые узоры, и придавая и землѣ, и зелени совершенно новые цвѣта и дѣлая ихъ фантастичными. А тѣни, что двигались и раскачивались отъ деревьевъ и назадъ, нарождали цѣлые рои силуэтовъ. Но это всѣмъ давно извѣстно, что въ солнечный день отъ деревьевъ ложатся на землю тѣни, а отъ движенія листвы всей массы этихъ деревьевъ, тѣни кажутся поднявшимися и шествующими по дорожкѣ, словно это люди. Но принцессѣ показалось, что она явственно видитъ передъ собою фигуру знакомаго человѣка, котораго только-что оставила тамъ, позади. Она вздрогнула и устыдилась своего внезапнаго испуга и остановилась. Ей показалось, что ей дѣйствительно надо теперь увидѣть эту самую фигуру, за которую она приняла тѣнь. Она круто повернулась и пошла обратно, туда, откуда ушла, затѣмъ, чтобы про-

вѣрить то странное чувство, для опредѣленія котораго она еще и не искала слова, но одно всетаки подкрадывалось само и навязывалось; казалось оно слащавымъ и давно уже оскорбленнымъ, въ особенности романистами и поэтами, и ей не хотѣлось опредѣлить свое чувство, трепетъ своего сердца, этимъ словомъ; никакимъ словомъ она не хотѣла обозначить то, что нѣжнѣе дыханія горъ и молчанія расцвѣтающихъ лилій коснулось ея груди и поселило въ ней духъ неба.

Вѣдь слова наши не полно и глубоко обозначаютъ желаемое.

Все, что касается тончайшихъ эмоцій души — неопредѣлимо никакими знаками; какъ солнце непередаваемо никакими приспособленіями.

Принцесса стояла и думала о томъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на нее новая картина Фитчи „Справедливость“, и удивлялась тому, что каждый разъ, когда она уединяется и хочетъ представить себѣ изображеніе той картины, ей это не удается, ей мѣшаетъ встающій передъ нею силуэтъ человѣка, о которомъ она такъ старается не думать. И этотъ силуэтъ не уходитъ отъ нея и упрямо и кокетливо позируетъ, какимъ она не видѣла ни разу Фитчи, а только иногда воображала, что этотъ молодой человѣкъ, съ пылающими глазами и порывистыми движеніями, именно такъ долженъ

былъ-бы ходить, останавливаться, неожиданно для собесѣдника, и такъ подергивать плечомъ.

„Странно“ — думала принцесса и вздыхала, что чувство, которое вызываетъ у нея и улыбку и боль въ сердцѣ, начинаетъ ею овладѣвать, до жуткости.

Ей вдругъ показалось, что вокругъ нея все только-что перемѣнилось. Цвѣты, похожіе на звѣзды, кораллы и крылышки бабочекъ, спрятались въ стволы деревьевъ и оттуда заглядываютъ ей въ сердце.

„Я больна!“ — сказала принцесса вслухъ, какъ-то неожиданно для себя самой, и вдругъ вздрогнула, будто испугалась этихъ словъ. Она оглянулась и ей показалось, что кто-то слышалъ ея слова и поспѣшилъ донести объ этомъ „имъ“ — такъ у нея мелькнуло теперь въ головѣ, потому-что такъ она теперь, съ недавняго времени, стала называть всѣхъ окружающихъ, почему-то почувствовавъ себя совершенно одинокою среди самыхъ близкихъ, которые, казалось-бы, такъ способствуютъ тому, чтобъ ей, принцессѣ Лиссъ было хорошо. „Теперь ужъ мнѣ не спастись отъ ‚ихъ‘ усиленныхъ ‚заботъ‘, отъ этихъ угнетающихъ разспросовъ и проницательныхъ заглядываній въ глаза, — въ сердце, въ душу .... Ахъ, какъ мнѣ скверно!!...“

Принцесса прошлась по дорожкѣ, свернула къ той бесѣдкѣ, что, казалось, ждала ея уединеннаго молчанія, постояла, прислушиваясь къ таинствен-

ному голосу, который всегда слышенъ на лонѣ природы, и медленными шагами вошла и сѣла.

Листья покачивались и ихъ шелестъ подобенъ былъ шопоту людей, которые собираются совершить въ эту ночь нѣчто, неожиданное для окружающихъ.

Принцесса прислушалась къ этому загадочному разговору и ей показалось, что она находитъ въ рѣчахъ этихъ волшебныхъ существъ объясненіе и оправданіе тому, что происходитъ въ эти послѣдніе дни съ ея сердцемъ и мыслями. Ей казалось, что она слышитъ изреченія, подобно тѣмъ, какія произносила въ древности пифія.

Она ясно слышала:

„Тебѣ надо больше, чѣмъ многимъ, но судьба смѣется надъ тобой, — то, что нужно сердцу твоему, вѣчно останется твоей неосуществимой грезой.... Твое сердце шепчетъ тебѣ:

„Онъ.“

А кто-то отвѣчаетъ за тебя съ нѣжной улыбкой, но жестоко:

„Нѣтъ“....

„Въ слезахъ своихъ ты найдешь свою радость и только слезами ты облегчишь одиночество свое.“

— Мнѣ нельзя долго оставаться въ уединеніи, это единственная истина изъ устъ нашего врача.“ —

Принцесса встала и на сей разъ направилась по другой аллеѣ, ведущей къ водопаду и цвѣточной

галлереѣ. Ее сопровождали съ обѣихъ сторонъ молодыя деревца кипарисовъ, тополи, поднявшіеся къ небу, и рубиново-красные златооки, и темныя фіалки, и бѣлыя раскрывшіяся лиліи, что издалека кивали ей своими причудливо одѣтыми чепцами, точно дѣти, что спрятались въ глубинѣ кустовъ сирени и оттуда окликаютъ старшую сестру.

Принцесса вспомнила, какъ прекрасно было ея дѣтство, но въ этотъ мигъ, будто кто-то ее окликнулъ, она встрепенулась, какъ серна, и быстро побѣжала къ желтовато-бѣлому домику, который виднѣлся изъ оконъ „Домика искусствъ“, такой-же домикъ. Тамъ живутъ эти пріѣзжіе художники, только ими посѣщаемъ этотъ домикъ, слугами еще, а развѣ ей подобаетъ такъ близко подойти къ нему.

„Я пройду мимо; интересно пройти когда-нибудь такъ близко, чтобъ можно было увидѣть хоть что-нибудь внутри. Ахъ, кто-то даже стоитъ у окна.... римскій профиль.... что это со мной! у меня дрожатъ ноги.... онъ кланяется.... онъ умышленно не отходитъ отъ окна, но я видѣла у него портретъ итальянки .... А картина, картина .... Нѣтъ, я больна.“

„Ваше Высочество! Ваше Высочество!“ — смутно послышались принцессѣ слова, раздавшіяся позади нея. Она почувствовала, что больше она уже не можетъ ступать и ей стало легко и спокойно на душѣ, точно она сразу уснула, когда мысли ея

замерли и легкимъ облачкомъ она куда-то унеслась отъ земли.

Это былъ сердечный припадокъ. Такъ оказалось, по отзывамъ врачей, но придворная стая блестящихъ рабовъ не удовлетворялась діагнозомъ чисто медицинскимъ. Точно подъ тяжелые каменно-желѣзные своды покоевъ ворвались дикія птицы и своимъ зловѣщимъ крикомъ пронзили молчаніе полумрачныхъ залъ, выгоняя изъ уголковъ вѣковую тишину, зашипѣлъ стоустый шопотъ, злой и ѣдкій, какъ дымъ; изъ устъ въ уста передавали золоченые прислужники, „какъ это случилось", причемъ іезуитская мимика тѣхъ и другихъ краснорѣчиво выдавала ихъ враждебность и зависть, даже ненависть къ тѣмъ, кому они продали за горсть золота и ворохъ мишурнаго тщеславія свои души.

„Обыкновенный нервный припадокъ", — говорили искривленныя уста лысаго человѣка съ блестками на груди и плечахъ, а лицо его, приспособленное къ тому, чтобы выражать чувство, потребное моменту и совершенно независимо отъ своего сердца, говорило другое:

„Любовь-шалунья"... или въ такой ироническій формѣ:

„Читаетъ-съ очень много... А моя бабушка говоритъ изволитъ, что чтеніе приноситъ только горе."

Нисколько не могъ интересовать принцессу какой-то замкнутый итальянецъ.

Принцесса-Невѣста.

Художественная натура принцессы жаждала знаній, впечатлѣній, эмоцій. Когда влеченію къ беллетристикѣ, а затѣмъ къ кисти было отдано первое пламя сердца, ея умъ потребовалъ основательнаго анализа понятій, сложившихся у нея въ домѣ родителей. Во дворцѣ бабушки, мудрой королевы культурнѣйшаго государства, принцесса нашла самыя благопріятствующія условія къ достиженію своей благородной цѣли — учиться.

Сначала принцессу все же поразилъ ослѣпительный блескъ жизни королевскаго дворца и чѣмъ больше присматривалась молодая принцесса къ окружающему, тѣмъ пышнѣй и роскошнѣй находила она свое новое жилище. А постоянный притокъ новыхъ гостей, избранниковъ великой земли, придавалъ ея новой жизни очарованіе торжественнѣйшаго и нескончаемаго бала царей всѣхъ странъ. Какая-то волшебная пожизненная сказка, болѣе фантастичная и богатая разнообразіемъ содержанія, цвѣтовъ и красокъ, чѣмъ тѣ, которыя чаровали когда-то ея чуткую душу, ея любознательный и воспріимчивый умъ. И то, что ей разсказывали и тогда удивляли ее картинами сочетанія власти,

славы, генія, красоты и. т. п., теперь казалось ей безсильной попыткой подражанія дѣйствительности.

Всѣ тѣ богатства, красоты, сокровища, что лежали столѣтіями на днѣ морей, въ глубинахъ земли, подъ тяжестью огромныхъ горъ — все, что было доступно человѣку, покорившему и землю, и воды, и людей, и животныхъ, и птицъ, и, почти, стихію, — все это въ видѣ лучшихъ образчиковъ, въ видѣ перловъ творчества великой природы — со всего міра собрано было и обольщало гордый и торжествующій взоръ молодой принцессы Лиссъ.

Она и раньше представляла себѣ величіе первѣйшаго дворца земли; фантазія щедро развертывала передъ ея взорами красоты и сокровища, за цѣлыя столѣтія собранныя геніемъ могучей власти, къ услугамъ котораго покорно и кротко являлись даже святыни: наука и искусство. Но надо самому присутствовать на съѣздѣ властителей царствъ, видѣть парадъ и церемоніи, устраиваемые при дворцѣ культурнѣйшаго государства, чтобы понять одно слово, которое лучше всего подчеркиваетъ торжество царей, а это слово явилось по ту сторону дворцовыхъ зданій, откуда лучше всего видѣть непостижимую роскошь: соціализмъ.

Это было въ ту пору жизни принцессы, когда всякое явленіе жизни требовало отъ нея анализа и оцѣнки. Хотя сквозь цѣпкія рѣшетки оградъ и тяжеловѣсныя двери дворцовыхъ зданій, совер-

шенно изолированныхъ отъ нашего міра, жизнь проникала въ царскіе покои въ иномъ видѣ, чѣмъ она у насъ, — размалеванная, пріукрашенная и лишенная своихъ угловъ и иголъ, но за то и приторно слащавая и для здоровой души мучительная, — все же чуткая натура интеллегентнаго существа, одолѣвая всѣ преграды условій исключительнаго положенія, ловила жадными глазами души, жаждущей оправданія всему, что происходитъ кругомъ, — отвѣты и рѣшенія.

Золото, разсыпанное кругомъ, слава, заглушающая мысль, наслажденія, зовущія въ міръ сладкаго забвенія, и роскошь со всѣми чарами своихъ магическихъ эффектовъ, — все это не мѣшало принцессѣ въ моменты самаго будто-бы беззаботнаго разговора, даже смѣха, вздыхать и носиться мыслями гдѣ-то далеко, гдѣ нѣтъ ни этихъ гордыхъ и фальшивыхъ лицъ, а гдѣ-нибудь на страницѣ давно читанной книги.

Принцесса и сама не замѣчала, что люди, съ которыми она выросла, люди, отъ которыхъ она родилась и изъ круга, изъ волшебнаго круга которыхъ ей никогда, никогда не уйти, они ей чужды и ненавистны. Сказать имъ это ей нельзя, а чѣмъ больше она таитъ въ душѣ своей это чувство, тѣмъ болѣе усиливается оно и мучительно терзаетъ.

Когда-то она думала, что эти люди только случайно неосвѣдомлены о томъ, что происходитъ по

ту сторону этой сказочно роскошной жизни съ ея причудами и развращенными прихотями, что идетъ за счетъ какихъ-то невидимыхъ грязныхъ, больныхъ и голодающихъ людей, но послѣ она узнала, что то, что ей извѣстно, извѣстно всѣмъ: отцу ея, матери, теткамъ, дѣдамъ и всѣмъ, кого она видитъ въ этомъ пиршественномъ чаду; тогда она задала себѣ вопросъ, который долго, долго не могла рѣшить:

„Какъ они могутъ оставаться безпечно и безстыдно веселыми, когда въ эти дворцовыя окна стучится стонъ цѣлаго народа?!“

По ночамъ, когда голубой свѣтъ ночной люстры вкрадчиво мягко и услужливо ложился шелковыми складками на гобелены и послѣднія казались ожившими, принцесса съ грустью и укоризной смотрѣла на ихъ тонкіе, тщательные рисунки и даже въ нихъ видѣла свой мучительный вопросъ, неразрѣшимый безъ дерзновенія мысли. Ей казалось, что она явно возстаетъ противъ всѣхъ, кто родилъ ее и чьей частицей она не можетъ не считаться, и ей становилось жутко въ голубомъ полусвѣтѣ молчанія и тишины. Ей казалось, что грозные воины, что до сихъ поръ мирно и миролюбиво покоились на стѣнахъ, теперь, услышавъ тревожное и протестующее біеніе ея сердца и, уловивъ ея дерзно-

венныя мысли, готовы поднять тревогу, разбудить ночь и обрушить на нее-принцессу кару, не знающую пощады.

Но вдругъ ею овладѣвало то безумно могучее сознаніе правоты, справедливости и долга, которое неустрашимо; тогда глаза ея разгорались жаждой мщенія и борьбы; она забывала, насколько она зависима отъ окружающихъ, и ей казалось, что она можетъ бороться за свои убѣжденія и отстаивать ихъ съ мужествомъ и стойкостью тѣхъ историческихъ героевъ, которыхъ всѣ вѣка и народы съ гордостью воспѣваютъ. И она готова была подняться и закричать:

„Такъ больше нельзя!. Я первая возстаю!.“ И казалось, что она это сдѣлаетъ, не смотря на то, что сознаніе ей подсказывало, что это ни къ чему желаемому не приведетъ, — встанетъ, распахнетъ двери и закричитъ. Пусть поднимется тревога, пусть сбѣгутся всѣ, — она заявитъ имъ, что находитъ нескрываемымъ и нужнымъ выразить. Но когда остывающая горячка мозга ужъ больше не могла держаться на своей высотѣ и мысли приходили ровнѣе и методичнѣе, принцесса безсильно опускала свою усталую голову и падала на упругія шелковыя подушки, поправляя ихъ, и натягивая на грудь одѣяло, будто она только что улеглась и ничего съ нею не происходило въ этой комнатѣ, полной очарованія, созданнаго роскошью мебели,

фантастичностью свѣта и тихой задумчивостью молчанія этихъ нѣмыхъ ея сторожей.

Но принцесса не засыпала, а мысли ея работали еще сильнѣе и даже основательнѣе, чѣмъ въ пламенный мигъ экстаза. Она холодно и упорно взвѣшивала и контролировала всѣ свои планы. Что будетъ, если она вдругъ завтра посвятитъ кого нибудь въ свои намѣренія!.. Мистеръ Бонгъ самый подходящій въ этомъ отношеніи человѣкъ... Онъ можетъ быть полезенъ... Разумѣется, всякій подобный шагъ съ моей стороны неминуемо повлечетъ за собою невообразимый скандалъ во всемъ мірѣ... А остается такъ... примириться съ этимъ несправедливымъ положеніемъ — это ужасный компромиссъ... Я бы сама себя возненавидѣла, презрѣла до глубины души!...

Это равносильно тому, что я обманываю и тѣхъ, къ кому зоветъ меня моя совѣсть и — среди кого я вынуждена оставаться, презирая ихъ.

„Вынуждена“ — опять такое фальшивое, покупное и продажное слово!“

Слезы удреченнаго отчаянія были единственнымъ облегченіемъ принцессы, а ея глубокій надрывающій сердце вздохъ былъ молитвой, нѣмой и выразительной молитвой.

Эта ночь, — очевидно, потому-что какъ разъ вчера она прочла въ газетѣ о возстаніи голодающихъ рабочихъ, — была особенно тяжка и без-

покойна: то принцессѣ казалось, что эти несчастные стучатся къ ней въ двери и бросаютъ ей въ сердце упреки въ томъ, что и безъ того ей отравляетъ это мнимое наслажденіе исключительнымъ положеніемъ ея; то она видитъ передъ собою парламентскую площадь, усѣянную народомъ, который возноситъ свои стоны къ небу, безсильно простирая къ кому-то свои руки... Вотъ появилась конная полиція и въ мигъ вся площадь окрасилась багрово-алымъ цвѣтомъ раздробленныхъ тѣлъ... еще кое-гдѣ раздаются вопли, но все рѣже и слабѣе, какъ разъ тогда, когда надо разбудить весь міръ, а вотъ и вся площадь стала мертвою и багрово-бурой; камни смѣшались съ кровью и мясомъ человѣческимъ... а парламентъ высоко и гордо стоитъ невозмутимый и величественный — нелѣпая игрушка злыхъ и властныхъ избранниковъ....

Принцесса не замѣтила, какъ промчалась ночь, какъ блѣдно-сѣрый свѣтъ сталъ пробиваться сквозь тонкую ткань шелковаго тюля и даже сквозь массивный шелкъ драпри, и боролся съ голубыми лучами люстры, ставшими почти желтыми, — это сочетаніе свѣтовыхъ эффектовъ болѣзнено дѣйствуетъ на мозгъ.

Принцесса приподнялась, присѣла въ постели, положила голову на руки и стала смотрѣть въ то мѣсто, гдѣ боролись ночь и день; она долго смотрѣла, и, пока живые лучи рождающагося дня погло-

щали тѣ, что струились изъ лампочекъ, она представляла себѣ схему этого грядущаго дня, сопоставляла то, что было вчера и много дней тому назадъ, съ тѣмъ что могло и, что обѣщало быть завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ годъ: шумно, торжественно, парадно, роскошно, — точно, правда, въ сказкѣ, — но и также тягостно, безрадостно и фальшиво, какъ только въ сказкѣ и можетъ быть.

Эта безсонная кошмарно-тяжелая ночь легла черной тѣнью на лицѣ принцессы и темными синими жилками собралась подъ глазами, но она не чувствовала ни усталости, ни слабости, напротивъ, ей казалось, что за эту ночь она набралась свѣжихъ силъ и бодрости и, что въ ней поселилась та духовная мощь, что дѣлаетъ ее способной остаться въ своихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ исключительно одинокой и свято сохранять свою строгую тайну.

Она поднялась, встала, выпрямилась и, увидя себя въ зеркалѣ, застыла, точно очарованная видѣніемъ.

„Разумѣется, я — красива и, пожалуй, какъ это говорится въ романахъ, обаятельна, и герцогъ или — кто знаетъ — король, а можетъ быть только маркизъ — торжественно и церемонно будетъ цѣловать мнѣ руку, считая себя и меня счастливыми супругами, а я тогда и не подумаю о томъ, что за этимъ нѣжнымъ и, быть можетъ, искреннимъ поцѣлуемъ кроется злая и непримиримая ненависть

милліоновъ людей, посылающихъ намъ самыя страшныя проклятія.

О, Господи!!. Какъ жутко объ этомъ подумать!!..

Вѣдь, если я молюсь, то, значитъ, я надѣюсь и вѣрю, что Богъ внемлетъ моей душѣ и рано или поздно, но когда-нибудь, въ той или иной формѣ выразитъ свое милосердіе, во имя той справедливости, на которую разсчитываетъ каждый молящійся, каждый вѣрующій... А если сто человѣкъ ограблены однимъ и они вопіютъ о мести и молятся съ искреннимъ воплемъ сердца о справедливомъ возмездіи!... А если не сто и не тысяча, милліоны людей возносятъ каждый день глаза къ небу и говорятъ....

Но, съ другой стороны, если разсудить спокойно и логично, то развѣ я могу считать себя виновной въ томъ, что я — дочь герцога, а не какого-нибудь садовника.

Конечно, во всякомъ самооправданіи есть, такъ сказать, осадокъ чего-то.... Въ безумную и горячую минуту озлобленія я бы, пожалуй, назвала это самообѣленіемъ, но развѣ это было-бы справедливо?!

Совершенно несправедливо!

А почему мнѣ не видѣть въ своемъ превосходствѣ... Я бы даже сказала, что въ этомъ — Промыселъ Божій!... Да, — Богъ!

Принцесса подняла глаза къ лампадкѣ, которая

озаряла желтымъ нездоровымъ свѣтомъ маленькій кружокъ, вокругъ котораго сверкала серебряная звѣзда ореола, и глаза ея благодарной и сладкой горечью заслезились. Ей стало легче, — она уже теперь имѣла надежную защиту съ неба.

Она легко вздохнула и подошла къ окну.

Приподнявъ занавѣсъ, она прищурила глаза, такъ какъ свѣтлый день ворвался въ комнату и облилъ ее широкимъ потокомъ золотыхъ лучей зари. Она вздрогнула и круто повернулась, но убѣдившись, что она здѣсь одна, глянула въ окно.

Ничего, кромѣ зеленой стѣны тополей и кипарисовъ, а подъ ними группы цвѣтовъ, кажущихся пестрыми точками; вверху величественно: изумрудно перламутровая необъятная даль, пронизанная блескомъ солнца, которое только что выплыло и оживило міръ.

Принцесса знала, что позади деревьевъ — этихъ ревнивыхъ стражей, лежитъ еще сонный и едва лишь пробуждающійся городъ. Она стала перебирать въ памяти все, что она запомнила, проѣзжая по главнымъ улицамъ, но въ это время она почувствовала, что у нея млѣетъ рука, на которую она оперлась; отняла руку, оглянулась, увидѣла на себѣ ночной костюмъ и испугалась, будто сдѣлала что-то недостойное себя, и поспѣшила въ постель, упрекнувъ себя въ легкомыслiи и надъ чѣмъ-то посмѣявшись однимъ уголкомъ губъ; не могла бы

сказать и сама принцесса, надъ чѣмъ и по какому поводу у нея заиграла улыбка иронiи; вѣрнѣе всего, это было сознанiе необходимости, неизбѣжности примиренiя съ тѣмъ, что такъ томитъ душу. Но если-бы можно было намъ построить выводъ на основанiи предположенiй, то можно бы съ увѣренностью сказать, что для принцессы и не могло быть никакого примиряющаго исхода, кромѣ подчиненiя порядку вещей, который хотя и былъ тягостенъ, но былъ легче всего.

Достигнуть какой бы то ни было цѣли, требующей борьбы, легче всего, а я бы сказалъ, только тогда возможно, когда насъ побуждаетъ къ тому безъисходная крайность.

Принцесса не сталкивалась съ жизнью народа лицомъ къ лицу, не видѣла его язвъ, не испытывала его мученiй и, что самое главное, при всемъ богатствѣ своего воображенiя, не могла постигнуть того пугающаго и жестоко циничнаго контраста, который лежалъ мертвымъ чудовищемъ между золочеными оградами дворца и подвалами, согрѣваемыми зимой лишь испариной земли.

У принцессы было очень доброе сердце, настолько доброе, что она даже избѣгала дѣлать замѣчанiя слугамъ, когда тѣ не вполнѣ точно исполняли ея желанiя, но явить милосердiе къ тѣмъ, кому это необходимо, какъ чистый воздухъ, — этому всегда что-нибудь мѣшало; вѣдь и мы часто не по-

даемъ милостыни, а если подумать, почему, то намъ всегда станетъ стыдно: то надо размѣнять монету, то далеко доставать, то кто-нибудь смотритъ и если онъ дурной, то какъ разъ подумаетъ, что мы рисуемся, а для того чтобы не подать и, будто, не замѣчая несчастнаго, съ притворной разсѣянностью пройти мимо, надо только на одинъ мигъ закрыть глаза своего сердца, а этому мы такъ прекрасно научились, что оно даже какъ-то само у насъ дѣлается, какъ отвѣшиваніе поклона, будто вошло въ привычку, или это преподавалось намъ въ учебныхъ заведеніяхъ наравнѣ съ Закономъ Божьимъ.

А если мы способны не подать нищему въ то время, когда сознаемъ необходимость въ этомъ, то намъ-ли не понять, почему принцесса подъ утро уснула съ загадочной и сжатой улыбкой.

Людей, свободныхъ отъ угнетающихъ обязанностей рабскаго труда, произвольное теченіе жизни уноситъ въ непредвидѣнныя дали своей безмѣрности, и эти люди, какъ того и Самъ Христосъ желалъ — сущія дѣти Природы.

Если къ принцессѣ въ ея роскошную, поэтически изящно и гармонично убранную спальню врывались безпокойныя мысли о совѣсти, которая не удовлетворена, о долгѣ, который требуетъ возмездія, то, подобно тому, какъ въ морѣ тонетъ корабль и поверхность водной бездны, черезъ мигъ послѣ ужасной гибели людей, принимаетъ свой прежній торже-

ственно красивый видъ, — въ безднѣ радостей, развлеченій, увеселеній и блаженствъ, которыми льстецы-прислужники наполняютъ каждый день дворецъ, — утопали безслѣдно тѣ нѣжные вздохи скорби, что порой тревожили молодое и чуткое сердце принцессы. Каждый день приносилъ такую массу впечатлѣній, что даже для того, чтобы разобраться въ нихъ, насколько они должны быть признаны пріятными, требовалось слишкомъ много времени; другими словами, не было достаточно времени, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что было за день. Но, какъ разъ, когда принцесса собиралась къ ночи представить себѣ картину прожитого дня, такъ какъ въ этомъ вся прелесть, то въ это время, неизвѣстно откуда, являлись эти небесные, но слишкомъ строгіе призраки и показывали ей какіе-то черные ящики, зіяющія раны, измученныя тѣла людей; наполняли ей уши душу раздирающими криками умирающихъ отъ голодовки рабочихъ и т. п.; какъ разъ показывали ей то, что днемъ такъ искусно задрапировывалось блескомъ, роскошью и ликующей безпечностью дворцовой жизни.

Для людей, щедро одаренныхъ всякими благами земли и купающихся въ рѣкахъ наслажденій, доступныхъ на землѣ, есть одинъ ужасный и непредотвратимый бичъ — мысли.

Поэта мысли возносятъ въ лучезарный край вѣчнаго райскаго счастья, потому, что онъ отдаетъ

солнцу, землѣ и людямъ все то, что можетъ, а беретъ то, что ему даютъ эти его вѣчные священные друзья; а тѣ, кто смотритъ на міръ, какъ на арену торга, борьбы или вообще ничего не видитъ кругомъ, кромѣ лишь самого себя, тѣ — жертвы мыслей. По ночамъ, словно живыя существа, онѣ пробираются въ мозгъ и долбятъ его своимъ желѣзнымъ долотомъ, требуя возмездія, оправданія, — онѣ истинные слуги Божьи, но жестокость ихъ чисто земная, ибо они, подобно людямъ, не знаютъ примиренія и не даютъ пощады.

Была ли это у принцессы простая форма острой меланхоліи, подъ вліяніемъ читаемыхъ во множествѣ книгъ, или въ крови властителей живутъ и передаются наслѣдственно такіе чувствительные до болѣзненности шарики, которые реагируютъ и на то, что является слѣдствіемъ властвованія надъ цѣлымъ народомъ, — это непостижимая тайна, какъ то, завидуютъ ли короли порою соціалистамъ, умирающимъ за свой народъ, или они боятся настолько обнажить свою душу; или имъ трудно вообразить себѣ тотъ великій христіанскій подъемъ духа, который доступенъ лишь дѣтямъ Христовымъ; но можно съ увѣренностью сказать, что властвующіе не знаютъ Христа, а если говорятъ, что знаютъ, то тому, которому они это говорятъ, должно стать стыдно за нихъ.

Принцесса, которая близка была къ постиже-

женію солнечной души Христа, можетъ быть пошла-бы за Нимъ, оставивъ людямъ все, что кажется обольстительнымъ, но душу терзаетъ: во всякомъ случаѣ, она близка была къ достиженію высшаго счастья на землѣ, но люди заинтересовали ее тѣмъ, что порабощенное человѣчество оставило своему потомству — наукой.

Если я скажу, что знаніе сдѣлало человѣчество несчастнымъ, обремененнымъ грузомъ, которому нѣтъ мѣрила и свело его съ пути цвѣтовъ и солнца, то мнѣ возразятъ, что это абсурдъ, потому-что знанія открыли людямъ глаза... На что, радостное? А не правда ли: чѣмъ больше вы знаете, тѣмъ хуже вамъ!

Это очень злой вопросъ, уже потому, что тѣ, кто что-нибудь знаетъ, щеголяетъ этимъ, будто это-самое цѣнное, что можетъ быть на землѣ. Нѣтъ, мнѣ его жаль, того, кто щеголяетъ этимъ ненужнымъ грузомъ.

Самое цѣнное на землѣ то, что можетъ сдѣлать людей менѣе несчастными, а это — не наука, не искусство, не знанія и, даже, что ужъ совсѣмъ васъ возмутитъ, — не трудъ.

Это — то, что показалъ намъ Онъ Единый — Христосъ — состраданіе.

Ничто насъ не можетъ утѣшить въ горѣ и почти сдѣлать счастливыми, какъ состраданіе. Это и есть тотъ Богъ, котораго вы такъ святотатственно-ложно

объясняете себѣ. А пойми вы, въ чемъ Богъ и что такое состраданіе, вы уже бросите одной рукой креститься, а другой точить ножъ. А вѣдь вы напрасно молитесь въ часы вашихъ бѣдствій, если вы не сострадательны и ваше сердце живетъ только для того, что-бы отсчитывать мгновенья тлѣнія вашего тѣла.

Принцессѣ казалось, что путемъ изученія мудрыхъ наукъ она познаетъ то, что приведетъ ее къ оправданію своей жизни, которая казалась ей безцѣльной и безсмысленной. Она живо представляла себѣ свою жизнь: былое, сущее и то, что быть можетъ. И настолько банальнымъ казался ей свой путь, что хотѣлось украсить его чѣмъ нибудь такимъ, чего нѣтъ у ея подругъ.

И она отправилась въ непроходимый лѣсъ наукъ, гдѣ, чѣмъ больше ищешь выхода, тѣмъ безнадежнѣе цѣль твоя. И участь, ищущаго въ лѣсу пути, постигла принцессу, проводившую всѣ свои молодые дни за толстыми и мрачными томами знаній, уводящихъ человѣка отъ самого себя и ведущихъ къ атрофіи чувствъ.

Это вамъ покажетъ, какъ двѣла, развивалась и, словно охваченная внезапнымъ холодомъ, стала увядать нѣжная душа человѣка.

Когда принцесса предалась изученію интересовавшихъ ее предметовъ, — а она хотѣла узнать все, что, молча, хранятъ мертвые мудрецы — книги, —

ей показалось, что вся суть жизни человѣка исключительно въ томъ, чтобы учиться и другихъ учить. Дѣйствительно, она испытывала неописуемое наслажденіе, когда, гуляя съ фрейлинами, она почти читала имъ цѣлыя лекціи о различныхъ предметахъ. Она знала многое изъ Астрономіи, въ то время, какъ ея величественныя и, во многомъ казавшіяся авторитетными, фрейлины слушали ее съ широко раскрытыми глазами, какъ дѣти, часто предлагая ей столь наивные вопросы, что ученая принцесса удивленно направляла на нихъ глаза, позабывъ, что и она только недавно пріобрѣла свои свѣдѣнія. И часто, по вечерамъ, когда звѣздное небо легче было наблюдать, принцесса долго, долго просиживала въ своей обсерваторіи, которая была устроена въ лучшемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ кромѣ закупленныхъ принадлежностей и инструментовъ, принцесса получала массу сюрпризовъ отъ иностранныхъ дворовъ, гдѣ знали, чѣмъ интересуется въ данное время принцесса Лиссъ — внучка могучей королевы — очаровательная невѣста.

Знать строеніе неба, чудесно-сложное и сказочно-поражающее сочетаніе воздушныхъ міровъ, которые кажутся намъ маленькими фонариками, интереснѣе, чѣмъ щеголять въ кругу придворныхъ дамъ туалетомъ. Принцесса это сознала и не обращала ровно никакого вниманія на салонную критику со стороны типичныхъ обитательницъ дворца.

Кромѣ тѣхъ наукъ, которыя преподавались въ университетѣ по ограниченной программѣ, принцесса имѣла еще и другіе источники знаній, такъ напримѣръ, она въ глубокой степени заинтересовалась многими критикуемой наукой о гипнотизмѣ.

Разумѣется, это дало богатую пищу тѣмъ многочисленнымъ людямъ двора, которые создаютъ свое положеніе путемъ уничтожающей критики одного и безстыднѣйшей лести и подхолимства другому.

Все-же иногда принцессѣ непріятно было присутствовать на парадныхъ обѣдахъ, балахъ и т. п., тамъ, куда имѣли доступъ всѣ, кто исподтишка, какъ злой шалунъ гимназистъ, наушничалъ и пускалъ ядовитыя стрѣлы въ сторону „ученой“ принцессы; и она, по мѣрѣ возможности, избѣгала такого общества; но тиски придворнаго этикета безжалостны и къ самимъ тѣмъ, кто ихъ защищаетъ, поэтому, послѣ многихъ попытокъ, принцесса подчинила свою волю нелѣпому чудовищу, которое заставляетъ дѣлать то, что органически противно.

Продолжая мысленно какую-нибудь глубокоинтересную работу, которую ей помѣшали окончить фрейлины, пришедшія одѣвать ее къ балу, она, случалось, долго, долго смотритъ на туалеты, на вошедшихъ и не понимаетъ, почему это онѣ такъ униженно ей кланяются и зачѣмъ онѣ тащутъ столько вещей ....

„Ваше Высочество! ... Ваше Высочество!...“

И въ мигъ улеталъ куда-то весь научный багажъ, и на мѣстѣ являлась самая настоящая принцесса, которая до тонкости знаетъ искусство одѣваться и нерѣдко является въ своемъ обществѣ законодательницей модъ.

Ей и завидуютъ, что она всему учится, все хочетъ знать, все хочетъ умѣть и таки своего добивается. Но многія изъ ея мнимыхъ подругъ утѣшаются тѣмъ, что онѣ не расходуютъ понапрасну драгоцѣнныхъ мгновеній жизни, а она невѣдомо зачѣмъ, Богъ знаетъ-что дѣлаетъ со своею молодостью.

Но, въ то время, какъ однѣ — въ этомъ отношеніи дамы занимаютъ первое мѣсто — пошептывались и зло посмѣивались надъ „принцессой — профессоромъ", другіе — многочисленные принцы, маркизы, мелкіе владѣтельные князья, герцоги и даже претенденты на королевскую корону — женихи смотрѣли на интеллигентную, въ серьезномъ смыслѣ этого слова, и прекрасно образованную невѣсту съ тѣмъ благоговѣніемъ, которое присуще людямъ, не поднявшимся до этой высоты, и дѣлали попытки расположить ее къ себѣ, какъ это дѣлается и среди мѣщанъ и купцовъ, тѣхъ, отъ кого зависитъ, въ той или иной степени, невѣста. Отецъ, мать, тетушка, бабушка и т. п. Въ купечествѣ прибѣгаютъ къ банальнымъ средствамъ, въ видѣ подарковъ, льстивыхъ разговоровъ или въ этомъ-

же родѣ; не существуетъ и въ такъ прозванныхъ „высшихъ сферахъ“ иныхъ средствъ въ этомъ отношеніи, но тамъ лишь иной масштабъ, болѣе дипломатичная форма, но все-же сущность остается тою же, какъ у какой-нибудь Матрены Поликарповны, которая приходитъ къ купцу второй гильдіи Кишкину, приноситъ съ собою пироговъ и пряниковъ и при этомъ расхваливаетъ своего сына — жениха, что онъ-де и не пьющій почти, и на балайкѣ играетъ, и очень ужъ грамотный.

Принцесса знала, что ее считаютъ „интересной“ невѣстой и, хотя она по своему духовному развитію стояла значительно выше своихъ подругъ и жениховъ, все же ей это льстило и она частенько, будто дѣлая нѣчто очень дурное, отдавалась размышленіямъ о томъ, съ кѣмъ у нея будетъ впослѣдствіи связана жизнь. Лучше всего бы ей хотѣлось остаться хотя бы вѣчной принцессой-невѣстой, такъ какъ тогда бы она могла посвятить себя исключительно наукѣ, которая казалась ей единственно достойной ея ума; но она понимала, что въ этомъ она не можетъ не подчиниться волѣ отца и матери или хотя-бы своей бабушкѣ-королевѣ, которая таки имѣетъ на нее необъяснимо огромное вліяніе, — это единственный человѣкъ у принцессы, которому она уступаетъ всегда, даже если и не хотѣла бы согласиться.

Принцесса даже примирилась съ мыслью, что

ее „выдадутъ“ замужъ, хотя бы ея счастливый женихъ былъ бы ей не желателенъ. Получилась даже такая комичная исторія: нѣсколько жениховъ въ разныхъ концахъ свѣта, люди различныхъ рассъ, національностей, положеній и т. п. — каждый считалъ принцессу Лиссъ своей невѣстой и даже, хотя и неоффиціально, готовился къ бракосочетанію съ нею.

Теперь эти всѣ женихи давно женаты, имѣютъ взрослыхъ дѣтей и уже забыли, какъ смѣшно было ихъ тогдашнее положеніе; но тогда это было такъ естественно, что и теперь для дѣтей своихъ они прибѣгаютъ къ тѣмъ-же способамъ, въ отношеніи „выдачи“ или „женитьбы“.

Небо, навѣрное, иронически улыбается, когда мы говоримъ: „высшія сферы“, подразумѣвая подъ этимъ группу людей, которымъ достались: власть, богатства, исключительно благопріятныя условія пребыванія на землѣ, но люди не смѣются надъ терминами, потому, что они употребляютъ слова и выраженія по прописи, и даже удивляются, а нерѣдко и возмущаются, если вы отъ души смѣетесь надъ перлами ихъ патентованной рабской и тупоумной терминологіи. Такъ вотъ, значитъ, въ „высшихъ сферахъ“, хотя тамъ нѣтъ ни ангеловъ, ни даже обыкновенныхъ звѣздъ, а лишь мечи, драгоцѣнные камни и ткани, существуетъ неизвѣстная многимъ неразрывная связь между всѣми власти-

телями земли нашей, и хотя и ведутся порою кровопролитныя войны и происходятъ грандіозные дипломатическіе скандалы въ этой всемірной семьѣ, но члены ея, почти безъ исключенія, связаны узами родства. Мнѣ скажутъ, что всѣ живущіе подъ нашимъ солнцемъ и происшедшіе отъ Адама — родственники между собою. Истина. Но дѣло въ томъ, что то, чего мы не видимъ, мы считаемъ несуществующимъ, а въ третьемъ, пятомъ и. т. д. поколѣніи мы теряемъ возможность провѣрить и убѣдиться въ дѣйствительномъ родствѣ своемъ съ нашими современниками; отсюда и появляется наша насмѣшливая, но неосновательная, столь злая улыбка, когда мы говоримъ, что всѣ люди — братья, разумѣется, не въ томъ смыслѣ, какъ это пришло отъ Христа, а въ физическомъ.

Но у царствующихъ не такое отдаленное и теряющееся изъ вида родство, и на почвѣ родственной связи зиждется неумирающая власть ихъ на землѣ, а если кому-нибудь изъ нихъ грозитъ низверженіе съ престола такая гостья, какъ революція, то каждый изъ нихъ готовъ бороться противъ этой нежелательной посѣтительницы всѣми способами и средствами, которые бы лишь не казались бѣлыми нитками на черномъ фонѣ. Да иначе оно и быть не можетъ, разъ дѣло касается личныхъ интересовъ и опасеній каждаго изъ нихъ.

Я знаю такой фактъ. Послѣ одной изъ кро-

вавыхъ революцій въ одномъ государствѣ, въ сосѣднемъ съ нимъ была въ циркѣ поставлена пантомима: „Революція въ N-омъ государствѣ“. По распоряженію „высшихъ сферъ“ пантомима эта была немедленно снята съ постановки. Не потому ли, господа, что „Дурной примѣръ заразителенъ“, или, можетъ быть, потому, что порохъ надо тщательно охранять отъ искръ?

Да, я могу съ глубокой грустью поздравить народы: Мы надолго, надолго обезпечены прочной и хорошо, основательно организованной опекой со стороны дворцовъ.

Подобно тому, какъ въ нашей средѣ существуютъ различные союзы, общества, кружки и. т. п., также властители земли нашей крѣпко объединились въ одинъ всемірный, — если можно такъ сказать, — въ тронный союзъ.

И подобно тому, какъ въ любомъ союзѣ средняго общества интересы съуживаются до совершеннаго индиферентизма ко всему остальному, также и этотъ нашъ союзъ глубоко погруженъ въ свои собственные интересы, какъ бы не кричали наивные невольники какой-нибудь менѣе порабощенной страны, что ихъ „правитель“ — исключительная добродѣтель и гуманность.

Вотъ, если представить вамъ образно картину земной власти, то вообразите на минуту, что всѣ дворцы земли, независимо отъ разстояній, протя-

нули разъ на всегда другъ другу руки коллегіальности, а подъ этими длинными руками, опоясавшими и перекрестившими лоно земли, копошится порабощенный родъ людской, не сознавая, въ какой мѣрѣ онъ плѣненъ этими невидимыми руками. Но объ этомъ говорить скучно.

Когда во „всемірномъ союзѣ“ рѣшено было, что прекрасной, талантливой и ученой принцессѣ пора выйти замужъ, всѣ тѣ, кто могъ претендовать на ея руку, стали создавать свои разсчетливые планы относительно сближенія, путемъ этого брака, съ великимъ дворомъ ея бабушки — могучей королевы первѣйшаго государства земли нашей въ этомъ столѣтіи.

Кто-то — защитникъ торгово-промышленнаго брака — сказалъ, цѣпляясь за гибкіе камыши софизма, что бракъ не долженъ быть „по разсчету“, но „съ разсчетомъ“ онъ можетъ быть. На этомъ мудромъ и благородномъ основаніи, современный женихъ и спрашиваетъ лишь между прочимъ: „Значитъ, у Вашего батюшки свой конный заводъ“...

Но въ высшихъ сферахъ насчетъ конныхъ заводовъ освѣдомленны заранѣе, такъ какъ число лошадей „батюшки“ почти ежегодно провѣряется и даже публикуется въ газетахъ, подъ рубрикой населенія или подданныхъ.

У королевы, внучка которой являлась еще, и какъ человѣкъ и женщина, интересной невѣстой,

было ихъ очень много, и при томъ еще и культивированной породы, вотъ почему всѣ „достойные“ женихи такъ жадно смотрѣли на карту Европы, гдѣ уютно растянулась одна значительная группа весьма общительныхъ и гостепріимныхъ островковъ.

Что-же касается великой бабушки замѣчательной принцессы, то она въ свою очередь довольно резонно разсматривала шансы этихъ господъ, разумѣется, дѣлая все это со свойственной ей дипломатичностью, но ужъ ничуть не увлекаясь при этомъ личными качествами даннаго претендента.

На долю королевы выпала пріятная, интригующая миссія. Въ ея рукахъ прекрасный волшебный цвѣтокъ и у ногъ ея ползаютъ красавцы — баловни судьбы, наслѣдники отцовскихъ титуловъ и богатствъ, а она равнодушно улыбается и никого не огорчаетъ отказомъ.

Дѣвушку, которая часто и сама идетъ навстрѣчу обману со стороны мужчины, очень легко очаровать блескомъ молодыхъ жгучихъ глазъ, храбростью или остроуміемъ, но трезвый и успокоившійся умъ королевы смотритъ глубже и дальше; — тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о власти и богатствѣ, личныя свойства и качества, даже какія бы то ни было привлекательныя достоинства — сводятся къ нулю, — достаточно быть герцогомъ, чтобы ему воздавали соотвѣтственныя почести, хотя бы онъ и уступалъ, какъ личность, всякому музыканту изъ

балагана. Но бѣдные женихи принцессы, опьяненные лишь мечтами и горячими планами воображенія, не допускали мысли, что королева нисколько не очарована тѣмъ, что не могло не чаровать каждаго.

У одного — величественная осанка и блестящая на немъ форма прославленнаго полка его знатнаго батюшки — онъ ли не достойный женихъ?

Другой — потомокъ величайшихъ героевъ и властителей Азіи — онъ не сомнѣвается, что еслибъ онъ только подумалъ попросить руки этой гордой принцессы, то и сама королева сочла бы это за счастье для своей прекрасной внучки.

Маркизы, герцогы, принцы, а за ними и князья и графы, имѣвшіе основаніе считать себя не хуже другихъ, съ гордой ревностью поглядывали другъ на друга, каждый самоувѣренно думая: „Посмотримъ, кто останется побѣдителемъ!“ А такъ какъ каждый изъ нихъ, благодаря своему выгодному положенію въ мірѣ, помнилъ за собою много, много побѣдъ на розовомъ полѣ, то не сомнѣвался, что онъ скоро будетъ въ родствѣ со знатнѣйшею фамиліей на землѣ, съ великой королевою. А быть супругомъ принцессы Лиссъ!!. О, го-го! Ужъ во что бы то ни стало, а ужъ надо добиться своего!

А дипломатичная королева, молча, смотрѣла на Востокъ, будто ожидая восхода солнца.

Если было на землѣ государство, о которомъ

можно было безъ преувеличенія сказать, что оно безъ мѣры въ длину, безъ конца въ ширину, то оно лежало именно тамъ, куда задумчиво и молчаливо-выжидательно смотрѣла мудрая бабушка исключительной принцессы.

И знала принцесса, что бабушка ея — умница, что тотъ женихъ лучше, который знатнѣе и богаче — любовь вѣдь тутъ не находитъ мѣста — и что на бабушку ужъ вполнѣ можно надѣяться, что она сдѣлаетъ такъ, какъ надо.

Рыцари — герои — принцы, герцоги и маркизы пѣтушились, хорохорились и не предвидѣли, что съ Востока, откуда приходитъ солнце, явится соперникъ и однимъ только словомъ, которое окажется магическимъ, плѣнитъ принцессу Лиссъ и увезетъ ее къ себѣ.

Нашъ царственный женихъ, какъ бы то ни было — представлялся всѣмъ невѣстамъ Европейскихъ дворовъ сущимъ кладомъ. Всѣ знали, что его самодержавный батюшка пьетъ горькую и болѣетъ, а, значитъ, дни его царствованія сочтены, и тогда, этотъ молчаливый и застѣнчивый молодой человѣкъ получитъ миленькое наслѣдіе.

Что страна его обширна и богата, что власть его въ ней доходитъ до соперничества съ Турціей, что личныя „средства“ царя равняются милліардамъ и. т. п. — все это извѣстно было во всемъ мірѣ, какъ и то, что царская фамилія расходуетъ народ-

ныя деньги по своему произвольному усмотрѣнію, а народу-то больше ста милліоновъ и обложенъ онъ податями такъ, что ему и не пикнуть. Это похоже на злую сказку.

Умирая, царь позвалъ своего наслѣдника и сказалъ ему, что оставляетъ ему свой тронъ, но что требуетъ отъ него строгой нравственности въ государственной и семейной жизни.

— Развѣ я женатъ? — оправдывался кроткій сынъ царскій.

— Ты помолвленъ, и очень счастливо. Вотъ ты поѣдешь и привезешь ко мнѣ свою невѣсту, а если я не помру то того, то благословлю Васъ.

— „Слушаю-съ, папенька."

Наслѣдникъ относился къ отцу съ тѣмъ почтеніемъ, которое рѣже вызывается любовью, чѣмъ страхомъ.

Оправдались разсчеты королевы.

Многочисленные женихи принцессы отошли съ поникшими головами, а принцесса на время оставила свои науки, заинтересовавшись столь исключительнымъ положеніемъ своимъ въ кругу себѣ подобныхъ. На ея долю выпала счастливая случайность стеченія обстоятельствъ, что вслѣдъ же за вѣнцомъ брачнымъ, судьба вскорѣ преподнесла ей и вѣнецъ царицы; царицы многомилліоннаго государства, которое въ Европѣ считаютъ богатѣйшимъ.

Состоялся пріѣздъ принцессы въ южный дво-

рецъ отходящаго царя, который и благословилъ „дѣтей“.

Въ Европѣ, въ культурной Западной Европѣ, считаютъ восточныя государства грубыми, полудикими; разумѣется, что такое мнѣніе сложилось тамъ не безъ основанія, — можетъ-ли считаться культурной страна, въ которой насчитываютъ десятки милліоновъ людей совершенно неграмотныхъ.

И когда принцесса ѣхала туда въ первый разъ, она старалась тщательно скрыть, но все-же ей это не удавалось, и время отъ времени она проявляла свое безпокойство относительно новаго общества. И хотя она и знала, что закравшееся къ ней въ сердце безпокойство не пройдетъ отъ того, что ей кто-нибудь что-нибудь утѣшительное скажетъ, все же она старалась узнать что-нибудь еще о томъ народѣ, чьей царицей ей быть суждено, а получала она отвѣты настолько радостные, что это наводило ее тѣмъ болѣе на грустныя размышленія.

По ея мнѣнію было, что не можетъ быть здоровымъ и обезпеченнымъ тотъ народъ, который по образованію стоитъ на одной изъ низшихъ ступеней современной культуры, слѣдовательно, то, что ей передаютъ — неправда, а если это такъ, то возможно, что многое, еще болѣе ужасное, отъ нея тщательно скрыто. Можетъ быть они подобны китайцамъ, которые до сихъ поръ служили посмѣщищемъ для цѣлаго свѣта! — подумала царственная

невѣста, подъѣзжая къ цвѣтистому, утопающему въ зелени, полуострову.

„Природа здѣсь великолѣпна!... — обрадовалась она, — природа имѣетъ вліяніе на характеръ человѣка.

Пріѣздъ почетной и желанной гостьи однако не сопровождался тѣми торжественными овaціями, которыя родились на землѣ вмѣстѣ съ первымъ властелиномъ.

Самъ царь лежалъ въ безнадежной постели и кругомъ царила та скорбь, которую стараются показать другъ другу рабы строгаго господина своего. Смѣшное не должно было казаться смѣшнымъ, веселое — веселымъ, а все должно было носить черное покрывало унынія, отчаянія, печали, хотя и совершенно другія чувства испытывали окружающіе.

На гостью это грустное скорбное состояніе двора произвело умиротворяющее впечатлѣніе, — печаль и молитвы вездѣ одинаковы.

Принцесса отбыла во-свояси съ тѣмъ успокаивающимъ чувствомъ, которое является у насъ, когда мы сами его ищемъ, придумывая оправданія.

До нѣкоторой степени, представленіе принцессы о государствѣ своего жениха измѣнилось въ его пользу. То, что клеветали, будто весь народъ настроенъ противъ своего царя, что между царемъ и его народомъ существуетъ страшная пропасть не-

довѣрія и вражды, все это, какъ принцесса лично убѣдилась, явная ложь.

Наслѣдника и ее встрѣтила неисчислимая толпа; всѣ привѣтствовали ихъ и долго, долго, все время, что они ѣхали въ колескѣ, стояли съ обнаженными головами и превозносили ихъ имена.

Ясно, что народъ очень любитъ свой нарствующій домъ....

„Нѣтъ, это совсѣмъ не такъ, какъ мнѣ наговорили еще много лѣтъ назадъ“, — вспоминала принцесса, и чувствомъ гордаго удовлетворенія наполнялось ея сердце. Впослѣдствіи много разъ къ ней возвращалось ея прежнее мнѣніе о государствѣ, которое готовило ей корону царицы, но уже въ иной формѣ и совершенно иного характера были тѣ мысли, которыя рождались уже подъ короной этой.

Вѣнчаніе.

Если бѣдная швея, готовясь къ вѣнчанію, полна разнообразными новыми чувствами и мыслями, то всѣ онѣ, главнымъ образомъ, несутъ одинъ характеръ: будутъ-ли они оба достаточно любить другъ друга и пошлетъ ли имъ Богъ хлѣба. Не въ этомъ ли дѣйствительно счастье двухъ существъ, благословенныхъ таинствомъ брака?

Что касается моего взгляда на вопросы подобнаго характера, то я бы сказалъ, что швея права,

молясь о хлѣбѣ насущномъ и о любви, — вѣдь все остальное не будетъ уже такъ значительно, какъ это.

Вы скажете, что можно обойтись безъ хлѣба, пользуясь мясомъ или овощами, такъ, во первыхъ, ваше противорѣчіе вамъ самому должно показаться смѣшнымъ или наивнымъ, если не глупымъ совершенно, а во вторыхъ, если я даже и уступлю вамъ на вопросѣ о хлѣбѣ, то вы нисколько не опровергнете второго — необходимости любви. Или и ее можно подмѣнить?

На вашихъ великолѣпнѣйшихъ фабрикахъ изготовляется все то, что даетъ вамъ радости? Вы такъ умны, что сердце свое вы подчинили мозгу идеальнѣйшимъ образомъ?

Я скажу просто: на сердце свое вамъ трижды наплевать! Ну, тогда вамъ честь и мѣсто въ нашемъ царствѣ, гдѣ за каждаго отправленнаго вами въ Рай путемъ висѣлицы, и на основаніи государственныхъ законовъ, вы получите вознагражденіе, превышающее во много разъ обычную плату врачу, принесшему вамъ спасеніе. Но я думаю, что вы не собираетесь въ палачи, и говорю вамъ, что ваше сердце благороднѣе, человѣчнѣе вашего ума, который уже побылъ, Богъ знаетъ, гдѣ. Это я докажу вамъ тѣмъ, что у дѣтей сердце отзывчивѣе и сострадательнѣе, чѣмъ у взрослыхъ, живущихъ „умомъ“. Заплачьте при дѣтяхъ, и они вмѣстѣ съ вами запла-

чутъ; а не посмѣются-ли надъ вами ваши „умные“ собесѣдники, если вы заплачете при нихъ, не успѣвъ запугать ихъ чѣмъ-нибудь страшнымъ, какъ призракъ смерти. Тутъ у нихъ пропадаетъ „умъ“ и выступаетъ на сцену забитое, скомканное и запрятанное отъ самихъ себя, сердце.

Нѣтъ, друзья мои, сколько ни мудрите, а счастливѣе сытаго человѣка, одареннаго взаимной любовью, не будете, хоть вы разукрасьте свои панталоны драгоцѣнными камешками, дома — бронзой, а амбары свои набейте золотомъ, если вы отрицаете, что человѣку нужно: хлѣбъ и любовь, въ самомъ близкомъ смыслѣ этихъ словъ.

Я знаю, что многіе изъ васъ криво усмѣхнутся надъ этими мыслями, но мнѣ думается, что и камни, на которые случайно попадаютъ зерна, предназначенныя для плодородной земли, усмѣхаются надъ этими зернами тою же нелѣпой усмѣшкой. Но я вижу тѣхъ, кто понялъ меня, и мое сердце полно великой радости, что я не одинокъ.

Прекрасное сердце принцессы Лиссъ, послѣдовавшее за нею по пути, освѣщенному лучами ея ума, утратило свое собственное пламя, которое было божественно, подобно солнцу, а стало уподобляться лунѣ, которая лишь отсвѣчиваетъ его лучи.

Когда принцесса была маленькая и ей почему-либо хотѣлось плакать, она покорно и кротко отдавалась сердцу и роняла на землю, изъ которой

она пришла, свои чистыя прекрасныя слезки, и тогда ей становилось такъ легко и торжественно мирно на душѣ, что ей хотѣлось всѣхъ приласкать и обрадовать, что Богъ всѣхъ, всѣхъ любитъ, что только-что она Его видѣла въ сердцѣ своемъ. А теперь, когда иногда становится почему-нибудь мучительно и хочется разрыдаться, могущественный царь современности — умъ — телеграфируетъ сердцу аргументы, которые приглашаютъ его по чести къ порядку. А аргументовъ этихъ такъ много и они такіе мудрено мудрые, что безумное отъ рожденія сердце тотчасъ сжимается и принимаетъ ту позу, которая продиктована человѣческимъ солнцемъ — умомъ.

И до того, и во время вѣнчанія, и послѣ того, принцесса видѣла лишь то, что все кругомъ торжественно радо ея радостямъ: всѣ блистаютъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и самыми лучшими изъ тканей, какія можно себѣ представить. На лицахъ окружающихъ сіяютъ ликующія улыбки благоговѣнія, покорности и гордости тѣмъ, что лучи радости и счастья исходятъ отъ нея — благословенной избранницы Божьей, имя которой на землѣ — Лиссъ. Она слышала гармоничные звуки голосовъ придворныхъ ея и гостей, видѣла великое торжество людей, пришедшихъ ей поклониться и поблагодарить небо за щедроты его къ ней.

Происходило вѣнчаніе ея.

Это было такое огромное, торжественное и роскошное празднество, что все, до сихъ поръ описанное въ книгахъ, казалось блѣднымъ и недостойнымъ сравненія.

А объясняется это тѣмъ, что „наука“, которая хлопочетъ о благѣ для всѣхъ, а покамѣстъ прислуживается, по своей бѣдности, однимъ лишь богатымъ, собрала за всѣ годы существованія своего такую массу роскошныхъ приспособленій, что во власти современныхъ царей находятся положительно магическіе жезлы.

Эдиссонъ и его ученики — это глубочайшіе и безсмертные рабы земныхъ властителей, а вовсе не спасаютъ они своими изобрѣтеніями несчастное человѣчество, порабощенное мертвящимъ золотомъ и угнетающимъ мечомъ.

Кто же изъ людей, не присутствовавшихъ на празднествахъ, сопровождавшихъ вѣнчаніе царственной Лиссъ, можетъ хоть приблизительно представить себѣ миньятюру того, что происходило въ тѣ высокоторжественные дни, для которыхъ, можетъ быть, и родилась въ замкѣ своихъ родителей прекрасная принцесса Лиссъ!

Такъ много было роскоши, привѣтствій, пожеланій, благословеній, поздравленій, улыбокъ, шутокъ, смѣха, остротъ, цвѣтовъ, золота, драгоцѣнныхъ камней, музыки, нѣжности, любви со стороны родныхъ и „его“ и всякаго рода выраженія чувствъ

со стороны окружающихъ — весь міръ казался полнымъ своего желаннаго блаженства, — что невѣста чувствовала себя недостаточно сильной, чтобы воспринять все, что она слышитъ и видитъ, и ей захотѣлось закрыть глаза и забыться, чтобы потомъ снова явиться сюда въ этотъ міръ и провѣрить, такъ ли это все прекрасно, какъ ей показалось это; можетъ быть, что, если человѣку слишкомъ хорошо, т. е. настолько хорошо, что лучше уже быть не можетъ, то не хуже-ли ему въ этотъ моментъ апогея?

Былъ такой мигъ, когда ей показалось, что она приблизилась къ солнцу, гдѣ не сгорѣть нельзя. Такъ представилось ей это великое торжество царей земли; но въ тотъ же мигъ волна торжествующей жизни избранниковъ, обернутая драгоцѣннѣйшими тканями красоты и роскоши, хлынула на нее своимъ сладко-щекочущимъ потокомъ нѣги и опоянія, и она почувствовала лучи счастливой улыбки, которая расцвѣла на ея лицѣ. И тогда уже всѣмъ существомъ ея овладѣло одно, господствующее надъ всѣмъ остальнымъ, чувство — царская гордость.

Она сама даже не замѣчала, какъ это чувство стало въ ней расти и пускать развѣтвленія, при чемъ каждая вѣтка давала новый нездоровый цвѣтокъ.

Вѣжали дни, какъ въ волшебной сказкѣ, но пышнѣе, полнѣе, торжественнѣе и краше.

Каждый день приносилъ новыя ощущенія, — новые плоды власти и богатства; казалось, что раскрылась голубая глубь неба и оттуда бѣжитъ потокъ наслажденій, одѣвая землю и весь міръ одеждами радости и положивъ конецъ тому, что могло когда-нибудь чѣмъ-нибудь огорчить хоть на мигъ царственное сердце избранницы.

У нея теперь только одно, одно желаніе: понять всѣмъ своимъ существомъ, насколько ей хорошо. Всѣ вѣсы и мѣрки, которыми можетъ человѣкъ располагать, слабы и не точны, чтобы все осилить и показать ей итогъ. Ей хочется выразить чѣмъ-нибудь свое сказочно радостное состояніе: смѣяться долго, долго и сладко до горькихъ слезъ; пѣть, но пѣть такъ громко, чтобъ слышно было во всѣхъ дворцахъ и кругомъ, даже и тамъ, гдѣ только по газетамъ знаютъ, что земля празднуетъ блаженство своей царицы; ей хотѣлось бы, можетъ быть, даже попрыгать по саду, какъ это она дѣлала въ минуты особой радости въ дѣтствѣ, даже, когда ужъ и книжки стала читать, но теперь это ей недоступно; теперь она должна дѣлать то, что полагается высокой особѣ ея. Да и стоитъ ей объ этомъ лишь подумать, какъ такое безумное желанье мгновенно исчезаетъ, будто оно непрошенное и ненужное ворвалось къ ней дерзко и, почувствовавъ, что

ему тамъ не мѣсто, что оно опоздало своимъ посѣщеніемъ на много лѣтъ, поспѣшило попятиться назадъ, уступая мѣсто тѣмъ чувствамъ, которыя могутъ приходить лишь по благосклонному согласію на то самой госпожи.

Иногда Ея Высочеству казалось, что ея теперешнія движенія, мимика и интонація голоса — неестественны, а для того, чтобы это исправить, она дѣлала надъ собой то усиліе, къ которому, какъ извѣстно, прибѣгаютъ актеры на сценѣ. Имъ приходится подавлять въ себѣ всякое проявленіе индивидуальности, для того, стобы точно и полно изобразить рисунокъ автора.

Ея Высочеству казалось унизительнымъ приравливаться къ рисунку, который, будучи созданъ столѣтіями и улыбками счастья, существовалъ и теперь, когда ей бы и не хотѣлось ему подражать, но все другое, отступающее отъ этого образца, являлось или только неприличествующимъ ей или даже вовсе недопустимымъ.

И ей какъ-то разъ показалось, что ея положеніе можетъ быть сравнимо съ человѣкомъ, которому дали все, что только можно на землѣ, но объявили ему, что смѣяться или плакать ему можно не тогда, когда ему захочется это, а лишь тогда, когда это будетъ допустимо условіями, окружающими его.

Она горько, но насмѣшливо улыбнулась относительно этой мысли и нашла ее недостойной вни-

манія, — ей всегда такъ весело, что не можетъ быть такихъ исключительныхъ вспышекъ радости; а плакать, — ей ли надо объ этомъ думать?

Вотъ приближается великій день коронованія. О, какъ это будетъ торжественно! „Ему", пожалуй, очень пойдетъ корона. Интересно!.. Но тогда будетъ такая масса впечатлѣній и церемоній, что я боюсь, что забуду повнимательнѣе и спокойно посмотрѣть на моего царя въ коронѣ, съ которымъ я сижу рядомъ, — царица!

Странно, что я никогда себѣ не представляла того состоянія, которое должна испытывать царица. Гораздо легче вообразить себя въ роли самого царя, — тамъ все ясно: самостоятельная, почти безграничная власть... А вотъ положеніе царицы совсѣмъ иное; взять хоть въ примѣръ его матушку. Покойный государь, какъ всѣ поворятъ, былъ настолько деспотиченъ, что свою царственную подругу всю жизнь продержалъ въ узенькихъ рамкахъ лишь семейной жизни, во всемъ остальномъ уничтоживъ ея индивидуальность совершенно, будто съ нимъ рядомъ на тронѣ возсѣдала черная рабыня, а не дочь такой же царской крови, какъ и онъ самъ. Ужель и со мной такъ будетъ?!...

Улыбка, появившаяся у нея скользящимъ лучомъ, показывала иронію.

— Въ этомъ отношеніи онъ не походитъ на отца своего и является даже крайней противополож-

ностью, какъ во взглядахъ, такъ и характеромъ. Я бы даже сказала, что на мою долю выпадетъ довольно сложная миссія, въ смыслѣ правленія этимъ еще невыясненнымъ и загадочнымъ народомъ. Мой вѣнценосный супругъ солидаренъ со мною во многомъ, даже въ томъ, что народомъ надо править такъ мудро, чтобы и самые злые ненавистники не могли не полюбить своего Монарха. О, въ этомъ мой возлюбленный государь и товарищъ будетъ гордиться своей супругой. Вотъ гдѣ мнѣ пригодится весь мой научный багажъ, за который такъ дорого было заплачено богинѣ времени. А я чувствую, я предвижу, что я буду у моего государя первымъ совѣтникомъ... Онъ и самъ мнѣ не разъ говорилъ объ этомъ; допустимъ, что это было сказано лишь изъ любезности или безъ всякаго значенія, какъ говорятъ всѣ влюбленные принцы или короли, но этому не надо придавать значенія.

Странно, вѣдь батюшка его очень любилъ свою супругу; отличался поразительной семейной нравственностью, что подтверждаетъ фактъ изысканной и незамѣнимой любви его къ ней, а вотъ все же властью не пожелалъ подѣлиться съ нею и даже, говорятъ, что онъ поступалъ подобно мудрости одной арабской пословицы, что мужъ долженъ совѣтоваться со своей женой, но, выслушавъ ее, поступить наоборотъ.

Такъ онъ, говорятъ, поступалъ.

Ахъ, это ужасно! Я бы не могла быть супругой такого, ну, какъ бы это сказать, — властолюбиваго человѣка. Мой прекрасный муженекъ не такой. Мы будемъ вмѣстѣ обсуждать государственныя дѣла, вмѣстѣ судить, рядить, награждать, прощать и миловать. О, насъ полюбитъ народъ такъ, что всѣ эти легенды о враждѣ, которая живетъ между рабами и ихъ господами, потеряютъ свою правдоподобность. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это такъ отрадно сердцу государя — быть милостивымъ и щедрымъ къ своему народу! Мнѣ кажется даже невозможнымъ пренебрежительное отношеніе къ тѣмъ, кто окружаетъ тебя безконечными почестями!...

А можетъ ли это быть, чтобы народъ не хотѣлъ любить своего вождя! О, разумѣется, не должно забывать, что у каждаго живого существа есть свои нужды и права на благо земное, что каждый, рожденный солнцемъ и землей, долженъ пользоваться своими правами, соотвѣтственно обязанностямъ, которыя ему приходится нести.

Мудрость!... Прежде всего мудрость; тогда не можетъ быть ни смѣшныхъ, ни тягостныхъ положеній!... Да, бабушка права, что власть теряетъ свой величественный ореолъ, когда въ нее вложено недостаточно свѣтлой мудрости и, чѣмъ мудрѣе правитель, тѣмъ прочнѣе власть его и тѣмъ ярче слава, которую онъ оставляетъ потомству.

Вдвоемъ ужъ мы какъ-нибудь исполнимъ эту

высокую миссію и постараемся послужить примѣромъ для будущихъ поколѣній.

А если встрѣтятся затрудненія на нашемъ пути и потребуется большой опытъ и знаніе тонкостей взаимоотношеній нашихъ съ народомъ, то въ этомъ отношеніи у насъ найдется къ услугамъ нашимъ сколько угодно добрыхъ друзей, которые не оставятъ насъ никогда.

А мы должны считаться всегда съ мнѣніями нашихъ близкихъ; судьбы государствъ вѣчно находятся въ зависимости другъ отъ друга. Это тоже надо помнить.

Ахъ, у меня было такъ много наставленій отъ матушки и папы, а въ особенности отъ бабушки, но все это какъ-то улетучилось изъ головы и осталось только одно, что предстоитъ огромная и мудрая задача, для которой надо много, много ума, характера, опытности и знанія дипломатіи.

Но мнѣ вѣрится, что все идетъ благополучно и, что намъ удастся оправдать пріятныя надежны нашихъ друзей и посмѣяться надъ завистниками. Что касается послѣднихъ, то чѣмъ намъ лучше, тѣмъ больше у насъ ихъ, этихъ завистливыхъ враговъ. Я прекрасно помню все то, что являлось дѣломъ ихъ рукъ и никогда этого не забуду, а при случаѣ покажу имъ, что я неуязвима и не считаюсь съ недостойными.

Удивительно, я давно уже перестала смущаться

и теряться передъ чѣмъ бы то ни было, а вотъ этотъ обрядъ коронованія, какъ это ни смѣшно, а ужъ который разъ онъ мнѣ снится и все въ какомъ-то мрачномъ видѣ. Хорошо, что я не придаю этому никакого значенія, но все же это непріятно, точно насмѣшка какая-то. Я никогда не думаю и не думала о томъ, какой видъ имѣетъ площадь, усѣянная трупами и залитая кровью, откуда же берется подобный сонъ!... Не одинъ, а столько, что будто это стало программою моего ночного покоя... И кто мнѣ внушилъ эти представленія о враждѣ, которая непримирима у нихъ къ царю своему. Все это дѣлаютъ эти красныя газеты, которыхъ я начиталась ужасно"...

Въ это время, народъ задыхающійся и обезсиленный цѣпями абсолютизма, вернулся съ похоронъ своего самодержца и, поднявъ молитвенно взоръ свой къ небу, сталъ довѣрчиво ждать милостей со стороны новаго царя, про котораго шли самые утѣшительные слухи.

Его считали настолько либеральнымъ, что его вступленіе на престолъ представлялось чудомъ для народа. Вотъ, когда народъ воскреснетъ, — говорили даже и тѣ, кому нисколько не улыбался либеральный образъ правленія, но кто обыкновенно говорилъ такъ, какъ это удобно ему было. Но больше всего надеждъ возлагалъ народъ на царицу, которая была извѣстна всѣмъ съ самой идеальной сто-

роны. Знали, что она получила обширное образованіе, что отличается прекраснымъ характеромъ и, что она готовитъ своему царству то, о чемъ могли только мечтать лишь самые легковѣрные.

Наступилъ, наконецъ, знаменательный день коронованія. Торжественныя приготовленія дѣлались за долго до того. Было израсходовано много милліоновъ денегъ народныхъ. Обѣщана была раздача царскихъ подарковъ въ память этого дня. Разумѣется, отчасти изъ простого любопытства, отчасти же, чтобы получить этотъ подарокъ, стеклось народу такъ много, что порядка въ передвиженіи уже не могло быть, и густою лавою двигалась несмѣтная толпа.

Было такъ тѣсно, что подъ ноги смотрѣть не было возможности, и приходилось довѣриться тѣмъ, кто пригласилъ къ себѣ гостей. Подъ ногами ока зались ямы, будто приготовленныя для ловли звѣрей; въ эти ямы попадали люди, наполняя ихъ своими тѣлами; затѣмъ, двигавшаяся далѣе толпа, уже шла по тѣламъ тѣхъ, кто заживо похороненъ былъ. Сколько было такихъ ямъ, сколько тысячъ людей погибло въ этотъ знаменательный и роковой день — осталось тайной. Знаютъ только, что тѣла, заживо погребенныхъ, увозили потомъ возами.

Это былъ первый день царствованія новыхъ царя и царицы. Люди не вѣрятъ уже въ Провидѣніе, поэтому отрицаютъ связь между тѣмъ, что

происходитъ съ нами и тѣмъ, что мы предвидимъ. А царица наканунѣ видѣла страшный сонъ и боялась мысли, что этотъ сонъ сбудется. Ей снилось, что въ моментъ благословенія ихъ пастыремъ, изъ толпы послышались стоны и проклятія, а потомъ, когда они возсѣли на тронъ, то она увидѣла, что передъ нею не площадь, полная торжествующаго народа, а огромное, окрашенное кровью, кладбище.

Заграничная пресса поспѣшила разсказать міру объ этомъ неблагополучномъ короноваціи, назвавъ его коронованіемъ, обагреннымъ кровью людской. Вскорѣ всѣ объ этомъ узнали, только осталось это сокрытымъ отъ царя и царицы. Ихъ не хотѣли, съ одной стороны, огорчить, и вообще это такъ удобно было виновникамъ этого несчастья, — правительство, привыкшее къ произволу и самовластью, считало своею привиллегіей держать царя въ невѣдѣніи всего, что можетъ имѣть два толкованія, изъ которыхъ одно могло бы оказаться невыгоднымъ для тѣхъ или иныхъ, кто близокъ къ особѣ государя и казнѣ. Все же, какъ ни старались скрыть пламя негодованія народа, это было безполезно. Царь и царица узнали, что на ихъ короноваціи была пролита невинная кровь.

Будто сразу стало темно во всемъ мірѣ, будто умерли надежды людскія, будто смерть раскинула по землѣ свой черный плащъ... Во дворцѣ, ко-

торый уготованъ былъ для царствующихъ, стояло унылое настроеніе, какъ во время похоронъ. Страшной скорбью и опасеніемъ чего-то угрожающаго были подавлены царствующіе.

Близкіе старались придать случившемуся легкій и незначительный характеръ, говоря, что особа государя, какъ благословленная Богомъ, стоитъ выше всего, что можетъ случиться съ толпой, которая, въ экстазѣ любви своей къ государю, способна „лечь костьми“ у ногъ его.

Но что бы не говорили царю и царицѣ, это только усиливало ихъ угнетенное состояніе духа.

Тогда нашелся догадливый человѣкъ и предложилъ государю пожертвовать на семьи погибшихъ сумму денегъ. За это ухватился царь, какъ за соломенку и тотчасъ изъявилъ согласіе на это. Было пожертвовано немного денегъ и царю казалось, что сдѣлано все, что можно было.

Только на царицу тяжелая печать этого ужаснаго несчастья легла глубже; ей казалось, что это было предзнаменованіемъ чего-то грознаго въ будущемъ. Теперь она сознала, какъ тяжела царская корона для тѣхъ, кто чувствуетъ свое сердце и въ комъ не умерла вѣра въ Бога Христіанскаго. И сразу пришлось ей овладѣть собой, чтобы явиться среди окружающихъ достойной царицей ихъ. И приближенные увидѣли, что царица прекрасно поняла свое назначеніе, даже болѣе, чѣмъ самъ царь,

какъ имъ казалось, потому что въ характерѣ его не замѣчалось элементовъ мужества, стойкости, рѣшительности, а, главное, умѣнья повелѣвать.

А у царя просто не было желанія командовать, такъ какъ онъ гораздо болѣе предпочиталъ мирное, спокойное эпикурейство.

Но насколько народу необходимъ царь, — если ужъ царь, — заботящійся о благѣ народа, тѣмъ болѣе нуженъ придворной стаѣ вороновъ такой царь, который бы держалъ народъ въ томъ страхѣ, при которомъ легче всего играть имъ двойственную роль ихъ. Стали даже поговаривать въ народѣ, что царь подпалъ подъ вліяніе враговъ рода человѣческаго — придворныхъ дармоѣдовъ, что со временемъ и потвердилось.

Ему было истолковано словесное завѣщаніе отца, что онъ долженъ итти по стопамъ его, ни въ чемъ и ничуть не уклоняясь въ сторону, а первымъ и неуклоннымъ правиломъ усопшаго родителя было то, что власть должна быть крѣпка, какъ закаленная сталь, а народъ можетъ заслужить милостей своего монарха, но никакихъ поблажекъ ему дѣлать не слѣдуетъ, иначе власть ослабнетъ и тронъ священный отцовъ династіи будетъ близокъ къ разрушенію.

Манифестъ, съ которымъ царю полагается обратиться послѣ коронованія къ народу, былъ составленъ безъ его вмѣшательства, а въ немъ и ска-

зано было въ хитрой, но слишкомъ прозрачной формѣ, что монархъ будетъ слѣдовать прекрасному примѣру его батюшки, незабвенно и горячо любимаго, который царствовалъ ко благу народа, въ мирѣ и согласіи. Что-то было упомянуто о Богѣ и людяхъ, о любви и кротости, но на народъ это произвело лишь угнетающее впечатлѣніе, такъ какъ въ этихъ гибкихъ и двусмысленныхъ словахъ чувствовался характеръ самовластья, которое уже успѣло выяснить свои отношенія къ народу. А это можно было охарактеризовать такъ: Взять съ него сколько можно, а дать ему: чѣмъ меньше, тѣмъ лучше. Въ государствѣ поднялся шумъ. Рабочіе, на спинахъ кого прежде всего сидятъ правители, первые устроили протестующую сходку, на которой выяснили, что у нихъ нѣтъ защиты противъ грабящаго ихъ правительства, что имъ надо собственными силами обрѣсти права свои.

Но царь не зналъ о недовольствѣ своихъ подданныхъ, но самъ еще полагалъ кое-чѣмъ облегчить участь тѣхъ, на кого до сихъ поръ не распространялись царскія милости, думая, что этимъ исчерпывается вопросъ отношеній своихъ съ народомъ. Значительно сложнѣе обстояло дѣло. Соціализмъ давно пустилъ свои корни въ странѣ, подавленной гнетомъ самодержавія, и при первой вспышкѣ искръ со стороны дворца, разлился по землѣ густымъ пламенемъ.

Нашлось много людей довѣрчивыхъ и непроницательныхъ, которые сдерживали бурные потоки лавы, говоря, что царь окруженъ врагами народа, что ему приходится съ ними бороться, что ихъ много и, что его борьба съ ними тяжка и продолжительна, но, что все-таки царь останется царемъ, его воля будетъ торжествовать вскорѣ, и тогда народъ получитъ тѣ облегченія и щедроты царскія, которыя добрый и милостивый царь давно уже создалъ въ душѣ своей.

Народъ доставалъ фотографическія карточки царя, присматривался къ большимъ портретамъ его, висѣвшимъ во всѣхъ казенныхъ учрежденіяхъ, и старался опредѣлить по чертамъ его лица, каковъ по характеру царь. Добрый или гнѣвный, милостивый или грозный. И уносили люди впечатлѣніе, что у царя лицо симпатичное, глаза удивительно добрые и вообще очень интеллигентный видъ. И эти люди смотрѣли на соціалистовъ, которые собирались по угламъ, устраивая свои партійные митинги, — даже съ озлобленіемъ: чего имъ еще надо! Не терпится имъ — дуракамъ! Молодые, а ужъ какіе недовѣрчивые! Дѣло идетъ къ добру, такъ нечего его портить!...

Мальчикъ или дѣвочка.

Какъ ни увлекали царицу дѣла государства, ей вдругъ пришлось почувствовать, что природа

ее готовитъ въ матери. Когда врачи ей сказали, что это такъ, она сразу утратила интересъ къ шуму, которымъ полны и дворецъ, и вся жизнь, и ушла въ себя.

Стать женою государя она считала великимъ дѣломъ, но родить наслѣдника и будущаго царя — казалось ей миссіей не меньшей важности.

И она относилась теперь къ своей собственной особѣ съ тою священной нѣжностью, которая до той поры была ей совершенно незнакома. Она даже молитвенно обращала свое лицо къ небу, ожидая его благословенія и вообще она стала чуткой ко всякому проявленію непонятныхъ и непостижимыхъ силъ природы. Удивлялась она тому, что стала придавать значеніе снамъ, которые теперь обѣщали ей полное благополучіе и настраивали ее на кроткій и религіозный ладъ.

Придворныя дамы надоѣдали ей навязчивыми совѣтами, утѣшали ее и даже находились среди нихъ такія, которыя имѣли достаточно наивнаго нахальства предсказать ей будущій характеръ ожидаемаго наслѣдника.

И какъ разъ вскорѣ врачи выяснили, что на свѣтъ Божій явится не наслѣдникъ, а существо женскаго пола. Врачамъ не хотѣли вѣрить, да и непріятно было это сообщеніе, но, когда всѣ въ одинъ голосъ заявили, что это такъ, тогда сердце наполнилось тоскою и она вспомнила о тѣхъ явныхъ

предзнаменованіяхъ, которымъ она не придавала значенія, но которыя все же запомнила. И теперь, когда жизнь стала выдвигать передъ нею все новыя и новыя явленія, которыя шли произвольно и независимо отъ власти царицы, — ея логики, ума и знаній, она стала задумываться надъ тѣмъ, какъ ничтожно передъ силами природы все человѣческое; человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, онъ — покорная, послушная игрушка земли и солнца.

„Надо ли намъ въ такомъ случаѣ бороться одинъ съ другимъ за славу, за власть, за богатство, за первенство, если всѣ мы уравнены передъ стихіей и только она одна вѣчно властвуетъ надъ человѣкомъ?!... Вотъ я достигла высоты доступности человѣческаго благополучія, меня окружаетъ все то, о чемъ другіе и не могутъ мечтать, а въ то же время Судьбѣ угодно было показать мнѣ с в о ю власть и я уже не принесу моему народу желаннаго наслѣдника. Да будетъ благословленна дочь, которою Господу угодно будетъ озарить нашъ домъ, но не является ли это карой или показателемъ, что мы, всѣ люди, рождены для скорби, для вѣчной погони за своими несбыточными идеалами!... Вѣдь такъ легко было бы мнѣ чувствовать себя теперь вполнѣ, вполнѣ счастливой и благодарить небеса за ихъ щедроты!... Есть, вѣроятно, люди, которые въ эту минуту думаютъ объ обѣдѣ, а меня Великій Богъ вознесъ на высоту земной возмож-

ности, но когда мнѣ уже показалось, что все остальное — ниже меня, въ тотъ же мигъ я увидѣла себя скорбящею.

Господи, за что это?!...

Или я грѣшна передъ Тобою?! Скажи мнѣ, чѣмъ могу я искупить свои грѣхи?!...

Или они превыше милости Твоей?!...

У царицы родилась дочь. Съ соотвѣтственной пышностью и торжественностью былъ встрѣченъ первый ребенокъ молодой царицы, но это трудно было скрыть, что государству, а, въ особенности, четѣ царственной было бы отраднѣе, если бы родился сынъ, а не дѣвочка.

Это былъ большой и торжественный, но не безпечальный праздникъ при дворцѣ и далеко кругомъ, гдѣ только есть царскіе люди и его власть.

Депутація отъ народа.

Когда царскіе ставленники почувствовали, что царь не обладаетъ той упорной и жестокой волей, что его предшественникъ, державшій страну въ страхѣ, они поспѣшили воспользоваться всѣми средствами гибкой и изворотливой хитрости, чтобы какъ можно больше забрать въ свои руки бразды правленія.

Простѣйшею политикой, въ данномъ случаѣ, является тотъ низкій способъ, когда служатъ, что называется: и нашимъ и вашимъ, а въ сущности,

только себѣ. Народъ, который не имѣлъ другого средства защищаться отъ нихъ, роптал и взывалъ къ царю, а ставленники обѣщали ему всячески и тѣхъ и иныхъ благъ, только обѣщали, а доносили царю, что „все обстоитъ благополучно“, что народъ осчастливленъ милостями, и Богу молится за домъ царствующій.

А царь въ это время преданъ былъ своей огромной заботѣ о рожденіи сына, безъ котораго ему и вѣнецъ казался недостаточно прекраснымъ. Но онъ сознавалъ, что это внѣ власти его, что еще болѣе огорчало царственное гордое сердце его. То, что люди увѣряли въ возможности принять тѣ или иныя мѣры къ осуществленію желанія, теперь, когда многое ужъ было испытано, казалось тщетнымъ. А сдѣлали все, даже и то, что въ иное время должно было бы вызвать улыбку, — прибѣгали къ молитвамъ монаховъ, къ гипнотизму и другимъ подобнымъ магическимъ лекарствамъ, но природа, будто въ этомъ дѣйствительно участвовалъ злой духъ земли, посылала царю дочь за дочерью; въ народѣ даже распространился слухъ, что существуетъ преданіе, что у царей, неугодныхъ Богу, не было сыновей, въ то время, какъ дочери рождались каждый годъ.

И полна была страна предположеній и загадокъ относительно все той же повторяющейся случайности. На самомъ царѣ это не могло не отразить-

ся, и онъ искалъ объясненій этому непріятному факту. Люди нагрѣли свои руки въ этомъ дѣлѣ, предлагая государю всяческія средства. Царю нечего было терять и онъ уже сталъ охотно выслушивать всякаго, кто вызывался и добивался свиданія съ нимъ.

Люди имѣютъ лишь смутное представленіе о томъ, что представляетъ собою личность государя, какъ и то, какъ смотритъ лицо, облеченною царской властью и почестями, на себя и окружающихъ и, какъ относится царь къ тому, что ему надлежитъ дѣлать въ своемъ царствѣ. Одни говорятъ, что царь, какъ ставленникъ Божій, долженъ исполнять по отношенію къ своему народу волю Бога: защищать слабыхъ отъ сильныхъ; другіе говорятъ, что миссія царя въ томъ, чтобы поддерживать въ своемъ царствѣ порядокъ, при которомъ возможна мирная и благополучная жизнь въ странѣ; третьи находятъ, что на долю высокой особы государя падаетъ лишь одно назначеніе: достойныхъ миловать и награждать, злыхъ и враждебныхъ карать; а иные склонны думать, что царю вовсе не дано окружать себя работой и заботами, что онъ долженъ лишь царить, не зная тревогъ и волненій. А вы скажете, что вы совершенно иначе понимаете долгъ государя: онъ — для народа, и онъ долженъ жить для него, — его любить, ему служить. Но вы забываете, во-первыхъ, что любовь дается не-

бомъ, что искусственными путями она не достигается, а что притворная или вынужденная любовь опаснѣй ненависти; во-вторыхъ же, не слѣдуетъ забывать, что царь не можетъ служить народу, какъ не можетъ рабъ быть царемъ, если онъ рабъ въ душѣ.

Представьте себѣ, какъ является къ намъ царь: какое воспитаніе онъ получилъ, какія понятія о жизни у него вырабатываются съ первыхъ дней его существованія въ атмосферѣ дворца, утопающаго въ богатствѣ, власти, такъ называемой славѣ и. т. п.... Вѣдь, прежде всего, царь полагаетъ, что онъ окруженъ ореоломъ великой славы, что его миссія на землѣ священна, хотя бы онъ дѣлалъ то, что вздумается ему. Онъ знаетъ изъ исторіи, что цари, для того, чтобы еще болѣе увеличить свою „славу", чтобы обезсмертить, отмѣченное на землѣ имя свое, предпринимали кровопролитнѣйшія войны, принося въ жертву желаемой „побѣдѣ" все, чѣмъ они располагали.

Вѣдь такая личность н. п., какъ Чингисханъ, пребываніе котораго обошлось человѣчеству въ нѣсколько милліоновъ ... жизней, занялъ въ исторіи мѣсто.

Если для Наполеона люди являлись, по циничному выраженію его „мясомъ для пушекъ", то что же скажетъ царь нашего бѣднаго вѣка, когда насъ не обольщаютъ ни прекрасные божественные лучи

добродѣтели, ни кровавое пламя геройскихъ подвиговъ, — погоня-ли это „за славой“, безсмертіемъ или самопожертвованіе?!

Въ тусклой мутной жизни нѣтъ героевъ, а если они и приходятъ изъ толпы рабской, то ихъ казнятъ такими массами, что это даже входитъ въ программу повседневности.

Въ очень мрачную ночь не достаточно и самой яркой искры, чтобы прогнать тьму; надо много, много сильныхъ лучей, чтобы стало свѣтло. А наша ночь темна настолько, что жаль тѣхъ маленькихъ и дорогихъ огоньковъ, что гибнутъ въ ея мертвыхъ объятіяхъ.

Между всякимъ царемъ и народомъ лежитъ вѣчная пропасть. Царь, какъ-бы рожденный на другой планетѣ, не можетъ проникнуться мыслями и заботами тѣхъ людей, которыхъ онъ не знаетъ, не могъ знать и не стремился.

Ему съ дѣтства внушили — и обстановка и люди, — что его миссія на землѣ ничего общаго не имѣетъ съ обыкновенными смертными; что онъ рожденъ для того, чтобы лишь унаслѣдовать отцовскій тронъ — „царствовать“. Одно это слово краснорѣчивѣе всего показываетъ, что надлежитъ ему дѣлать: не служить кому бы то ни-было, а просто-на-просто — царствовать, въ томъ смыслѣ, какъ это намъ разсказывали наши старенькія няни — рабыни. Рабъ долженъ служить, а царь пиро-

вать.. Не такъ-ли вы запомнили съ дѣтства, какой порядокъ присущъ человѣчеству?

Но люди поняли, что ихъ дурачатъ, что сказки должны оставаться сказками, если онѣ хороши, а жизнь будетъ уродливой и печальной, если одни будутъ пировать, а другіе умирать съ голода.

Поняли это всѣ, но только это, а того они не поняли, что тотъ, кто пируетъ, не видитъ, не можетъ, и не хочетъ видѣть плачущихъ и несчастныхъ.

Умные, образованные, даже ученые и старые люди не понимаютъ этой простой истины и нѣжно простираютъ къ пирующему свои безсильныя руки, прося выслушать ихъ мольбы.

Вообще же положеніе царя, если онъ не готовъ пожертвовать собою, очень двусмысленное: съ одной стороны тотъ великій изголодавшійся народъ, который надо освободить изъ цѣпей, а съ другой — та кровожадная стая вороновъ, кому въ сущности нисколько не дороги ни народъ, ни кто другой, а кому важны лишь свои личные интересы.

Эти, какъ ближайшіе къ человѣку, въ рукѣ котораго власть, создаютъ такую атмосферу, что царю и дѣйствительно начинаетъ казаться, что только они и друзья его истинные, а „чернь“ — груба, цинична и жадна, какъ всегда, а поэтому надо ее держать въ постоянномъ неослабномъ страхѣ, а ужъ они — его видная опора — все, что

надо сдѣлаютъ, хоть бы погибло двадцать милліоновъ подданныхъ, — въ этихъ недостатка не будетъ, — главное — это благополучіе ихъ великаго господина, который призванъ самимъ Богомъ, чтобы охранять священныя права царственныхъ родителей, имена которыхъ будутъ во вѣки прославлены, какъ и его.

Есть и были цари, которые совершенно не считались и не считаются съ тѣмъ, что про нихъ скажутъ: добрые-ли они, безжалостные-ли, и, что бы тамъ ни-было, тѣмъ болѣе, что эти мнѣнія народа и неизвѣстны имъ, а могутъ лишь дойти до нихъ слабымъ и изуродованнымъ отголоскомъ, потерявъ весь ядъ; а есть такіе цари, которые хотѣли бы быть гуманными, но это имъ удается лишь по-стольку, по-скольку вообще возможно пирующему быть истиннымъ христіаниномъ; и есть, наконецъ, еще одна категорія земныхъ властителей; это тѣ, которые поняли и не забываютъ, что волкъ съ ягнятами никогда въ дружбѣ жить не могутъ, поэтому и дѣйствія такого царя къ своему собственному народу чисто „дипломатическія“.

Но представьте себѣ личность царя, который по природѣ своей не злой, какъ воинъ, раздраженный запахомъ горячей крови, а наоборотъ, очень миролюбиваго характера.

Что дѣлать такому человѣку, если онъ даже согласился бы пойти навстрѣчу желаніямъ народа?

А придворные звѣри?! Развѣ онъ увѣренъ, что эти же самые подлипалы и подхолимы не возстанутъ противъ него, и при томъ еще втайнѣ и никто знать не будетъ, „что случилось“. Съ этой мыслью царь не можетъ разстаться, какъ не можетъ онъ создать такого положенія, при которомъ было бы хорошо всѣмъ: ему, тѣмъ, кто между нимъ и народомъ, и наконецъ, народу.

У царя еще, помимо всего, такое убѣжденіе, что онъ и не имѣетъ даже нравственнаго права подвергнуть рискованному положенію тотъ унаслѣдованный тронъ, который не можетъ не считать священнымъ. А удержать вѣнецъ можно только въ томъ единственномъ случаѣ, когда онъ плотно окруженъ штыками. Развѣ это вамъ неизвѣстно? Зачѣмъ же вы держите народъ въ невѣдѣніи относительно его дѣйствительно глупыхъ надеждъ на „милости“? Вы вводите въ заблужденіе и себя и вашихъ младшихъ, которые думаютъ, что царь нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ расчувствуется и натворитъ имъ добра безъ конца и границъ, какъ отецъ, который сначала вздуетъ, а потомъ дастъ пряниковъ.

И вотъ взрослые люди забыли, что у нихъ ужъ сѣдыя бороды, что ихъ отцы, которые памятны своими пряниками, умерли давно, — забыли и пошли за пряниками къ государю.

Если бы государь нисколько не уважалъ тѣхъ, кто пришелъ къ нему съ низкимъ и всемилостивѣй-

шимъ поклономъ, молъ, позвольте намъ любезно вмѣшаться въ дѣла правленія государствомъ, тогда-бы царь посадилъ ихъ рядомъ съ собой и приказалъ бы камердинеру объяснить имъ, что ему нѣтъ никакого смысла подѣлиться съ ними тѣмъ, что ему Богъ послалъ; но царь прекрасно знаетъ, что къ нему пришли люди, знающіе цѣну власти; объяснять безсмысленность ихъ предложенія онъ считалъ оскорбительнымъ для умныхъ взрослыхъ людей. Что же ему оставалось, если не назвать ихъ нахалами? Такъ онъ и поступилъ, ставъ притчей во языцѣхъ и, пожалуй, увѣнчавъ себя безсмертной славой царя, который остается вѣренъ себѣ и который не таитъ своихъ мыслей...

Но люди страдаютъ чрезвычайной забывчивостью и склонностью вѣрить до безконечности, и, я надѣюсь, что они еще не утратили этихъ слабыхъ черточекъ своего характера и еще долго-долго будутъ смотрѣть на двери дворца, авось, все-таки, царь выйдетъ къ нимъ съ пригоршнями пряниковъ, вздуть прикажетъ, а потомъ попотчуетъ, пряниками медовыми, сахарными-сладкими.

Умные люди вернулись домой безъ пряниковъ, съ подзатыльниками; посидѣли годъ-два подумали и опять пошли за пряниками. Дали имъ пряниковъ ... свинцовыхъ.

Вотъ Китайская Императрица хорошій человѣкъ! Рѣдкость. Цитируетъ слова изъ древнихъ

книгъ, что Императоръ долженъ знать, что не — народъ для него, а, что онъ для народа. Въ этомъ духѣ она подписала отреченіе свое отъ престола, когда оказалось, что нечѣмъ защищать его отъ революціонеровъ.

Впрочемъ, она, можетъ быть, и раньше бы такъ сказала, но вѣдь геніальныя мысли приходятъ не сразу, случайно, внезапно, какъ случается пожаръ, какъ разрывается сердце.

Вы думаете, что царствовать — легко? А вамъ незнакомы колючіе шипы, которые окружаютъ розу... впрочемъ, ее они меньше всего жалятъ, но тѣхъ, кто покушается на нее — не щадятъ.

Если гимназистъ второго класса отправляется къ инспектору съ жалобой на сына директора, то это вполнѣ понятно и простительно, но если взрослые люди ходятъ къ полицейскому съ петиціей, чтобъ онъ любилъ ихъ дѣтей и отечески заботился о нихъ, то ихъ надо снова опредѣлить въ приготовительный классъ, чтобы они поняли разницу между отцомъ и полицейскимъ. У правителей пряники такіе, что желудокъ переваритъ ихъ лишь на томъ свѣтѣ, а развѣ о царствіи небесномъ хлопочетъ фабричный рабочій, безработный?!..

Власть царицы царицъ — жизни.

Царица переживала ужасное время. Никогда человѣкъ не можетъ предвидѣть или предусмотрѣть

положеній, къ которымъ его ведетъ судьба. Истинно, что говорятъ: счастливѣйшіе годы наши — въ дѣтствѣ, когда мы еще не знаемъ жизни, а представляемъ ее себѣ, согласно силѣ воображенія, зачарованнаго пестрыми и яркими красками нашего маленькаго мірка.

Принцесса мечтала, что со временемъ, когда на ее долю выпадетъ счастливый жребій властительницы народа, она отдастъ ему всю любовь свою, всю нѣжность, въ которыхъ такъ нуждаются люди, описанные въ книгахъ и вѣчно преслѣдующіе ее. Кто-же еще могъ ее познакомить съ душою какого-нибудь бездомнаго, безпріютнаго старика или юноши, если не книга, талантливая, написанная кровью сердца автора, который стоялъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ несчастнымъ классомъ людей, изъ котораго онъ извлекалъ свой печальный матеріалъ.

Да, прекрасны были мечты дѣтства и юности, даже и потомъ, долго, до тѣхъ поръ пока жизнь текла по горкамъ и долинамъ свободной беззаботности, независимости. Тогда не надо было логически-строгаго ума, а если и казалось, что онъ нуженъ, то его миссія была изъ легчайшихъ — наблюдательная. Но горе намъ, когда изъ посторонняго зрителя вдругъ намъ приходится взяться за что-нибудь отвѣтственное.

Вы стояли на берегу изумруднаго озера, въ тихій солнечный день, и ваша мысль, восхищенная

сочетаніемъ лучей и красокъ, дремала на опалово-золотистой поверхности воды. Но вдругъ вы услышали душу раздирающій крикъ тонущаго, и больше некому пойти на помощь, кромѣ васъ. А вы не умѣете плавать, а кричать, взывать о помощи безполезно, — кругомъ мертвая тишина.

А развѣ внѣ озера, а у насъ въ обыденной жизни не переживаютъ люди того ужаснаго состоянія?!

Люди большею частью думаютъ половинкой мозга, тою, которая посвящена эгоистическому чувству, и очень рѣдко мы разбираемъ любой вопросъ всесторонне, какъ это слѣдовало-бы дѣлать всегда, уже и съ тою цѣлью, чтобы обсудить предметъ правильно.

Представьте вы себѣ такое положеніе, когда, для того, чтобы осуществить свой идеалъ, вамъ надо отказаться сразу отъ всего, что васъ окружаетъ и, что стало для васъ дорогимъ и желаннымъ, хоть будь это мужъ или жена, или дѣти.

Положеніе царицы было такое, что съ одной стороны ее горячо толкало на помощь къ тѣмъ обездоленнымъ, которыхъ она не забывала, а съ другой — мужъ и дѣти. То и другое сочетать вмѣстѣ нельзя было, какъ нельзя одновременно итти въ двѣ противоположныя стороны. Или остаться въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она очутилась, или отказаться отъ всего и уйти отъ этого адскаго

представленія. А при дворѣ зашипѣли змѣиныя интриги, какъ бы ужалить эту молодую властительницу:

„Она «считаетъ» себя умнѣе и образованнѣе всѣхъ и хочетъ завести у насъ свой западный строй."

Жала змѣй сторожили ту, которой въ глаза приходится поклоняться и выражать кроткую раболѣпную покорность, а въ душѣ кипитъ ненавистная злоба и зависть; — у женщинъ эти чувства сильны.

Царица стала замѣчать, что супругъ ея гнѣвенъ даже тогда, когда ему захотѣлось бы расположить къ себѣ возлюбленную подругу свою; будто призракъ недовѣрія и замкнутости души появился между ними и это стало отражаться на всемъ. То нѣжное настроеніе, которое составляетъ цвѣтокъ семейной жизни, подернулось флеромъ какого-то неизъяснимо-непріятнаго чувства. Будто въ зачарованный край наслажденій внезапно ворвалась тѣнь смерти, и жизнь стала угасать, уступая черной сестрѣ своей.

И цвѣты, и рѣка, и свѣтъ золотого солнца — все измѣнилось; такъ казалось.

Царица, казалось ей, увидѣла опасность, которая грозитъ каждому человѣку, когда онъ намѣревается пойти противъ теченія; она сознала, что въ одинъ день, въ одинъ часъ можно разрушить то,

чего не создать никому другому никогда. Такихъ талисмановъ на сто милліоновъ людей только одинъ.

Но царица стояла выше разсчетовъ на почвѣ своихъ личныхъ интересовъ и никогда бы не остановила ее передъ вопросомъ большой важности какая-нибудь матеріальная вещь, даже если бъ это былъ тронъ міра....

Дѣти, о силѣ материнской любви и привязанности къ которымъ, царица прежде не имѣла и представленія, оказались ей дороже всего того, что она имѣла до сихъ поръ. Она только теперь узнала, какимъ прекраснымъ, волшебнымъ сокровищемъ Господь наградилъ ее. Развѣ у насъ есть что-нибудь такое, могучее и сильное, съ чѣмъ можно было-бы сравнить материнское чувство къ дѣтямъ? Нѣтъ, вамъ не можетъ быть знакомо это великое и святое чувство, если даже у васъ есть дѣти, но вы не готовы вскочить со стула, оставить самый захватывающій разговоръ, и побѣжать къ своей крошкѣ въ то время, какъ вамъ только показалось, что она проснулась и, еще не понимая, что надо звать, смотритъ своими стеклянными водянными глазками, будто видитъ васъ сквозь стѣну и ими говоритъ вамъ; говоритъ нѣчто такое, чего нельзя сказать словами. И вы ее понимаете и, вамъ кажется, и никто васъ не разубѣдитъ, что только вы ее понимаете и она тоже только васъ понимаетъ. О, нѣтъ, никто не знаетъ, какъ дороги дѣти для

любящей матери, для матери, которая понимаетъ свое великое божественное назначеніе!

Но царица не такъ любила своихъ дѣтей, чтобъ можно было описать это или сравнить съ чѣмъ-нибудь; но если бъ это было возможно и у васъ получилось бы представленіе о томъ, какъ полно было сердце царицы любовью къ своимъ дѣтямъ, то тогда бы вы только отчасти поняли ту радость, что она испытывала при видѣ милыхъ ангелоподобныхъ дѣтокъ, и ту, близкую къ отчаянію, печаль, которая сжимала ее всю, при одной мимолетной мысли, что Богъ можетъ отнять кого-нибудь изъ нихъ у нея.

Одно время, когда стальныя струны правленія государствомъ были слишкомъ натянуты и казалось, что онѣ грозятъ порваться, во дворцѣ царило то напряженное безпокойство, когда каждое противорѣчіе принимается, какъ вызовъ, и неосторожный вопросъ, направленный въ слабое мѣсто, возбуждаетъ озлобленіе, царица высказалась за чайнымъ столомъ, что она хотѣла бы теперь очутиться со своими милыми дѣтками у себя на родинѣ, въ старомъ замкѣ. И въ этомъ было все, что она хотѣла сказать; но кто-то усмотрѣлъ въ этомъ намекъ на то, что она считаетъ свое пребываніе здѣсь не безопаснымъ. Еще у кого-то вспыхнула высокая гордость и онъ, казалось, съ язвительной усмѣшкой сказалъ: „Но родина дѣтей — здѣсь, Государыня.“

Это вскорѣ было забыто всѣми, кто при этомъ

присутствовалъ, такъ какъ эту колкую фразу сказали въ шутливой формѣ, въ видѣ отвлеченной остроты. Но не забыла объ этомъ сама только царица, которая, несмотря на продолжительное пребываніе ея въ кругу этихъ людей, все же чувствовала себя чуждой и имъ самимъ, и ихъ интригамъ, главнымъ образомъ. Въ этой, казалось бы, безобидной шуточкѣ царица почувствовала скорѣе, чѣмъ это только надо было понять, такой глубокій и ужасный смыслъ, что эти слова остались у нея въ памяти надолго и вставали передъ ея мысленнымъ взоромъ каждый разъ, когда тоска по родинѣ становилась мучительной, и еще болѣе мучительнымъ сознаніе, что эти милыя крошки, рожденныя въ страшныхъ мученіяхъ, и столь любимыя ею, принадлежатъ не ей — матери ихъ, а какому-то призраку, который невидимо здѣсь витаетъ. Ей начинало казаться, что и дѣти смотрятъ такъ мило своими водяными глазками не на нее, а на тотъ призракъ, который властвуетъ надъ ними, какъ еще одна мать ихъ.

И, когда она смотрѣла имъ въ глазки, ей казалось, что эта ужасная мысль вѣрна. Да, вѣрна.

Въ эти дни въ государствѣ вспыхнули волненья, и отданъ былъ приказъ усмирить непокорныхъ, не считаясь ни съ какими жертвами. И такъ было поступлено. Усердные прислужники постарались показать, что у нихъ много кротости здѣсь, и, сколь-

ко требуется жестокости — тамъ. И много разъ повторялась казнь людей за то, что они требовали отъ своихъ нанимателей повышенія платы, собираясь для совѣщанія между собой на площадяхъ.

А власть не терпитъ многолюдныхъ и безконтрольныхъ совѣщаній рабочихъ, а тѣмъ болѣе безработныхъ.

Каждый день отправлялись глупенькіе солдатики „усмирять“ „бунтующихъ“, каждый день гдѣнибудь хоронили усмиренныхъ навѣки. Приказано было газетамъ не писать объ этомъ, а такъ какъ все-таки писали, то вскорѣ тюрьмы наполнились газетчиками.

Въ странѣ дѣлалось все то, что требовалось для спокойствія дворца. А царица и не знала, что происходитъ за стѣнами дворца, а когда узнала, — разумѣется, до нея дошли свѣдѣнія въ самомъ извращенномъ видѣ, — она тотчасъ подумала о дѣтяхъ своихъ, что пока они здоровы и съ нею, ей не можетъ быть плохо на душѣ, хоть бы и не такъ распорядились министры и губернаторы. Вѣдь ни она, ни ея царственный супругъ не высказывали своего желанія такъ жестоко наказывать соціалистовъ, а если министръ, кто охраняетъ порядокъ и покой въ странѣ, находитъ необходимымъ примѣненіе этихъ ужасныхъ мѣръ, то, что же дѣлать? — Спокойствіе — это самое цѣнное для всѣхъ...

Разумѣется, царицѣ тяжело было представить себѣ ту картину усмиреній, которая произвольно вставала на мигъ передъ нею, каждый разъ, когда ей что-нибудь изъ окружающаго напоминало объ этомъ. Тогда она старалась найти въ чемъ-нибудь забвеніе или перестроить себя на иной ладъ, чтобы уйти подальше отъ запаха и цвѣта крови. Съ этой цѣлью, очень долгое время, она не брала въ руки газетъ, даже и журналовъ, въ которыхъ такъ или иначе могло быть отмѣчено теченіе внутреннихъ событій. Ей казалось, что и отъ газетъ распространяется этотъ разлагающійся запахъ.

Ея счастьемъ и спасеньемъ въ эти ужасные дни и мѣсяцы кровавыхъ событій были ея маленькіе чистенькіе и безгрѣшные друзья, — Богомъ благословленныя дѣтки.

Если народъ сначала уповалъ на царя, а потомъ, разочарованный и жестоко наказанный за свои довѣрчивыя мечты и воззванія, сталъ смотрѣть на царя съ укоромъ, то къ царицѣ онъ не измѣнилъ своихъ чувствъ или, вѣрнѣе, не посылалъ вообще въ ея сторону своихъ укоровъ, зная, что она рождена въ свободной странѣ и, какъ бы на нее не воздѣйствовали окружающіе, она все же не могла бы одобрить жестокости ставленниковъ. И вопросъ о ней и ея отношеніи къ положенію дѣлъ въ государствѣ оставался все время въ сторонѣ.

Никакой вражды не питалъ къ царицѣ народъ,

задыхавшійся въ темницахъ, голодавшій отъ безработицы и падавшій подъ пулями своей отчизны.

Но къ этому вопросу мы вернемся позже.

Послѣ долгихъ тщетныхъ надеждъ на „милости", народъ понялъ, что ему никогда не дождаться своей желанной свободы, если онъ самъ не позаботится объ этомъ. Но это не такъ скоро получилось, чтобы ему не пришлось оплакивать дней своего прошлаго; и не сразу, а только послѣ многихъ столкновеній его съ правительствомъ, онъ, наконецъ, убѣдился, что его обманывали его мечты, но не тѣ люди, на кого онъ возлагалъ надежды.

Положеніе угнетеннаго, забитаго народа было столь безпомощно, что онъ хватался своими трясущимися руками за всякую соломенку; на этой почвѣ сдѣлали свою кровавую коммерцію народные предатели, которые подъ разбойничьей маской двуличности, съ одной стороны науськивали народъ противъ правительства, выдавая себя за крайнихъ и глубокихъ соціалистовъ, а съ другой — имѣли общеніе съ враждебнымъ лагеремъ, дѣйствуя съ нимъ заодно противъ первыхъ.

Такимъ путемъ правительство имѣло возможность — и широко пользовалось этимъ — находить самыхъ главныхъ вожаковъ партій; оно вылавливало ихъ и предавало своему безконтрольвому

суду, частью ссылая народныхъ жалобщиковъ въ отдаленныя глухія мѣстности дикихъ окраинъ, частью наполняя ими тюрьмы, а, если данное лицо оказывалось болѣе значительнымъ для его партіи, то съ нимъ уже поступали „на основаніи законовъ военнаго времени", когда вопросъ правоты или виновности рѣшается однимъ свинцовымъ шарикомъ или веревкой, безъ всякихъ слѣдствій, допросовъ, свидѣтелей или хотя бы какой бы-то ни было внѣшней законности, — просто: принимали человѣка, и родные его не знали, что съ нимъ „сдѣлаютъ" или уже „сдѣлали". Бывало такъ, что повѣсятъ какого-нибудь юношу, при чемъ родители и не знаютъ объ этомъ, а потомъ оказывается, что это вышло по недоразумѣнію.

И случалось это такъ часто, что люди уже стали къ этому привыкать и, ложась спать, не знали, всѣ ли они завтра встанутъ, — вѣдъ аресты и расправа происходили по ночамъ и внезапно; словно вороны, налетали жандармы, вылавливали добычу и съ нею скрывались въ темнотѣ ночей. А такъ какъ за каждый арестъ значительнаго политическаго дѣятеля лорцамъ выдавались всяческія награды, то это породило такъ называемую провокацію, т. е. ложно доносили на кого-нибудь, не давая ему возможности доказать свою непричастность къ той или иной партіи; увозили его куда-то, тамъ подвергали своимъ знаменитымъ варварскимъ

допросамъ, а потомъ ужъ онъ и совсѣмъ исчезалъ изъ міра нашего.

Съ женщинами еще и иначе поступали. Если она оказывалась вліятельной на свою партію, то ее запирали въ одиночную секретную камеру и она становилась жертвой всяческихъ насилій со стороны всякаго, кто тѣмъ или инымъ образомъ брался выпытать у нея нужныя свѣдѣнія. И чѣмъ болѣе геройски она защищалась и хранила свои идейные завѣты, тѣмъ грубѣе и циничнѣе были мѣры насилія надъ нею. Извѣстны даже случаи, что офицерики полицейскаго характера, разлакомившись запретностью плода, дѣлали арестованнымъ дѣвушкамъ самыя гнусныя предложенія, обѣщая имъ за это свободу. Мы не знаемъ, какъ было поступлено съ тѣми женщинами, которыя изъ тюремъ уже къ намъ не вернулись, такъ какъ были казнены, но нѣсколько примѣровъ пошлости, до которой могъ дойти произволъ исполнителей, мы могли бы привести.

Одну дѣвушку, на которую не повліяли никакія пытки со стороны тайныхъ „слѣдователей“, подобныхъ тому офицеру, одинъ изъ представителей кроваво-золотого правительства не отказался изнасиловать. Онъ изнасиловалъ, наградивъ той страшной болѣзнью, отъ которой разлагалось его звѣриное тѣло.

Но правительству, которое держится на висѣлицѣ и опирается на штыки, ничего не стыдно.

Было объявлено, что съ насильникомъ будетъ поступлено по закону. Этотъ кроваво-черный призракъ, который носитъ названіе правительства, вѣдь, въ сущности, ничѣмъ не отличается отъ шайки бандитовъ, которые съ одинаковой любовью своего „дѣла“ и насилуютъ женщинъ, и другъ-другу, при первой надобности, снимаютъ голову. Политическую арестовали, дали издѣваться надъ нею сколько угодно, а потомъ, когда поднялся шумъ въ народѣ и заговорила иностранная печать, велѣли и насильника наказать, — все велось такъ, чтобъ можно было подъ видомъ управленія „государственными дѣлами“ пользоваться, елико возможно, властью, подъ декораціей которой кроется то, что обезпечиваетъ роскошь и наслажденія — золото, хотя бы это золото составлялось изъ потныхъ мѣдяковъ голодающаго землепашца.

Но если бы мы стали описывать факты насилій только надъ однѣми женщинами, то намъ пришлось бы посвятить этому всю книгу, а объ этомъ достаточно и такъ нашумѣли газеты, даже показывая таблицу грабежа женской чести.

Можетъ быть во времена разбойничьихъ набѣговъ древнихъ дикарей — государства принимали тотъ сплошной кровавый видъ, который представляла собою эта страна правительственнаго насилія;

но можетъ быть тогда насильники не были такъ изобрѣтательны въ своемъ безграничномъ цинизмѣ, какъ въ XX-мъ вѣкѣ, когда человѣчество обогатилось огромнымъ опытомъ и, разумѣется, прежде всего, въ дуномъ, — вѣдь великую идею Христа мы все еще не можемъ усвоить, а какого совершенства достигли злыя стороны человѣческаго характера и его способностей добывать то, что ему надо для себя!

Какъ ни тщательно скрывали отъ царя и царицы государственные волки свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ странѣ, о возмущеніяхъ народныхъ, о жестокостяхъ, которыя они примѣняли и о той страшной бурѣ, которая неминуемо должна была разразиться надъ угнетателями, все же стѣны дворца не удержали тайнъ крови людской, которыми полна была земля, кормившая избранниковъ.

Царица узнала объ ужасахъ, переполнявшихъ границы терпѣнія человѣческаго, и уныніе поселилось въ ея душѣ. Ей стали непріятными и ближайшіе изъ людей, наполнявшихъ ея домъ; ихъ притворно-фальшивые разговоры, улыбки, привѣтствія; но освободиться отъ нихъ не было никакой возможности, какъ и нельзя было измѣнить весь строй этого безпокойнаго царства. Она заболѣла. Лежа въ постели, она обдумывала положеніе, въ которое привела ее судьба. Такъ-ли она мечтала въ юности....

Развѣ можетъ быть хорошо человѣку, если онъ сознаетъ, что кругомъ происходитъ кровавая борьба изъ-за какого-то хлѣба.... Это, впрочемъ, вѣроятно, преувеличено, что изъ-за хлѣба.... вѣдь самое дешевое — это хлѣбъ, — соображала царица. Должно быть у нихъ еще какіе нибудь тамъ интересы, главнымъ образомъ, нравственнаго, а отчасти и экономическаго характера. Два года тому назадъ царица перелистывала заграничный журналъ какой-то и на одной изъ страницъ нашла фотографическій снимокъ голодныхъ мѣстностей въ Индіи. Царица долго не могла уснуть въ ту ночь, а на утро она ужъ боялась заглянуть въ газету — тамъ иногда попадаются сообщенія, отъ которыхъ потомъ голова начинаетъ болѣть и многое изъ дѣйствительности начинаетъ казаться фальшивымъ, а многое совсѣмъ страшнымъ, будто кто-то явился и сообщилъ очень, очень печальную вѣсть. Теперьже, когда все чаще и чаще до нея стали доноситься извѣстія, о томъ, что народъ „бунтуетъ“, что его „усмиряютъ“, начинало даже казаться, что иначе бы и не могло бы даже быть.... А что касается средствъ, къ которымъ приходится прибѣгать, то это, конечно, непріятно. Хорошо-бы, если-бъ все это улеглось какъ-нибудь при наименьшемъ числѣ жертвъ.... Но, если взять въ примѣръ любое государство, даже самое культурное, то и тамъ вѣдь не было иначе.

Это ужъ удѣлъ земли!... Сколько это было.... въ прошлое воскресенье?... Лѣвыя газеты опять преувеличили!... Зачѣмъ это такъ расписывать!...

Всеобщая забастовка.

Подобно тому, какъ въ древнемъ Римѣ встрѣтили ученіе Христа, — послѣдователей подвергали пыткамъ, потѣшались надъ ними, обливая ихъ смолой и зажигая по ночамъ, во время гуляній въ садахъ, въ видѣ факеловъ, или бросали ихъ звѣрямъ на арену знаменитаго цирка, сопровождая эти адскія потѣхи громами аплодисментовъ и, безсознательно подчеркивая этимъ, какая пропасть лежала между великой душой Свѣтлаго Христа и ихъ тупыми лбами, — уже родившіеся и воспитанные въ Христіанствѣ — почти такъ-же понятомъ, какъ тогда въ Римѣ — встрѣтили у насъ правители идею соціализма.

Если онъ много читалъ, носилъ длинные волосы и презрительно относился къ внѣшнимъ формамъ цивилизаціи, то, значитъ, онъ и есть „тотъ самый“.... и смотрѣли на соціалиста съ неменьшимъ страхомъ, какъ мы теперь — на палача или предателя. И когда попадался жандармеріи „такой“, то его увозили, какъ разсказывали бабушки, въ черной каретѣ, прямо къ морю, тамъ привязывали ему къ шеѣ веревку съ большимъ камнемъ,

сверху одѣвали мѣшокъ, завязывали, и въ мѣшкѣ пускали въ море.

Такъ поступали съ первыми у насъ соціалистами, такъ, но въ иныхъ видахъ пытки или казни, поступаютъ съ ними и теперь. Но теперь толпа знаетъ, что это везутъ не предателя или палача, а, какъ разъ, лучшаго изъ тѣхъ, кто остался на свободѣ, потому, что за нихъ-же онъ жертвуетъ собой. Знаютъ это люди, но еще не всѣ, поэтому еще свободно проносится по городу та черная карета и народъ, молча, провожаетъ ее, раздумывая:

„Что же дѣлать?“

А пока народъ еще не понялъ, какъ слѣдуетъ, и не возмутился, какъ это будетъ, когда онъ пойметъ, — сѣмена соціализма медленно и скудно всходятъ.

Вѣдь воровать лучше всего, пока еще люди спятъ и пока темно, а когда станетъ свѣтло и всѣ встанутъ, тогда то ужъ ворамъ не сдобровать. Это знаетъ старое испытанное правительство и старается всякими способами продлить ночь и темноту ея и сонъ тѣхъ, кто на яву является опаснымъ для него.

Книги, въ которыхъ былъ лишь намекъ на взаимные интересы людей, сжигались съ остервенѣніемъ и скрежетомъ зубовнымъ, а тѣхъ, кто имѣлъ хоть какое-нибудь отношеніе къ этимъ книгамъ...

Ахъ, сколько людей погибло, совершенно невинныхъ, лишь жаждавшихъ узнать „справедливъ ли“ монархическій образъ правленія, или люди могли бы жить иначе.

Такъ было когда-то; иначе стало теперь только въ томъ отношеніи, что, несмотря на всѣ притѣсненія и гоненія, многіе все таки познакомились съ тѣмъ вопросомъ, который касается благосостоянія всего народа, и эти многіе образовали союзы; послѣдніе ужъ болѣе опытно, чѣмъ ихъ предшественники обращаются съ необходимой литературой, и такимъ образомъ, то, чего правительство всегда опасалось и, что всѣми способами преслѣдовало, явилось.

Фабричные рабочіе, представлявшіе собою много лѣтъ лишь слѣпое орудіе въ рукахъ грабителя ихъ силъ, уже явилось сознательнымъ элементомъ великой идеи равенства. Кромѣ нихъ, тѣ, кто даже на себѣ и не испыталъ гнета порабощенія, но понялъ, что величайшее зло на землѣ — это то, что одни работаютъ, а другіе пируютъ, — присоединились къ своимъ товарищамъ по рабству. Рѣшено было бороться за свои права, а не ждать милостей отъ немилостивыхъ, но, во избѣжаніе кровопролитій, было объявлено, что протестъ правительству будетъ выраженъ лишь отказомъ отъ работъ.

Это подготовлялось много лѣтъ; хитрые министры вели съ народомъ трактирщицкую политику

обѣщаній на „завтра“ или примѣняли къ нимъ успокоительное средство — патроны.

Но долго это не могло длиться, — ничему, что бы ни обѣщало правительство, народъ уже не вѣрилъ, и въ одинъ прекрасный день во всѣхъ городахъ имперіи рабочіе, безъ которыхъ жизнь страны функціонировать не можетъ, сложили руки. Это была безкровная атака правительства: остановилась огромная машина всего государства: заводы, фабрики, магазины, почта, телеграфъ, желѣзно-дорожное сообщеніе; даже аптеки прекратили работу.

Министры, при всей своей хитрой сноровкѣ въ своемъ дѣлѣ, не ожидали такого сюрприза. Обѣщать или, вообще, хитрить по старой системѣ было безполезно; пришлось доложить товарищамъ, что такъ-молъ-и такъ: неограниченная власть, безконтрольная, — вещь, разумѣется, очень хорошая, но въ городѣ нѣтъ воды и электричество тоже не дѣйствуетъ, а если всѣхъ перестрѣлять, такъ и намъ нечего дѣлать будетъ, — не новое же намъ государство искать да съ готовымъ народомъ. Дадимъ?! Министръ финансовъ сѣлъ и заплакалъ крокодиловыми слезами, — контролеръ близокъ....

Долго сидѣли за парчевыми столами люди, шитые золотомъ. Весь этотъ день, другой, третій... А въ городѣ все темно и воды нѣтъ. Пить хочется, а воды нѣтъ. Самое главное — вода, — сказалъ одинъ изъ совѣтниковъ, и всѣ согласились съ нимъ.

Впрочемъ на этой почвѣ завязался ожесточенный споръ, такъ какъ, оказалось, что многіе изъ членовъ совѣта согласились пользоваться вмѣсто воды виномъ, котораго было достаточно въ подвалахъ дворца, но оппоненты вскорѣ уступили, такъ какъ выяснилось, что еще нѣкоторыми неудобствами и даже непріятностями, болѣе значительными, грозитъ эта закупорка жизни — забастовка. Царю не жалко было и онъ приказалъ:

„Исполнить!“

Такъ и было сдѣлано. И народъ, все таки не ожидавшій услышать это волшебное слово — „конституція“, не повѣрилъ, что наступилъ общій великій праздникъ; но конституція была дана. И вотъ, на долю царицы выпало счастье осуществить свою давно лелѣянную мечту — облагодѣтельствовать народъ, который она считаетъ своимъ.

Но красивой сказкѣ — часъ, а жизни — время.

И дѣйствительно это похоже было на вымыселъ, что сегодня народъ воспрянулъ и снова увѣровалъ въ Бога Милосердія, а на другой день тяжелый кошмаръ опустился на душу, и стало ясно, что власть не знаетъ ни состраданія, ни справедливости. Тѣ, кто держитъ ее въ своихъ рукахъ и не желаетъ разстаться съ нею, придумали выходъ изъ своего рискованнаго положенія.

Политика осталась тою-же, что и была всегда, основанная на томъ, что будто требованія, предъ-

являемыя правительству, исходятъ исключительно только отъ нѣкоторыхъ незначительныхъ группъ общества, а что весь народъ наравнѣ съ правительствомъ глубоко возмущается „дерзкими выходками“ этихъ революціонныхъ группъ. А что бы это доказать, т. е. чтобы снова вернуть власть къ ея прежнему состоянію, пущены были въ ходъ самыя недостойныя средства, которыми располагали безчеловѣчные ставленники.

Злая комедія съ трагическими эффектами и натурально кровавымъ исходомъ.

Какъ провинціальный режиссеръ кричитъ за кулисами: „Давай громъ и молнію“, такъ отданъ былъ тайный приказъ, создать „народное возстаніе“ противъ „новаго образа правленія“. Денегъ было отпущено для постановки этого номера столько, что кровавый спектакль дѣйствительно удался, — вѣдь среди многомилліоннаго населенія не трудно было найти исполнителей „народнаго возмущенія“. Именно тѣ отбросы общества, которые больше всего были жертвами дикаго режима, но, по невѣжеству своему, не знали, кто ихъ врагъ и предатель, они то и пошли на роли кровавыхъ актеровъ.

Пьяными дикими голосами кричали обезумѣвшіе провокаторы, что конституціи имъ не надо, что страна погибнетъ, если она подпадетъ подъ вліяніе революціонеровъ, другими словами: „да здравствуетъ прежній благословенный вѣками строй!“

„Видите, — объявило правительство, — самъ народъ выступаетъ противъ новаго порядка, значитъ, онъ самъ сознаетъ, что ему еще рано подавать свой голосъ въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какъ государственное. И снова страна почувствовала свой вѣковѣчный гнетъ и снова пошла тайная подготовка къ новому возстанію. А внѣшне воцарилась невозмутимая тишина, такая, что титулованные грабители по прежнему предались разврату насилія и пиршествъ, только кое-гдѣ вспыхиваетъ маленькій огонекъ возмущенія, но его тотчасъ же гасятъ, — это революціонеръ, независимо отъ партіи, мститъ насильнику смертью, платя за это и своей жизнью.

Пиръ на кладбищѣ.

То, что я вамъ теперь опишу, вамъ покажется злымъ вымысломъ, между тѣмъ какъ вы это, можетъ быть, и сами видѣли; вы помните тѣ кровавые дни, когда вы боялись ходить по улицамъ своего роднаго города? Когда вамъ каждый мельчайшій фактъ повседневности напоминалъ чью-либо смерть.

А помните вы дома, въ которыхъ сожгли людей, искавшихъ въ нихъ защиты отъ пушекъ?

А стѣны домовъ, и заборы, и тротуары, и одежды прохожихъ, — забрызганные кровью и мозгами человѣческими!

А душу потрясающіе крики женщинъ, схваченныхъ грубыми руками похотливыхъ усмирителей?!

А нашествія на мирныя деревни прославившихся карательныхъ отрядовъ, управляемыхъ добровольцами по призванію?!

Вы не видѣли этихъ страшныхъ сценъ, когда безусый командиръ, который идетъ „уничтожать вредныя идеи“, приказываетъ старичкамъ и женщинамъ раздѣться и лечь подъ кнуты?!

Вы не видѣли, какъ тупоумный исполнитель власти насилуетъ дочь въ присутствіи ея матери, а за тѣмъ и послѣднюю, а послѣ того, чтобъ ужъ безслѣдно уничтожить „крамолу“, распарываетъ имъ животы, по модному японскому обычаю казни, — онъ вѣдь тоже сынъ культуры XX-го вѣка и знаетъ многое изъ того, что даетъ цивилизація.

Его будутъ судить? Но вѣдь онъ защищалъ свою идею, что революціонеровъ надо уничтожить. А если вы его повѣсите, тогда ваша совѣсть будетъ удовлетворена?

Что вы этимъ докажете? Не то-ли, что людей нельзя убивать?

Или вы найдете для себя оправданіе въ томъ, Что вы защитили общество отъ опаснаго элемента? Не получится-ли та картина звѣрства людей, которой вы все еще не видите: онъ убилъ хорошаго, а я убью дурного; еще одинъ дурной убьетъ меня, но моя смерть не останется безъ возмездія и кто-

нибудь заступится за своего товарища и убьетъ моего убійцу, — не превратимся ли мы всѣ въ убійцъ?

Тогда зачѣмъ же вы болтаете о высокихъ матеріяхъ, о любви, о красотѣ, о справедливости? — она не можетъ быть источникомъ смерти; — бросьте вы всѣ свои нравственныя ученія, отточите хорошенько ножъ и ступайте на первую попавшуюся площадь, тамъ вы найдете дурныхъ людей, которые, по вашему мнѣнію, достойны казни.

Но мнѣ было жаль не тѣхъ, кого вы убили-бы, потому что съ момента смерти окончились бы всѣ страданія ихъ, въ то время, какъ ваши тогда лишь и начались бы.

Я не вступаю въ критику дѣйствій соціалистовъ-революціонеровъ, которые сами отвѣчаютъ за себя, и передъ обществомъ, и передъ собственной совѣстью, но моему сердцу больно за каждаго, кто, въ оправданіе чего бы-то ни было, убилъ человѣка.

Развѣ заслуживали-бы оправданія солдаты, если бы мы ихъ считали людьми съ силой воли?! Я хочу освѣтить еще одну сторону этого мучительнаго вопроса, совершенно упускаемую изъ вида даже тѣми, кто хотѣлъ-бы основательно отстоять идею Великаго Мученика, доказавъ, какое страшное зло порождаетъ кровавый путь къ мнимому счастью.

Ссылаться на книги, которыя могли бы, въ данномъ случаѣ, послужить иллюстраціей къ тому, о чемъ я буду говорить, и, вообще, на авторитеты, которые для многихъ могли бы даже имѣть неоспоримое значеніе, я не стану, такъ какъ всякія ссылки, свидѣтельскія показанія я считаю ниже достоинства человѣка, съ которымъ бесѣдую.

Мы привыкли смотрѣть на вещи такъ, что если мы уличили человѣка въ убійствѣ, то надо надъ нимъ издѣваться.

Его лишаютъ возможности пользоваться своими человѣческими правами, отнимаютъ у него нѣсколько лѣтъ свободы, а то и всю жизнь, изолируютъ его отъ насъ, присоединяя его къ подобнымъ ему же убійцамъ.

А что достигается путемъ этихъ пытокъ?

Въ немъ совершенствуютъ разбойника. Въ этомъ адскомъ помѣщеніи, называемомъ тюрьмой, человѣкъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ своего пребыванія тамъ, старается передъ самимъ собою оправдать свое положеніе и, въ концѣ концовъ, этого онъ добивается, приходя къ единственно-возможному заключенію, что онъ рожденъ для того, чтобы убивать, а потомъ переносить испытанія, и это его земное назначеніе.

По отбытіи срока заключенія онъ выходитъ на волю продолжать свою миссію. Мнѣ хотѣлось бы повѣрить, что тюрьма оправдываетъ возлагае-

мое на нее людьми, которымъ это легче всего, исправительное назначеніе.

А я смотрю на это, какъ на орудіе пытки.

Я хочу сказать, что отбывающій это безсовѣстное и безстыдное, и для всѣхъ насъ позорное наказаніе за убійство, совершенное имъ, чувствуетъ себя какъ-бы въ разсчетѣ со всѣмъ и всѣми.

Ему даже кажется чудовищной плата за содѣянное, слишкомъ жестокою.

А представьте себѣ этого самаго убійцу, если онъ тѣмъ или инымъ путемъ избѣжалъ нашего правосудія.

Несчастнѣе его трудно себѣ представить. На каждомъ шагу его преслѣдуетъ призракъ убитаго. При немъ нельзя, чтобы не привести его въ содроганіе, произнести тѣ слова, которыя для насъ, нейтральныхъ въ этомъ отношеніи, не имѣютъ того ужаснаго, страшнаго смысла.

Когда при васъ, — надѣюсь, что вы не убійца, — будутъ говорить о крови, ваша мысль представитъ вамъ ее въ различныхъ видахъ: кровь животныхъ, къ чему вы уже привыкли, кровь ваша собственная и, наконецъ, если даже кровь льющаяся изъ раны, то вамъ мгновенно тутъ-же представляется и перевязка, и врачъ, и больничное зданіе, гдѣ больного спасутъ и все будетъ благополучно.

Совсѣмъ не то происходитъ съ убійцей.

Прежде всего такое слово, которое напоминаетъ собою о смерти, ошеломляетъ его; ему въ первый мигъ кажется, что вы это сказали умышленно, чтобы испытать его душу, а когда эта первая его острая боль въ сердцѣ ослабѣваетъ, передъ нимъ являются картины послѣдняго момента жизни убитаго и требуютъ отъ него возмездія. Вы подумайте объ этомъ, тогда вы поймете пытки, переживаемыя убійцей. Не забудьте при этомъ, что рѣдкій, рѣдкій убійца, какъ бы онъ ни совершилъ свое ужасное дѣло, вначалѣ оправдываетъ свои дѣйствія. А большинство, въ концѣ-концовъ, прибѣгаетъ къ самоубійству. И это даже въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣку казалось, что „по справедливости“ ему ничего другого не остается, какъ привести намѣченный планъ въ исполненіе.

Даже тѣ, у которыхъ на цѣлую жизнь хватаетъ духа, чтобы не раскаяться даже передъ самимъ собою — это гиганты въ смыслѣ силы воли — и тѣ, подъ старость, когда чувствуется близость могилы, начинаютъ „мучиться“. Они молятся, они стонутъ, они ищутъ страданій, они боятся самихъ себя; и неописуемы ихъ мученія.

Вы поняли, о комъ я говорю?

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, не о революціонерахъ.... Они мстительны, — я ихъ боюсь!...

Въ молодости, когда наша кровь вскипаетъ при первомъ сопротивленіи чего бы-то ни-было, у насъ

нѣтъ контроля надъ самимъ собой, подобно пьянымъ офицерамъ, подгулявшимъ въ кафешантанѣ: женщина пересѣла къ другому столу, и кто-нибудь ужъ можетъ явиться жертвой дуэли, хотя бы эта женщина и спеціально занималась этимъ обычнымъ въ такомъ мѣстѣ дѣломъ.

Вотъ и убилъ.

Но этотъ раскается, быть можетъ, черезъ три минуты послѣ преступленія, когда поймете, что передъ нимъ лежитъ убитый имъ.

А, какъ вы думаете, на-долго у васъ хватитъ спокойствія, если съ вашего вѣдома будетъ убитъ человѣкъ?!

Вы будете убѣждать себя, что смерть этого человѣка была необходима, слѣдовательно, этотъ вопросъ и не заслуживаетъ возвращенія къ нему.

Но я, какъ видите, не сказалъ, что вы убѣдите себя разъ на всегда, а, что вы **будете себя убѣждать.**

И вотъ почему я такъ выразился.

Подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, окружающей васъ обстановки, вы, можетъ быть, долго продержитесь на убѣжденіи своей правоты въ этомъ ужасномъ дѣяніи, но стоитъ хоть чуть измѣниться условіямъ, васъ окружающимъ, — а это неизбѣжное явленіе, — какъ, въ числѣ многихъ другихъ вопросовъ, требующихъ анализа и разрѣшенія, къ

вамъ постучится въ сердце старый, старый вопросъ, правы-ли вы были „тогда“.

Ахъ, я сомнѣваюсь, что вы оставите его равнодушно; а если смѣло посмотрите ему въ глаза, вамъ станетъ въ первый разъ жутко. Напрасно вы эту жуть будете затыкать словами:

„Нервы“, „дурацкая меланхолія“, „пустякъ“, „это пройдетъ“...

Нѣтъ, скажу я вамъ, это не проходитъ. А если на время проходитъ, то лишь съ тѣмъ, чтобы вернуться для болѣе мучительнаго.

Я знаю, что передъ величественнымъ знаменемъ объединеннаго общества, символизирующимъ великую идею справедливости, молодой человѣкъ, ищущій Бога, даже тамъ, гдѣ его не увидишь, можетъ легко бросить на жертвенникъ и свою, и чужія жизни, лишь бы въ данную минуту оправдать свою цѣль.

И все съ нимъ будетъ: и вѣра его, и любовь, если онъ останется живъ, и его не оставятъ его друзья, совмѣстно съ которыми было рѣшено, что „э-т-о“ явилось долгомъ необходимости. Но они всѣ со временемъ уйдутъ, а онъ останется самъ съ собою; мнѣ жаль его, и болитъ за него сердце мое.

Нѣтъ, юноши, и вы, молодые люди съ благородными сердцами, и вы, собравшіеся группами и пылающіе общимъ пламенемъ, — не убивайте!

Вы ошибаетесь, если будете думать, что вы

убили другого, того, кого именно вамъ и надо было, нѣтъ, вы убьете душу свою; вы на вѣкъ лишите ее ея радостей и восторговъ. Она уже никогда не узнаетъ веселья; вы ее лишите солнца, которое такъ чудесно, цвѣтовъ, что такъ нѣжны, молодого ликующаго смѣха, который вамъ необходимъ, какъ грезы ваши. Всего прекраснаго, что есть въ природѣ, напоенной пѣвучими звуками и ароматомъ, вы лишите душу свою. И уже никогда, никогда вы не вернете ей ея милыхъ спутниковъ, съ которыми она пришла въ этотъ міръ.

А вы будете отрицать, что человѣкъ испытавшій много, много лишеній, даже голодъ, способенъ въ свои свѣтлыя мгновенья искренно и блаженно радоваться и смѣяться, въ то время, какъ, однажды убившій человѣка, навсегда прогналъ отъ себя это блаженство?

Можетъ быть, есть люди, которые никогда не заглядываютъ въ свою душу, — о тѣхъ я не могу судить, разъ ихъ душа живетъ отдѣльно отъ нихъ.

Другъ другу чуждые.

Подобно тому, какъ даже люди, очутившіеся въ домѣ страданій — въ больницѣ, въ тюрьмѣ или на кладбищѣ, гдѣ объединенные однимъ общимъ горемъ, души ихъ тѣсно приближаются другъ къ другу, — все же каждый остается самимъ собою, и въ той ужасной степени, когда жизнь другого

является для него лишь образчикомъ или опытомъ, — подобная связь духовная была между людьми и во всемъ государствѣ этомъ, многомилліонномъ, гдѣ, какъ съ внѣшней стороны казалось, что если этотъ край земной и не представляетъ собою одного духовно цѣльнаго царства, то все же отдѣльныя группы людей связаны крѣпкимъ и неразрывнымъ кольцомъ единства и, что все тяжелое и угнетающее или свѣтлое и отрадное, что выпадаетъ на долю одного, отражается на другихъ.

А многими нитями объединенія были связаны люди: капиталомъ, родствомъ, профессіями, понятіями о какихъ-нибудь отдѣльныхъ вопросахъ, любовью, которая была ими настолько различно понимаема, что порою ея прекрасный образъ принималъ совершенно иной характеръ и смыслъ, доходя до совершеннаго искаженія; и многимъ, многимъ были люди связаны, въ смыслѣ общихъ интересовъ, но каждый оставался отдѣльнымъ міркомъ.

И въ то время, какъ его сосѣдъ лежалъ въ предсмертныхъ судорогахъ, второй инстинктивно отдавался какой-нибудь беззаботной и безпечной мысли.

Другими словами, каждый думалъ лишь о томъ, много-ли у него возможностей использовать то ограниченное количество времени, что пробудетъ онъ здѣсь на землѣ.

Одинъ видѣлъ свое блаженство въ любви и

жилъ исключительно для этого красивѣйшаго чувства, принося ему въ жертву и здоровье, и время, и всего себя, и все окружающее; другой, чертъ знаетъ въ чемъ — въ деньгахъ находилъ источникъ своего счастья, такъ какъ ими онъ достигалъ многаго, чего бы никогда въ жизни не видѣлъ безъ нихъ; но тѣ люди, которые своими деньгами порабощали окружающихъ, незамѣтно для самихъ себя, они и сами становились рабами этой условной цѣнности; третьи окружали себя игрушками и забавами, въ видѣ сооруженій изъ камня и бронзы или мелкихъ, но дорогихъ вещей, и упивались переливами ихъ красокъ и игрою прихотливыхъ формъ и линій ихъ; а были и такіе, которые являлись лишь объектами чужой воли, и дѣлали они то, что имъ внушали или то, что другіе — подражали.

И это свойство подражанія, стирая у людей ихъ индивидуальныя черты, дѣлало ихъ похожими другъ на друга, какъ въ смыслѣ ихъ образа жизни, такъ и во многомъ другомъ, въ чемъ отражается умъ и душа.

Но каковы-бы они всѣ ни были, и чѣмъ бы они ни отличались другъ отъ друга, или въ чемъ бы они ни были схожи, — каждый изъ нихъ представлялъ отдѣльный замкнутый міръ.

И казалось, что этотъ міръ полонъ всего того, что нужно человѣку для его души.

Въ сущности же эти замкнутые мірки были убоги, какъ сума нищаго.

Объяснялось это тѣмъ, что земля, на которой жили эти люди, нелѣпостью ихъ предшественниковъ была загромождена всякими такими предметами, которые властвовали надъ человѣкомъ, но которыхъ ему совсѣмъ и не надо было, а какъ разъ то, въ чемъ нуждались и душа и тѣло человѣка, — тою же нелѣпостью предковъ было отодвинуто на задній планъ, будто это происходила злая игра чудовища съ человѣкомъ.

Получился человѣкъ съ завязанными глазами на яркомъ весеннемъ лугу.

А люди съ завязанными глазами не могутъ пользоваться прелестями жизни.

Они берутъ не то, что могло бы сдѣлать ихъ здоровыми и веселыми, а то, что попадается имъ въ слѣпыя руки.

И такъ родятъ они дѣтей и такъ умираютъ, не сознавая, что они не поняли красоты жизни.

Слѣдствіемъ такой безсмысленной жизни получалось то, что у одного человѣка накоплялось какихъ-нибудь однородныхъ предметовъ, излишнихъ для него, столько, что они могли бы сдѣлать счастливыми многихъ другихъ, которые въ свою очередь прятали отъ этого многое такое, что ему бы нужно было; и въ результатѣ — люди не утѣшались тѣмъ, что они имѣютъ, и завидовали другъ

другу; а земля полна была наслажденьями, въ которыхъ мучительно нуждались люди, но они, или не замѣчали ихъ, или не умѣли ими пользоваться, — обмѣниваться.

Я бы не сказалъ, что причиной, изуродовавшей образъ человѣка, являлись деньги, которыя имѣли надъ нимъ вліяніе, но это фактъ.

Я видѣлъ счастье — истинное наслажденіе жизнью тамъ, гдѣ денегъ не было, и никогда не видѣлъ истинной блаженной радости человѣка тамъ, гдѣ придавали деньгамъ господствующее значеніе. Но тотъ, кто располагалъ большимъ состояніемъ, отнималъ у людей все то, что только доступно было деньгамъ.

Сокровища царицы.

Если вамъ случилось когда-нибудь, у себя на родинѣ или заграницей, осмотрѣть хотя-бы одинъ дворецъ, посвятивъ этому спокойное и неторопливое вниманіе, будто весь дворецъ и все его содержимое достаются вамъ въ подарокъ, то .... но даже и это излишне потому, что вы, надѣюсь, посѣтили на своемъ вѣку не мало дивныхъ художественныхъ галлерей, составленныхъ изъ величайшихъ произведеній нашего и прошлыхъ вѣковъ, — видѣли? Знаменитые музеи, ставшіе достояніемъ всѣхъ вѣковъ и народовъ, — всѣ одинаково могутъ восхищаться ими.

Многое изъ того, что за гостепріимство, оказанное имъ природою, геніи оставили землѣ и ея дѣтямъ, — вы когда-нибудь, гдѣ-нибудь видѣли и, восхищаясь, перерождаясь душой и, можетъ быть, переживая молитвенное состояніе, приближались къ познанію божественнаго?!

Кромѣ того, — что уже доступно каждому, — проходя мимо витринъ магазиновъ драгоцѣнностей, вы, безъ сомнѣнія, останавливались, привлеченные разноцвѣтными вѣчными искорками, что неизсякаемо льются изъ причудливыхъ рамокъ золотой или даже серебряной оправы; невольно долго стояли вы передъ ними, забывая, что вы шли по своему дѣлу, а совсѣмъ не сюда, къ витринѣ, возбуждающей, больше всего, дурныя чувства; но эти пестренькіе неумирающіе и гипнотизирующіе васъ огоньки крѣпко приросли къ вашимъ зрачкамъ и вамъ больно оторваться отъ нихъ, если вы успѣли проникнуться ихъ волшебной игрой и поняли гармонію красоты ихъ; вамъ хочется стать спеціалистомъ, чтобы изучить нѣмой и краснорѣчивый языкъ этихъ миньятюрныхъ и прекрасныхъ созданій чародѣйки — земли.

О, все это вы знаете: мраморъ всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, отъ блѣдно-розоваго и изумрудно-голубого, до бронзово-краснаго, и чернаго, какъ глаза еврейки;

перламутръ, который свѣтится и серебромъ, и снѣгомъ, и морской пѣной;

янтарь и слоновая кость, не уступающая ему ни желтизной, ни блескомъ;

рубины, розовые, какъ знойныя уста расцвѣтающей красавицы;

сапфиры, голубые, точно лѣтомъ небо надъ озеромъ, или южнымъ моремъ;

ониксы, напоминающіе глаза умирающаго;

а желтые, сине-зеленые и пурпуно красные топазы — какъ живые глаза звѣрей и птицъ;

печальные опалы, которые пылаютъ леденящимъ пламенемъ смерти;

аметисты, красные, какъ лепестки яркой розы и — темные, какъ самое темное вино;

жемчугъ, брилліанты, алмазы, хризолиты, бериллы, халцедоны, бирюза, хризопразы, кораллы, сардониксы...

Если вы чего нибудь изъ этого не видѣли, то я надѣюсь на ваше воображеніе, которое легко пополнитъ этотъ вашъ пробѣлъ, если вы вспомните тѣ многочисленные драгоцѣнные камни, въ которыхъ, чудилось вамъ, вы видѣли и утреннюю зарю и вечернюю улыбку солнца; игру морской волны и свѣжую зелень лѣсовъ....

Вы представляете себѣ еще роскошнѣйшія шелковыя ткани, подобранныя съ тончайшимъ вкусомъ такъ, что бы на однѣхъ глазъ находилъ безмятеж-

ный сладкій покой, а на другихъ рои воспоминаній жгучей безумной юности.

Издѣлія изъ бронзы, желтой, какъ лимонъ, а другія изъ темной, какъ скорлупа каштана;

вещицы изъ цвѣтного золота;

гобелены, которыя создавались въ теченіе двухъ трехъ поколѣній; мѣховыя издѣлія — рѣдкости земного шара.

Издѣлія изъ перьевъ такихъ птицъ, экземпляры которыхъ въ самомъ ограниченномъ числѣ едва сохранились до насъ и имѣются лишь въ двухъ трехъ зоологическихъ садахъ міра всего.

И всѣ тѣ предметы убранствъ и украшеній, которые доступны быть не могутъ никому, кромѣ единственной семьи цѣлаго государства — семьи императора, — все это торжественно и влюбленно ожидаетъ того случайнаго момента, когда императрица обратитъ на него свой расположенный и внимательный взоръ или рѣдкая прекрасная гостья — ея царственная рука коснется его.

И все, чѣмъ полны дворцы, казалось, соперничало одно съ другимъ, взывая къ милостивому вниманію своей свѣтлѣйшей госпожи.

Но развѣ Царица въ состояніи была бы удѣлить хоть малую толику своего вниманія тому, что было въ ея дворцахъ?

Цѣлыми столѣтіями люди выискивали на бѣломъ свѣтѣ самыя рѣдкостныя вещи, покупали ихъ

или отвоевывали или получали въ видѣ дани, и считали за свое величайшее счастье — преподнести ихъ первому человѣку въ государствѣ — царю.

И, съ тѣхъ поръ, какъ тронъ существуетъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, всѣ подвластные великому царю мелкіе властители: маленькіе короли, князьки, шахи, и. т. п., при каждомъ удобномъ случаѣ изъявить покорность, привозили во дворецъ цѣлыми вагонами, караванами и кораблями драгоцѣнности, владѣть которыми достойны были лишь тѣ, кому подвластенъ ихъ случайный хозяинъ.

При дворцѣ царя имѣлись цѣлыя собранія томовъ, въ которыхъ перечислены были въ хронологическомъ порядкѣ всѣ тѣ прекрасныя вещи, что стали достояніемъ этого дома.

Царица иногда изъявляла желаніе получить возможное представленіе о томъ, что-за прелестныя вещицы собирали люди для нея, и гдѣ, и когда, и какимъ путемъ онѣ добыты: у кого, и когда и за сколько куплены тѣ, что куплены; и когда, и кѣмъ завоеваны; и когда, и кѣмъ, и кому, и въ честь чего поднесены.

А если найдены, то гдѣ, когда и кѣмъ; кромѣ того, какую, если это можно опредѣлить, стоимость каждая вещь представляетъ.

Вѣдь это же интересно, въ особенности тому, кому это принадлежитъ.

Но для того, что бы все это узнать, или хоть

немного изъ всего этого, необходимо посвятить этому много-много времени.

Надо имѣть свѣдущихъ людей; о, они имѣются и будутъ счастливы, если ихъ знанія пригодятся ихъ царицѣ, но подумайте только, что за сложная процедура должна получиться: надо путешествовать по всѣмъ хранилищамъ и рыться въ сундукахъ, шкафахъ, ларцахъ, шкатулкахъ, коробочкахъ, многочисленныхъ футлярахъ и. т. п.

Но это не трудно, разъ имѣются люди, знающіе, гдѣ и что находится, а потрудиться, постараться, послужить царицѣ — развѣ вы не обрадуетесь, что вы, наслѣдственный и почетный дармоѣдъ, котораго царица никогда бы и не замѣтила, вдругъ понадобились ей лично?!

Значитъ, и въ этомъ отношеніи было все благопріятно, и можно все хорошенько пересмотрѣть, налюбоваться и получить вполнѣ ясное понятіе о томъ, что хранится гдѣ-то близко много-много лѣтъ — драгоцѣнности многихъ царствъ, покоренныхъ за сотни лѣтъ предками, увѣнчавшими тронъ великой славой могущества.

А все таки эта задача была значительно сложнѣе, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ, — многое намъ кажется простымъ, когда мы недостаточно присмотрѣлись къ предмету и вдумались. — были на лицо книги, въ которыхъ перечислены были предметы, поименованы, отмѣчены

характеристическими описаніями, и каждая вещь имѣла свой особый футляръ или ларецъ, съ гербомъ того государства, отъ котораго она досталась, что даже облегчало возможность изученія даннаго предмета, но это именно облегчающее обстоятельство и лишало всякой возможности осуществить, казалось бы, столь легкую намѣченную цѣль.

То, что каждое ожерелье, брошь, перстень, ваза, браслетъ, кружечка и. т. п., — имѣли свою коробочку съ гербомъ царства, изъ котораго эти вещи добыты, и то, что каждая вещь, — будь это одинъ отдѣльный изумрудъ, или старинный ковшъ изъ рѣзного золота, унизанный многочисленными драгоцѣнными камнями, — была подробнѣйше описана въ каталогѣ, чуть не на десяти страницахъ, и лишняго тамъ ничего не было, — все это, — вы понимаете сколько у царицы можетъ быть вещей, — рисовалось царицѣ неодолимымъ; но интересъ, который скрывался въ этомъ, былъ сильнѣе всякой логики, доступной даже выдающемуся человѣку, и царица назначила день и часъ, когда должны будутъ явиться люди съ каталогами, указаніями, историческими справками, журналами и ключами.

Я не сказалъ, почему прекрасно изложенныя, въ смыслѣ подробностей, описанія какъ разъ мѣшали изученію исторіи предметовъ.

Если бы за это дѣло взялся узкій спеціалистъ, который дальше (шире) своего предмета не видитъ,

то онъ бы черезъ мѣсяца два-три отлично сдалъ экзаменъ и могъ бы уже приступить къ диссертаціи по этому вопросу, но, въ данномъ случаѣ, не могло быть такъ.

Если царицу интересовалъ камень, которымъ гордился царь великой въ то время Персіи, то можно-ли было, разсматривая эту интересную вещицу, и слушая описаніе, не вспомнить всей этой эпохи?

И, разумѣется, такъ оно и было.

Чтецъ продолжалъ свою работу, усердствуя и стараясь придать своей дикціи и интонаціи тѣ оттѣнки, безъ которыхъ было-бы, можетъ быть, даже лучше, а царицѣ казалось, что она теперь въ древней Персіи, среди оливковыхъ деревъ, акацій, кипарисовъ, масличныхъ и ромашковыхъ растеній, подъ горячимъ сверкающимъ солнцемъ, въ пестрой и дикой роскоши золотого Востока.

И вставали: царь того времени, его друзья и враги, его города и дворцы, его войны — побѣды и пораженія, его мечты и планы, его изреченія, предки, потомки и все это со всѣми своими безчисленными сплетеніями, сочетаніями и развѣтвленіями. А то, что царица, пожалуй, не хуже всѣхъ историковъ своего времени знала жизнеописанія всѣхъ царей прошлаго, способствовало погруженію ея мыслей въ тотъ край, въ тотъ міръ, отъ которыхъ осталось, быть можетъ, только нѣсколько предметовъ, такъ прекрасно сохранившихся.

Это отняло у царицы много времени, но за то щедро вознаградило ее. Она повторила исторію всѣхъ временъ и по такимъ любопытнымъ источникамъ.

Ей казалось, что теперь она больше узнала, чѣмъ тогда изъ учебниковъ. И только теперь, когда по многочисленнымъ памятникамъ она воскресила въ воображеніи могучіе таинственные образы великихъ властителей былыхъ вѣковъ, она оцѣнила высоту своего положенія среди живущихъ; но странное чувство овладѣло ею. Ничтожными и жалкими, о которыхъ никто никогда вспоминать не будетъ и которые исчезнутъ съ лона земли безслѣдно, представились ей люди, окружающіе ее и такъ блаженно и радостно раболѣпствующіе передъ нею. И въ то странное состояніе впала ея душа, когда человѣку кажется неопредѣленнымъ — хорошо-ли ему, и на-столько-ли, что ему слѣдуетъ радоваться своему положенію, гордиться имъ, даже восхищаться, или этого ничего нѣтъ и можно только покачать головой и произнести холодныя, разрушающія иллюзію счастья, слова царя-мудреца:

„Все проходитъ.“

И въ этотъ мигъ ей представились пестрыя картины войнъ отъ дней Іудеи, на протяженіи всего времени, до настоящаго момента.

И по странной ассоціаціи мыслей она вспомнила изъ исторіи часто преслѣдующую ее фразу:

„Киръ покорилъ Азію, Камбизъ часть Африки, Дарій не хотѣлъ быть н и к е своихъ предшественниковъ и предпринялъ завоеваніе Европы."

И Христа, кротко принявшаго крестную смерть, вспомнила она.

Тотъ не хотѣлъ быть „н и ж е" другихъ, и пошелъ убивать, чтобы подняться на достойную высоту, а Христосъ, вѣчный геній земного счастья, нашелъ свою солнечно свѣтлую высоту въ мученіяхъ своихъ.

И печальная улыбка омрачила лицо царицы.

Потомъ она вспомнила еще болѣе ужасное, что походило на гнусную насмѣшку надъ родомъ человѣческимъ, — надъ небеснымъ ученіемъ земного Бога, одинаково-же, какъ и надъ понятіемъ великаго дикаря Персіи, —

„Священная война".

Это все равно, что сказать:

„Храмъ казни".

Гдѣ же человѣческая логика?

И какое значеніе, послѣ того, имѣетъ мысль, если ее можно такъ страшно уродовать?!!

— Отошли въ область небытія эти, другіе, третьи, но вѣдь у насъ остались отъ нихъ ихъ понятія, вѣрованія, ученія — то, что они считали благомъ, то, что находили зломъ, — по этимъ источникамъ души и разума мы, дѣти ихъ, ведемъ продолженіе ихъ земной миссіи.

Дивный винигретъ для обитателей ада получается, если сопоставить эти понятія:

„чтобы не быть н и ж е своихъ предшественниковъ, предпринялъ з-а-в-о-е-в-а-н-і-е Европы".

„Люби ближняго, какъ самого себя"! и, наконецъ, какъ логическій выводъ изъ того и другого:

„Священная война"!!...

Адьютанты, ученые и всѣ прочіе, что декорировали собою церемонію, уже съ дѣйствительнымъ увлеченіемъ раскрывали хранилища, извлекая изъ нихъ драгоцѣнности, которымъ никто цѣны не зналъ, и которыя ужъ этимъ однимъ приводили всѣхъ въ состояніе жаднаго восхищенія, а царица, независимо отъ своей воли, отстраняла ихъ равнодушнымъ движеніемъ непослушной руки, но благодарила услужливыхъ за удовольствіе, доставленное ей.

О, сколько тамъ было восхитительно-великолѣпныхъ рѣдкостныхъ вещей!!

У нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ даже лица казались окаменѣвшими и глаза застывшими отъ той непередаваемой интенсивности впечатлѣнія, которое являлось здѣсь за время просмотра этихъ цѣнностей.

Но развѣ только это доставляетъ царицѣ то прекрасное состояніе духа, которое недоступно для окружающихъ?!

А многомилліонныя зданія дворцовъ, ихъ внутреннее убранство, великолѣпіе этого убранства!

А роскошные сады, рощи, парки, дивныя породы цвѣтовъ!

А то, что она никогда не видитъ хмурящихся или озлобленныхъ лицъ!

Ее встрѣчаютъ вѣдь всегда съ радостными, благоговѣющими улыбками умиленія и покорности.

А сознаніе, что, если она скажетъ, что ей угодно было бы послушать хорошую музыку, то къ ея услугамъ явятся величайшіе музыканты всей земли!

Если она пожелаетъ веселья, — сколько людей будетъ къ ея услугамъ!!

А если ей желательно будетъ путешествовать, — какими удобствами, нѣтъ, какимъ комфортомъ будетъ окружена ея поѣздка, о которой всѣ газеты разнесутъ вѣсть по землѣ!!

Что есть на землѣ, обогащенной возможностями, недоступнаго для царицы великаго царства!

Царица иногда, когда ей надоѣдалъ шумъ дѣйствительности, уходила въ свои покои, усаживалась гдѣ-нибудь въ уголкѣ уютной и мягко освѣщенной залы и подъ слабое эхо отдаленнаго говора или веселаго смѣха, — но сквозь массивныя стѣны ничего не могло быть слышно, а это ей только казалось, — она отдавалась мыслямъ, которыя произвольно носили ее изъ міра въ міръ, изъ эпохи въ

эпоху, дѣлая зигзаги, прыжки и полеты, внѣ времени и пространства, и тогда, ей казалось, что она ничего общаго не имѣетъ съ тѣми людьми, которые тамъ, въ этихъ торжественныхъ залахъ и въ чинныхъ позахъ пребываютъ въ рамкахъ какой-нибудь темы, которая ихъ всѣхъ подчинила себѣ и душитъ своимъ съуживающимся кольцомъ.

За нѣсколько минутъ легкокрылой мысли, она промчалась изъ конца въ конецъ по ея огромному царству, со всѣми его прелестями, богатствами и красотами, но и всѣми ужасами, которые можетъ себѣ представить человѣкъ, не видѣвшій послѣднихъ.

Грустно на душѣ; чего-то нѣтъ, но, что это такое, чего такъ надо душѣ, непополняемой ни чѣмъ, чѣмъ богаты величественные дворцы царицы и вся земля, покорная ея царственной волѣ?!...

Она помнитъ все, что видѣла, чѣмъ владѣетъ, что къ ея услугамъ имѣется и, что могло бы явиться, при первомъ ея желаніи.

Но что съ нею? Меланхолическое, болѣзненное состояніе души? Сплинъ?

Нѣтъ, нѣтъ, у царицы душа здоровая и бодрая; умъ ея свѣтелъ и логиченъ, но въ этомъ и кроется та неописуемая неудовлетворенность, которая неизбѣжна для человѣка, проникающаго въ глубины пониманія откровеній и тайнъ земли....

Царица видитъ не только то и тѣхъ, что всегда

и неизмѣнно-покорны ея волѣ, но одинаково она видитъ передъ собою живымъ и реальнымъ все то, что когда-то было, оставивъ послѣ себя лишь мертвыя пыльныя страницы; такъ же явственно видитъ царица и огромную, теряющуюся во мглѣ панораму будущаго, когда люди будутъ говорить о насъ, по мѣрѣ того и въ такой степени интереса, что отъ насъ останется имъ.

Вотъ, древніе избранники Іудеи, Персіи, Рима или Греціи — они оставили намъ свои неумирающія мысли и пѣсни, по нимъ и всю жизнь людей того времени мы возсоздаемъ въ нашемъ воображеніи.

И только страницы эти не умерли, а боевыя, побѣдоносныя арміи, что распространяли вокругъ себя трепетъ страха и преклоненія, и славой вѣнчали своихъ гордыхъ вождей, — гдѣ это все?

На пыльныхъ страницахъ, въ закрытыхъ книгахъ; а въ нашей памяти носятся только блѣдныя тѣни ихъ образовъ.

Никто не хочетъ умереть, но не каждому дано безсмертіе....

Жили на земномъ шарѣ милліоны людей, но остались живыми только немногіе, и мы ихъ знаемъ; а гдѣ же тѣ, кого мы не знаемъ и никогда о нихъ не узнаемъ?!..

О, какъ жутко быть такимъ, который растаетъ въ вѣчности, какъ дымъ!!

Не былъ ли „безумный Геростратъ“ умнѣе того полицейскаго, который ожесточенно писалъ о немъ свой формальный протоколъ?! И умнѣе тѣхъ, кто смѣется надъ его понятіемъ о безсмертіи?!

А больной Неронъ? Вѣдь онъ все-же не умеръ, и, едва ли, умретъ.

А если мы говоримъ о безсмертіи, то развѣ мы подразумѣваемъ подъ этимъ извѣстную марку?

И развѣ безсмертіе Муція Сцеволы мы оцѣниваемъ дешевле, чѣмъ безсмертіе изобрѣтателя телеграфа?

Или безсметріе ученаго Пастера блѣднѣетъ передъ безсмертіемъ прекраснаго музыканта?

Если одного мы любимъ, а другого уважаемъ, третьяго боимся, и еще кого нибудь презираемъ, то кто намъ скажетъ, которое изъ этихъ чувствъ сильнѣе?

Да, у насъ есть два образчика: добро, которое всѣ любятъ, и зло котораго всѣ боятся; но можетъ-ли существовать одно безъ другого?

Не умретъ-ли смѣхъ, если мы не будемъ знать горечи слезъ?

Можетъ быть, Христосъ не былъ бы такъ красивъ, если-бъ его палачи не были такъ жестоки?

А не была-ли бы смерть человѣка въ тысячу разъ ужаснѣе, если-бъ на землѣ были лишь однѣ радости и жизнь текла бы ровно и блажено?

Невозмутимый покой — видъ смерти.

Но для того, чтобы хотя бы и это оцѣнить правильно, надо испытать и силу тревоги.

Вотъ тѣ многочисленные люди, считающіе себя несчастными, и жалующіеся на страданія свои, развѣ ихъ случайныя и, пусть, рѣдкія радости не прекраснѣй нашихъ?!

Развѣ ихъ минуты спокойствія не дѣлаютъ ихъ въ тѣ короткія мгновенія счастливыми?!

Развѣ продолжительный и яркій свѣтъ солнца поражаетъ насъ ослѣпительными лучами такъ сильно, какъ молнія, которая, врываясь въ черный мракъ, длится лишь нѣсколько мгновеній?!

Нѣтъ, мы бы не поняли очарованій, которыя даетъ намъ ликующая весна, если-бъ у насъ не было печальной осени! Вы знаете это.

„Нѣтъ, у меня не можетъ быть покоя, потому-что и волненія мои, и тревоги слишкомъ незначительны“, — сознавала царица.

Передъ мысленнымъ взоромъ ея иногда проносились мимолетно образы, которые могли бы дать желательный покой ея душѣ: рощи, богатыя тѣнью; поляны, залитыя полдневнымъ солнцемъ Юга; утихающій водопадъ, который остался въ паркѣ ея матушки; тишина ночи, что разливается въ концѣ лѣта въ липовой аллеѣ.

Но эти мысли-сны не давали въ шумной обстановкѣ того очарованія, которымъ они были полны въ ея уединенной, темно-зеленой комнатѣ, роскош-

ной лишь однимъ — видомъ, который открывался въ окна.

Въ этомъ скромномъ уютѣ, обставленномъ во вкусѣ самаго изысканнаго художника, совершенно чуждаго безпокойной роскоши, которая порабощаетъ мысль, — находила минуты своего истиннаго наслажденія императрица.

Семью свою она любила со всею нѣжностью благороднаго чуткаго сердца, но ея письменный столъ, заваленный полураскрытыми книгами и тетрадями и тяжелое покорное кресло — имѣли надъ нею свое могучее вліяніе.

Вотъ — мягко лежитъ на переплетахъ книгъ, на ея рукахъ и на открытыхъ страницахъ тетради, что блестятъ свѣжими чернилами, — голубой спокойный свѣтъ небольшой и единственной въ комнатѣ лампы.

При этомъ свѣтѣ, что весь служитъ той части стола, на которой происходитъ сокровенная работа, такъ ясны мысли.

Императрица входитъ сюда, инстинктивно окидываетъ разсѣянно-нервнымъ взоромъ свою священную обитель, — случается, нѣкоторое время продолжаетъ задумчиво стоять, какъ-бы не припоминая цѣли своего прихода, пристально смотритъ, будто въ даль, а, въ сущности, въ глубь своей души, и сама не замѣчаетъ того порыва, съ которымъ опускается въ кресло и берется за перо.

Ей кажется каждый мигъ, что кто-то осторожно приближается къ двери, чтобы узнать то, что она желаетъ сохранить пока исключительно для себя, но вскорѣ она отрывается отъ земли, и мысли уносятъ ее на крыльяхъ, которыя недоступны для окружающихъ.

Безумцы думаютъ, что царицу можно огорчить, если, разбить напримѣръ, ту вазу, что ей преподнесли въ день рожденія, или сообщеніемъ, что назначенный на извѣстный день балъ, не состоится, — нѣтъ, это все ничтожно и подвержено тлѣнью, — знаетъ царица, — и умретъ раньше любой птицы, которая безшумно носится гдѣ-нибудь надъ башней, но безсмертіемъ увѣнчана только мысль.

„Всѣ, и многое изъ окружающаго, безслѣдно для оставшихся, исчезнутъ, и уже въ своей первобытной формѣ никогда, никогда не возродятся.

Величайшее счастье человѣка въ томъ, что онъ благословленъ Богомъ, бесѣдовать со своимъ прапра-праотцомъ, на разстояніи многихъ, многихъ поколѣній, съ тѣхъ поръ, какъ явилась возможность запечатлѣть на предметахъ жизнь души нашей въ тѣлѣ и на землѣ.

Безсмертіе царицы родилось уже въ тотъ божественный моментъ, когда она, въ юности, однажды, движимая внутренней властной силой, отмѣтила въ тетради, въ этой самой тетради, которую она такъ трепетно раскрываетъ, — тѣ тайны, кра-

соты и откровенія, которыя родились въ ея душѣ духомъ неба и жизнью земли.

То, что заключаетъ въ себѣ ея тетрадь, носитъ у насъ отвлеченныя названія — изреченій, афоризмовъ, эллегій, стихотвореній въ прозѣ, сказокъ и т. п., но вѣдь это же имѣетъ одно глубочайшее названіе:

Вѣчная Жизнь.

У царицы на лѣвой рукѣ, которою она придерживаетъ страницу, кольца съ изумрудами, о которыхъ съ блаженной улыбкой восхищенія говорятъ даже и тѣ, чьи дворцы полны и своими перлами драгоцѣнныхъ вещей, но царица смотритъ на руку, когда перестаетъ записывать свои мысли, и не видитъ, красивы-ли эти, рожденные мертвыми предметы.

Въ углу комнаты лежитъ фантастической формы тѣнь, образуемая уголкомъ абажура, и эта тѣнь, на которую засмотрѣлась царица, помогла ей отыскать образы, передающіе то, что она нашла въ душѣ своей.

Въ этомъ такая радость, что хочется вознести хвалебно взоръ къ небу!

А вотъ ударили въ колоколъ, зовутъ къ Богослуженію, но развѣ тамъ можно такъ молиться, какъ здѣсь, гдѣ душа пребываетъ наединѣ съ Божественнымъ?

Впрочемъ, можетъ быть, возвышенной и вдохновенной мысли доступно уединеніе и въ шумѣ толпы.

Вѣдь чувствуемъ мы себя одинокими порою даже въ самомъ большомъ обществѣ. Во всякомъ случаѣ, душа человѣка открывается вполнѣ только въ уединеніи, хотя бы и потому, что ничто тогда не врывается нарушающимъ шумомъ въ ту всеобъемлющую тишину, при которой это можетъ происходить.

Но колоколъ поетъ такъ умиротворяюще, будто онъ убаюкиваетъ усталыхъ и безсильныхъ.

Отвлекалъ на нѣсколько минутъ императрицу уличный шумъ: сигналъ отдаленнаго автомобиля, колокольный звонъ, трубный звукъ парохода, башенные часы; — тогда она складывала инстинктивно руки, переносясь мысленно туда, откуда доносился голосъ жизни города, а потомъ мысль отрывалась и возвращалась сюда нѣсколько безпокойная, встревоженная, и императрица снова наклонялась къ столу и продолжала свою сокровенную работу.

Въ уголкѣ стола, какъ-то случайно попавшее сюда, стояло маленькое, въ хрустальной оправѣ, зеркальце.

Оно было такой формы, что въ немъ можно было видѣть только часть лица.

Иногда царица обращала къ нему глаза и, видя

въ немъ себя, вдохновлялась, и тогда работа ея шла еще успѣшнѣе.

Наступилъ у царицы одинъ изъ такихъ дней, когда невольно останавливаешься и оглядываешься назадъ:

Что сдѣлано?

Царица чувствовала съ самаго утра когда блѣдный лучъ сѣвернаго солнца холодной улыбкой проскользнулъ въ окно, когда она оглянулась и увидѣла знакомый голубой шелковый отблескъ обоевъ, что тоскливая апатія вползла въ атмосферу комнаты и стала овладѣвать душою ея.

Не хотѣлось даже встать, начать день. Казалось безразличнымъ: сонъ, жизнь; пробужденіе, или самозабвеніе, даже скорѣе желательно было то состояніе, когда ничего не сознаешь.

Но во дворцѣ царицѣ трудно уединиться; трудно отдаться власти своихъ мыслей — люди не даютъ печалиться, хотя и не приносятъ взамѣнъ этого ничего, что могло бы наполнить душу красивой радостью.

Единственная заслуга услужливыхъ людей въ томъ, что они мѣшаютъ намъ оставаться самимъ съ собою.

Царица увидѣла своихъ фрейлинъ, ихъ прически, костюмы, — забыла о себѣ, о томъ, что ей сегодня не радостно и что ей не хотѣлось „ничего“.

Что свойственно художественной натурѣ, царица критически посмотрѣла на пришедшихъ, которыя изумленно и смѣшно вытянули свои шеи, когда увидѣли ея равнодушный взоръ, будто болѣзненный. И замѣтила, что онѣ уловили ея мысль и поэтому ужъ и движенія ихъ стали угловатыми и неловкими, будто члены ихъ были связаны невидимыми нитками. Но вслѣдъ за этимъ моментомъ, отвлекшимъ мысли царицы о самой себѣ, она снова почувствовала приливъ обезсиливающей тоски. А фрейлины надоѣдали ей вопросами о фасонѣ утренняго платья, о его цвѣтѣ, и ихъ мелкія, словно барабанная дробь, слова непріятны были царицѣ, но ей не хотѣлось сказать имъ:

„Замолчите: вы мнѣ надоѣли!“

Вмѣсто того она бросала имъ безразличные и неопредѣленные отвѣты, и совсѣмъ не думала о нихъ.

Когда какая нибудь мысль углубляется въ насъ, мы не замѣчаемъ окружающихъ, а если они навязчивы, мы стараемся отдать имъ то ничтожное количество вниманія, безъ котораго можно свободно продолжать свою бесѣду съ собою.

Фрейлины однако приняли отношеніе своей госпожи за выраженіе недовольства ими; онѣ окончательно растерялись.

Въ другое время царица, можетъ быть, вдоволь посмѣялась-бы надъ ними, но сегодня она не

замѣчала ни того, что онѣ дѣлали такъ, какъ надо, ни того, что получалось у нихъ смѣшнымъ.

Такъ-бы онѣ и ушли, незамѣченныя въ томъ, что казалось имъ самимъ ужаснымъ, грозящимъ гнѣвомъ царицы, но, несчастью, одна изъ нихъ, которой показалось, что царица смотритъ на нее гнѣвно, уронила зеркальце, въ оправѣ изъ слоновой кости. Незначительный трескъ отъ паденія этой вещицы заставилъ однако царицу вздрогнуть и повернуть лицо въ ту сторону, гдѣ это случилось.

Зеркальце, разумѣется, не могло имѣть значенія, ни для царицы, ни для услуживающихъ ей дамъ, но всѣ замѣтили, что царица невольно посмотрѣла на разбитое зеркальце, на осколки слоновой кости и на нихъ, на ту, которая уронила его и остальныхъ, будто онѣ всѣ виноваты, что одна изъ нихъ разбила вещь. Царица ничего обиднаго не сказала имъ, но присутствіе ихъ здѣсь стало для нихъ тягостнымъ и обиднымъ.

Царица замѣтила это и заявила имъ, что она желаетъ остаться одна.

Когда онѣ оставили ее, она долго стояла передъ зеркаломъ, не замѣчая выраженія своихъ глазъ, будто она смотрѣла въ открытую безграничную даль неба.

Потомъ она прошлась по ковру, остановилась у окна и, не зная зачѣмъ, направилась къ выходу.

Только на порогѣ, когда она взялась за ручку

двери, она вспомнила, что сейчасъ она будетъ пить чай и получитъ свѣдѣнія о дѣтяхъ, какъ они спали и здоровы-ли совершенно.

И сразу лицо ея оживилось смысломъ радости, и движенія ея приняли характеръ увѣренности, какъ всегда у человѣка, когда онъ знаетъ цѣль своихъ дѣйствій и уже предвкушаетъ результатъ ихъ.

За столомъ, гдѣ говорили только о томъ, хорошо-ли спали и чувствуютъ-ли себя въ хорошемъ расположеніи, царица просто и откровенно, будто говорила это самой себѣ, жаловалась, что всю ночь ее преслѣдовали какіе-то смѣшные дѣтскіе сны и она нѣсколько разъ просыпалась, а подъ утро, когда уже проснулась, ей захотѣлось вернуть утраченное безсонное время, но солнечный лучъ разогналъ эти мысли.

„Слава Богу, что дѣти хорошо спали и что они веселы и здоровы. Слава Богу, а то казалось, что это было недобрымъ предчувствіемъ.“

Потомъ день у царицы пошолъ обычно: она посѣтила дѣтей, нашла, что у милой старшей дочки глаза полны причудливыхъ грезъ, что всѣ дѣтки способны такъ радовать ее, какъ ничто въ мірѣ; цѣловала ихъ, ласкала, играла съ ними до усталости, которая была ей особенно пріятна, такъ какъ только съ дѣтьми она была такъ беззаботно и просто весела и только съ ними она могла испытать

ту усталость, послѣ которой такъ пріятенъ покой; а отдыхъ кажется цѣннѣйшей наградой. Ей даже представилось, когда она усѣлась уютно и стала перелистывать французскій еженедѣльникъ, что она только что явилась съ поля, гдѣ, вдыхая свѣжій ароматъ полей, она убирала рожь, „золотистую“, „колосистую“, какъ ей вспоминалась пѣсенка.

Но потомъ она вдругъ снова почувствовала гнетъ своихъ мыслей и, сложивъ руки и глядя передъ собой на чье-то лицо, задумалась.

Царица имѣла сильную волю и умѣла владѣть своимъ настроеніемъ, прогоняя тотчасъ всякую мрачную мысль.

И она вступила съ собой въ борьбу, стараясь думать о томъ, что можетъ отвлечь, развлечь, придать бодрое здоровое настроеніе, но чѣмъ больше усилій она дѣлала надъ собой, тѣмъ больше углублялись тѣ мысли, что отравляли спокойствіе.

Она живо представила себѣ полугодичный балъ, который былъ какъ разъ на прошлой недѣлѣ и оставилъ послѣ себя много пріятныхъ впечатлѣній, вознаградивъ щедро за нѣкоторое утомленіе и доказавъ невозможное: что царицѣ можетъ быть на балу весело.

Какъ разъ всѣ впечатлѣнія, полученныя на немъ, царица запомнила, что такъ трудно при томъ вѣчномъ кипѣніи жизни во дворцѣ; и эти впечатлѣнія не разъ воскресали передъ нею и все съ не-

ослабѣвающимъ интересомъ она возвращалась къ нимъ.

И теперь, когда какая-то ползучая и болѣзнетворная тоска вцѣпилась вт нее, она вернулась къ воспоминаніямъ объ этомъ исключительномъ вечерѣ, когда окружающіе не казались ей фальшивыми и лукавыми; но теперь ей представилось все это совершенно въ иной окраскѣ, и она даже удивилась, что унесла въ тотъ вечеръ изъ розовой залы такое ложное очарованіе.

И когда она такъ подумала, то ей сразу стало очевиднымъ, что люди, доставившіе ей на вечерѣ такъ много пріятнаго, были неискренни, искусственны. И при одной этой мысли, при одномъ представленіи, что и на этомъ балу было такъ, какъ и на всѣхъ балахъ, и какъ вездѣ и всегда, ей стало тяжко, тяжко и душно.

Тутъ же ей вспомнились ея наблюденія за тѣми, кто часто бѣсѣдовалъ съ государемъ.

Она видѣла, что улыбки были дѣланныя, что подъ ними скрывались совсѣмъ не добрыя чувства, а если это такъ, то вѣдь опасно такимъ людямъ довѣрить жизнь!

Такая мимика и такія острыя улыбки бываютъ у предателей!

И снова вернулись къ царицѣ тѣ соображенія, что и царь и она — одиноки.

„Ужель у этихъ людей нѣтъ къ намъ нѣжныхъ чувствъ любви?!

Вѣдь, они, дѣйствительно, паразиты, какъ ихъ называютъ соціалистскія газеты.“

Царицѣ казалось, что всѣ, окружающіе ее и ея вѣнценоснаго супруга, недостаточно признательны имъ за оказываемыя имъ милости.

Нѣтъ, не простая и легкая признательность, перелетающая отъ цвѣтка къ цвѣтку, а любовь, горячая, глубокая любовь должна у нихъ быть къ своимъ царю и царицѣ.

„Но откуда у меня такія мысли?!

Развѣ можетъ быть сомнѣнье, что мы окружены людьми, готовыми умереть за насъ въ любой, любой мигъ!

Почему же иногда глаза ихъ кажутся нѣсколько мгновеній завистливыми и хитрыми?!

Да, нѣсколько мгновеній, а потомъ, когда они успѣваютъ овладѣть собой, вспоминаютъ, гдѣ они, тогда они придаютъ глазамъ то выраженіе, къ которому цари привыкли и которое единственно можетъ быть терпимо въ этихъ стѣнахъ.

„Я ему не скажу объ этой ужасной мысли, а то съ нимъ станетъ скверно; онъ слишкомъ впечатлительный и чуткій. Но не можетъ быть, чтобъ онъ самъ не замѣтилъ...

Иной разъ, при продолжительной бесѣдѣ, ко-

гда не всѣ участвуютъ въ разговорѣ, это такъ бросается въ глаза.

Впрочемъ, можетъ быть, что это только я одна замѣчаю, потому-что, слишкомъ неожиданно для нихъ, перевожу глаза, то на тѣхъ, то на этихъ — у большинства людей выраженіе лица такъ мало содержательно, что ужасно скучно видѣть передъ собою все одного и того же. Однако, если придать значеніе тому, что могло показаться, то станетъ жутко, въ особенности въ это ужасное время!..

Мало-ли, что можетъ показаться...

Иногда глаза человѣка принимаютъ выраженіе, совсѣмъ не соотвѣтствующее содержанію мыслей, а, просто, такъ, произвольно, ничего дурного, въ сущности, не выражая....

Какъ говоритъ этотъ англійскій философъ... Впрочемъ, наша философія вообще хороша только въ видѣ дессерта... Это какая-то игра въ мысли и чувства...

Иногда у царицы являлась потребность въ томъ, чтобы самой себѣ противорѣчить; тогда она опровергала все то, что ранѣе высоко цѣнила, какъ святую и неопровержимую истину.

Это случалось, когда царица была въ дурномъ расположеніи духа и она чувствовала гнетъ собственныхъ мыслей, испытывая полную неудовлетвореннсть души. А душа ея вѣчно жаждала возвышенныхъ волненій, творческаго экстаза, который

сразу окрыляетъ душу, возноситъ высоко надъ умирающей землей и въ своей божественной выси творитъ волшебное.

Но въ обычное время, когда дни плывутъ ровно, какъ въ тихій день облачко, позлащенное солнцемъ, душа томится однообразіемъ нестроты и блеска, ставшихъ тягостными и безотрадными.

Если ввести съ улицы во дворецъ перваго попавшагося человѣка, не видавшаго царской роскоши, то онъ тамъ настолько забудется, что ему позавидуетъ любой царь, равнодушный ко всему, блещущему золотомъ и драгоцѣнностями.

Но царица не могла жаловаться на скуку или тоску, длящіяся мучительно долго, — у нея такъ мало времени для этихъ непрошенныхъ и непріятныхъ, хотя и любопытныхъ гостей, что тѣ минуты ея досуга, что они захватывали, проходили незамѣтно въ общей панорамѣ дня.

На прошлой недѣлѣ царицѣ привезли изъ Греціи много прелестныхъ бездѣлушекъ, среди нихъ есть положительно рѣдкостныя вещи, но это ужъ давно надоѣло, даже скучно ихъ разсматривать при тѣхъ, кто привезъ ихъ, потому что приходится каждую вещь вертѣть во всѣ стороны и говорить давно надоѣвшія похвальныя слова, и торжественно, и восхищенно восклицать. Положимъ, послѣднее является лишь плодомъ чрезвычайной любезности, но все же безъ этого нельзя обойтись, -

будто хочешь обидѣть людей, что такъ мило выражаютъ тебѣ свои симпатіи и готовность.

Царица должна сѣять вокругъ себя сѣмена любви и благовоспитанности.

А иной разъ это такъ трудно, такъ трудно...

Люди, находящіеся по ту сторону дворца, думаютъ, что у насъ нѣтъ трагедій души.

Это величайшая трагедія — властвовать надъ всѣми окружающими, но чувствовать и ихъ власть надъ собой. Положимъ, мы это добровольно дѣлаемъ, что являемъ имъ нашу доброту, нашу любовь; но, все таки, если этому нѣтъ границъ, то это можетъ стать мучительнымъ. Вѣдь имъ чужды наши душевныя переживанія, какъ и намъ... собственно, трудно ... Люди не понимаютъ другъ друга...

Въ этотъ день царица охотнѣе, чѣмъ каждый день, и дольше, совершала свою прогулку въ открытой каретѣ.

Обычно она ѣздила въ ту часть города, которая выдѣлялась красотой улицъ, но сегодня, такъ какъ ей захотѣлось провести на воздухѣ побольше времени, кучеръ заѣхалъ въ одну изъ тѣхъ окраинъ города, гдѣ ютится рабочій классъ.

Царица давно уже не выѣзжала за предѣлы тѣхъ кварталовъ, гдѣ помѣщаются лучшіе мага-

зины, казенныя учрежденія и крупныя частныя конторы.

Какія-то странныя, смѣшныя, уродливыя постройки!

Какъ имъ не стыдно имѣть такіе неприличные дома!

Постройки — безъ всякаго вкуса, а архитектура ужасная; одинъ домъ въ пять этажей, даже въ шесть... и въ семь, а другой двухъ этажный карликъ... Вывѣски!..

Что это за часть города! — интересовалась царица, но не хотѣла говорить объ этомъ съ фрейлиной, которая разсказывала ей о недавно виденной ею картинѣ — что-то изъ временъ ужасовъ Нерона.

Царица не интересовалась теперь картиной, но когда та подчеркнула: „Ужасно каррикатурное произведеніе, а еще такъ шумятъ объ этой картинѣ.“

Царица повторила какъ-то инстинктивно:

„Шумятъ?!“

„Да, всѣ газеты исписаны отзывами о ней.“

Царица изъявила желаніе ѣхать домой, а фрейлинѣ она сказала скучающе:

„Говорите, говорите, я буду слушать, это меня интересуетъ, я хочу посмотрѣть эту картину; говорятъ, что художникъ писалъ ее что-то много лѣтъ.

Вы мнѣ напомните!

Подобныхъ картинъ много, но рѣдко какая изъ нихъ интересна"...

Прошло много дней послѣ этого разговора. Фрейлина приходила къ царицѣ съ предложеніемъ посмотрѣть картину, но все время у царицы или не было расположенія, или часы дня наполнялись чѣмъ-нибудь другимъ.

Однажды, когда она сидѣла въ своей уединенной комнатѣ, заканчивая трагедію, ей захотѣлось перенестись въ ту эпоху, изъ которой она позаимствовала сюжетъ.

Никто не зналъ, зачѣмъ царица спѣшитъ на выставку, а догадаться бы никто не могъ, что ей нуженъ матеріалъ.

Составилась пышная поѣздка на выставку, послѣ многихъ церемоній и мѣръ предусмотрительности, — чтобы въ этотъ день для публики двери были закрыты, дорога устлана коврами, разставлена охрана и все то, что являлось соотвѣтствующимъ порядку.

Государь, когда ему передали содержаніе картины, отказался сопутствовать супругѣ, тѣмъ болѣе, что появленіе его на улицѣ показалось-бы неожиданнымъ въ, это революціонное время.

Въ этотъ день какъ разъ готовился на одной изъ площадей грандіозный митингъ рабочихъ, но полиція съ обнаженными шашками работала тамъ все утро, и теперь уже не осталось и слѣда отъ

этой толпы, а если и попадались навстрѣчу каретѣ царицы отдѣльныя лица пѣшеходовъ, то это были или переодѣтые полицейскіе или чины охраны Ихъ Величествъ.

Зданіе, въ которомъ помѣщалась выставка, было разукрашено флагами, гербами, зеленью, лентами и цвѣтами; то же самое было и внутри, гдѣ царицу встрѣтилъ придворный оркестръ, исполняя національный гимнъ.

Царицѣ здѣсь стало весело, она и сама не знала, почему.

Веселье и скорбь одинаково случайно посѣщаютъ нашу душу.

Президіумъ выставки поднесъ царицѣ хлѣбъ-соль, а директоръ академіи искусствъ — роскошный букетъ изъ лилій, бѣлоснѣжныхъ лилій, розъ цвѣта слоновой кости и золотыхъ хризантемъ; тамъ были еще и другихъ видовъ цвѣты, но золотыя хризантемы, среди бѣлоснѣжныхъ лепестковъ лилій и чашечекъ прелестныхъ розъ, были, положительно, роскошны; до того роскошны, что царица охотно смотрѣла на нихъ, а на ея лицѣ появилась даже улыбка юныхъ дней ея.

Смотрѣли картины.

Вотъ Жанна Д'аркъ — сочетаніе ангельской нѣжности и мужества самоотверженнаго героя; ея лицо полно обаянія прекрасной дѣвушки, а поза говоритъ о могучей силѣ — дивная гармонія нѣж-

ности и мужества, можно даже сказать — женственности и мужества.

Подъ амазонкой молодой горячій конь похожъ на орла, преобразившагося въ лихого скакуна; его бѣлая шерсть блеститъ и, чудится, просвѣчиваетъ, какъ облако, пронизанное полдневнымъ солнцемъ; въ отдаленіи огромное воинство, обращенное лицомъ къ этой свѣтлой фигурѣ, и видно, что оно ждетъ лишь одного повелительнаго жеста, чтобы, куда угодно, ринуться кипучей лавой за своею вдохновенной предводительницей.

Царица много разъ видѣла изображенія Д'аркъ, но она не можетъ оторваться отъ золотого квадрата, въ которомъ она видитъ такъ много образовъ и мыслей. Но ей уже кажется, что она долго-долго стоитъ передъ картиной.

Дальше!

Вотъ совсѣмъ другой міръ, міръ безпомощности и тщетной борьбы: „Гибель пассажирскаго корабля."

Море, которое кажется ожившимъ чудовищемъ, раскрыло пасть и грозитъ пестренькой коробочкѣ, убранной флажками и фонариками, проглотить ее; но оно готовится къ этому съ какимъ-то злорадным сладострастіемъ, какъ тигръ, прижавшійся къ землѣ и предвкушающій прелесть своей добычи.

На кораблѣ масса смятенныхъ фигуръ; у однихъ только ужасъ, нѣмой застывшій ужасъ, у дру-

гихъ сквозь этотъ ужасъ просвѣчиваетъ ярость; у третьихъ абсолютное безуміе, равное умопомѣшательству, и позы ихъ такія-же; только двѣ фигуры отнимаютъ вниманіе и даютъ понять явственно, что наступившій ужасъ уже не такъ силенъ, какъ тотъ, что гдѣ-то таится и грозитъ обнаружиться или умретъ вмѣстѣ съ душой человѣка, крѣпко и тайно обнявшись съ нею.

Это — дѣвушка, изящная молоденькая, лѣтъ 15-ти или 16-ти, вѣрующая и довѣрчивая; она прижалась къ одной старушкѣ, которая, какъ можно подумать, слѣпа; дѣвушка смотритъ тревожнымъ, но ожидающимъ взоромъ на мостикъ, а тамъ стоитъ человѣкъ, со сдвинутой на затылокъ фуражкой, съ поблѣднѣвшимъ, но холоднымъ лицомъ, не выражающимъ отчаянія, объявшаго окружающихъ. Видно, что его энергичныя губы произносятъ отдѣльныя слова, что въ нихъ есть еще надежда.

Это капитанъ корабля, и на него устремила свой взоръ эта еще надѣющаяся дѣвушка.

Ужасно жаль только одной этой дѣвушки, и располагаетъ къ себѣ лицо и вся притворно спокойная фигура капитана, который лучше всѣхъ сознаетъ неминуемость гибели.

Недалеко отъ корабля виденъ мысъ шлюпки, въ которой, очевидно, искали спасенья и которая раньше корабля пошла ко дну, такъ какъ напра-

вляющійся къ кораблю бѣшеный валъ уже настигъ ее.

Но на ней уже не останавливается взоръ зрителя, которымъ овладѣла эта молоденькая пассажирка съ надеждой въ глазахъ и капитанъ.

Становится непріятнымъ то обстоятельство, что мысль человѣка такъ быстро разстается съ однимъ и погружается въ другое.

Только-что царилъ великій и свѣтлый духъ безсмертной Д-Аркъ, а тутъ уже міръ безсилія, праздникъ смерти, вакханалія нелѣпой стихіи!

И человѣкъ шествуетъ отсюда туда ровнымъ, методическимъ шагомъ, будто собираетъ на берегу цвѣтные камешки или здоровается съ милыми гостями.

Царица подошла къ картинѣ „Свѣтильники". Это одинъ изъ пировъ Нерона, когда садъ его и дворецъ скоро будутъ освѣщены живыми факелами-людьми, облитыми смолою и подвѣшенными къ высокимъ столбамъ.

Художникъ изобразилъ казнь первыхъ христіанъ.

Безумный и пошлый Неронъ вѣдь не только не стѣснялся казнить послѣдователей Христа, но дѣлалъ изъ этого пикантный праздникъ, приглашая на него своихъ друзей, рабовъ и почетныхъ гостей, царей всѣхъ царствъ подчиненныхъ ему.

Первое-же впечатлѣніе, производимое картиной,

настолько ошеломляетъ, что, Вамъ кажется, будто вы передвинулись назадъ въ вѣка варварства.

Передъ вами дикое собраніе золота, мрамора, человѣческихъ тѣлъ, разукрашенныхъ пестрыми одеждами изъ разноцвѣтныхъ яркихъ тканей, блестками золота и драгоцѣнными камнями; а тутъ-же полуобнаженныя и совершенно нагія фигуры женщинъ, стройныхъ, нѣжныхъ, даже стыдливыхъ и мужчинъ, грубыхъ и уродливо жирныхъ и пошлыхъ, отвратительныхъ.

Вы всматриваетесь: рѣзко бросающаяся въ глаза мраморная висячая лѣстница, ведущая изъ дворца въ садъ; немного позади разукрашенная, нарядная толпа римлянъ.

Но вы ищете глазами самого цезаря.

Отъ его жирной и неуклюжей и вялой фигуры, отъ его пресыщеннаго лица, въ которомъ можно найти только звѣриную похоть, — вѣетъ, нѣтъ, разитъ пошлостью, омерзительной, тошнотворной пошлостью самца.

Съ нимъ его жена Попея, такая-же вялая, обрюзглая, но только болѣе еще, чѣмъ онъ, чувственная.

На площадкѣ сада, какъ разъ противъ нихъ, куда рвется толпа, разъяренная любопытствомъ, лежатъ тюки соломы, а изъ нихъ торчатъ головы и ноги людей, которыхъ сейчасъ подвѣсятъ и подожгутъ, а когда они освѣтятъ собою садъ и станетъ ярко свѣтло, Неронъ подниметъ свой золотой ку-

бокъ и подъ плескъ вина будетъ читать свои „божественные“ стихи, отъ которыхъ должны быть въ восторгѣ всѣ, потому-что онъ такъ хочетъ.

Висятъ уже и на деревьяхъ и на столбахъ живые свѣтильники и вотъ-вотъ начнется иллюминація, — сильное зрѣлище для человѣка, привыкшаго къ обыкновенному освѣщенію.

Но Неронъ и Попея смотрятъ лѣниво и тоскливо на всю эту „шутку“, — имъ уже неинтересно и это.

И многихъ, близкихъ къ Нерону, это зрѣлище не привлекаетъ, — не радуетъ, не волнуетъ, а такъ, безразлично, или подумаютъ они развѣ лишь о томъ, будутъ ли горѣть тѣ, въ соломѣ или въ смолѣ, одинаково свѣтло будетъ, только смола и жиръ человѣка дольше горятъ, чѣмъ вти, въ соломѣ, хотя послѣдніе за то ярче.

По ихъ лицамъ видно, что у нихъ — главное, чтобы Цезарь Неронъ остался доволенъ; по крайней мѣрѣ, не ожесточился бы, а то....

Вѣдь конецъ приближенныхъ Цезаря одинъ: или придется выпить яду или публичной казни не миновать — все зависитъ отъ прихотливой воли Цезаря и случайности.

Вотъ стоитъ подлѣ Нерона группа придворныхъ, — старики; это его сенаторы; лица ихъ лоснятся отъ жира, а маленькіе заплывшіе глазки хитро щурятся; на нихъ пышныя одежды изъ доро-

гихъ яркихъ тканей, а на головахъ вѣнки изъ нѣжныхъ бѣлыхъ розъ.

Ироніей кажутся эти дѣвственные цвѣты на развратной пьяной головѣ придворнаго гуляки царствованія безумнаго Нерона.

Наша царица всматривается въ отдѣльныя фигуры, выраженія лицъ, и, кажется, что вотъ-вотъ она заговоритъ съ кѣмъ нибудь изъ нихъ...

Вотъ она приблизила свое лицо къ тому мѣсту, гдѣ возсѣдаютъ дикіе властители Рима, и полонъ непримиримаго негодованія взоръ ея.

Кто-то изъ приближенныхъ, будто иноземный гость Нерона, обращается къ царицѣ и съ рабскою услужливостью предлагаетъ ей стулъ; царица вздрагиваетъ, нервно оборачивается, но, ничего не сказавъ, опускается на стулъ, чтобы не прервать мысли.

Позади нея стоятъ придворные, составляющіе свиту; они смотрятъ, будто, на картину, но глаза ихъ соскальзываютъ внизъ и чутко стерегутъ свою госпожу.

Имъ дѣла нѣтъ до того, съ какимъ выраженіемъ лица Неронъ встрѣчаетъ свое торжество, которое въ то же время и казнь; они всѣ стоятъ передъ картиной съ такимъ видомъ, будто они поняли теперь переживанія своей царицы и, очарованные видимымъ, не могутъ оторваться отъ квадрата, къ которому привела ихъ царица.

Но, что здѣсь особеннаго, — думаютъ они, какъ видно по ихъ усталымъ и скучающимъ лицамъ, — извѣстная вещь: Неронъ и его пиры, — это всякій знаетъ; это ужъ не ново, странно, что Ея Величество такъ много благосклоннаго и милостиваго вниманія удѣляетъ этому!..

Но тутъ-же каждый изъ нихъ вспоминаетъ, что его собственная логика и разсужденія не имѣютъ никакого значенія тамъ, гдѣ „изволитъ быть Ея Величество", и тотчасъ ихъ фигуры и мысли принимаютъ то рабское положеніе и состояніе, когда человѣку неизвѣстно, что ему сейчасъ придется дѣлать, какое положеніе принять и какое выраженіе придать лицу, но помнитъ и не забываетъ ни на мигъ, что каждое движеніе „извѣстнаго" существа не можетъ не отразиться на его лицѣ; но все это такъ привычно, и до того стало обычнымъ, что даже чувствуется потребность — услужить, показать свою покорность неестественно быстрымъ движеніемъ, повтореніемъ восторженнаго восклицанія или взоромъ удивленія, — какъ потребуется.

Царица совершенно забываетъ минутами, что она не одна; ей кажется, что въ числѣ гостей Нерона находится и она, но она не забываетъ, что она царица Европейскаго государства.

Она возмущена звѣрствомъ хозяина дома, который заставляетъ ее пировать на казни ея единовѣрцевъ...

А что, если она отъ имени своего супруга объявитъ этому звѣрю войну?!..

О, съ какимъ наслажденіемъ она бы потребовала у него объясненія и раскаянія!!..

„Ваше величество, соизволите пожелать освѣтить?..“

Нерѣшительно, но все-же отчетливо произнесъ одинъ изъ адьютантовъ, когда ужъ стало настолько сумеречно, что вся картина стала принимать неопредѣленный видъ чего-то пестраго и лоснящагося красками.

У царицы мелькнула мысль, что это идетъ рѣчь о зажженіи этихъ живыхъ факеловъ, которыми увѣшаны всѣ деревья и столбы въ саду.

Царица хотѣла закричать, и у нея уже мелькнуло то слово, которымъ она могла надѣяться остановить безчеловѣчныхъ рабовъ уродливаго властителя; она уже произнесла это слово:

Veto!!..

Но она услышала позади себя движеніе и вдругъ увидѣла передъ собой одного, въ блестящей формѣ, офицера, который покорно и раболѣпно выстроился передъ нею въ позѣ ожидающаго распоряженій.

Въ первый мигъ царица обрадовалась, что она не одна здѣсь, среди этихъ дикарей, что...

Но эта вся иллюзія, навѣянная сосредоточенностью ея зрительнаго вниманія, сразу разсѣялась;

куда-то отошелъ Римъ и его кровавые герои, и, вмѣсто экзальтированнаго состоянія, царица почувствовала усталость и апатію ко всему, что она теперь увидѣла.

И ей почему-то показалось, что ея рабы смотрятъ на нее удивленно, какъ смотрѣли вначалѣ на картину...

Открыли свѣтъ; комната приняла непріятный, неуютный видъ, какъ въ необычное время въ церкви.

А картина запестрѣла блестками и мазками; нѣкоторыя фигуры показались безголовыми, безъ рукъ, безъ ногъ, а иныя руки, и ноги, и головы не имѣли туловища, будто это было поле битвы и на немъ лежали изуродованные трупы.

Но царица снова повернулась къ картинѣ и стала искать глазами тѣ мѣста, которыя наиболѣе интересовали ее.

Вотъ она нашла.

Это люди, которые стоятъ надъ очагомъ съ растопленною смолою, обмакивая въ нее свои факелы, чтобы начать представленіе; дымъ и копоть окутываютъ ихъ цѣлыми клубами, но ихъ дѣйствія методичны, спокойны, холодны, будто это рыбаки на берегу варятъ ужинъ.

А надъ ними, совсѣмъ близко, такъ что оттуда хорошо видна эта жаровня, висятъ задѣланные въ

солому „тѣ“, которые сейчасъ будутъ освѣщать собою пиръ своего государя.

Если они еще не впали въ безпамятство, то передъ ними теперь два образа, провожающіе ихъ въ бездну вѣчности: Христосъ, который научилъ ихъ любить и страдать за себя и окружающихъ, и Неронъ, который собирается ознаменовать свой пиръ ихъ предсмертными муками.

Они помнятъ лицо Своего Святого Учителя, Его взоръ, погруженный въ свѣтлыя дали будущаго земного блаженства, и сердца ихъ, обреченныя огню, наполняются блаженной кротостью, смиреніемъ и радостью, что они слѣдуютъ за Нимъ.

А то, что внизу люди остались и останутся въ заблужденіи и губятъ душу свою, не понимая, какъ хорошо дѣлать добро, спасать, помогать слабымъ, — являть любовь и состраданіе — это омрачаетъ ихъ предсмертную радость, ихъ сознаніе, что они отдаютъ душу за любовь къ окружающимъ ...

Царица вспомнила, что она читала, какъ одинъ изъ христіанъ, ожидавшихъ казни, сказалъ палачу:

„Любовь къ ближнему и раскаяніе да спасутъ твою душу“! А еще одинъ тому, который подошелъ съ факеломъ, чтобы поджечь его, сказалъ:

„Умирая въ мукахъ, я буду молиться, чтобы Господь спасъ твою больную душу.“

Придворные переглядывались, но каждый старался скрыть свое удивленіе, что царица такъ

странно-долго разсматриваетъ эти пятна на полотнѣ, но никто не могъ объяснить себѣ, какъ можетъ царица такъ долго стоять передъ какой-то неясной картиной, представляющей теперь при освѣщеніи, что-то безсмысленное.

Царица вдругъ оторвалась отъ картины и ушла.

Ее о чемъ-то спросили — вѣроятно, объ указаніи, куда ѣхать — и она что-то сказала, но она не слышала ни вопроса, ни своего отвѣта, а думала только объ одномъ: какими душу раздирающими воплями долженъ огласиться садъ, когда огонь охватываетъ живое человѣческое тѣло, и пылающіе въ мѣшкахъ, облитыхъ смолою, еще не потеряли сознанія и борются съ духомъ, чтобы вмѣсто проклятій, взывать къ Своему Богу, чтобы Онъ скорѣе принялъ душу ихъ.

Царица не могла освободится отъ того страшнаго вопля, который она такъ живо вообразила и который не утихалъ, а даже усиливался въ ея ушахъ, когда она старалась объ этомъ не думать.

Торжественно понеслись кареты по улицамъ, обращая попадающихся навстрѣчу людей въ состояніе приподнятаго настроенія, у иныхъ неожиданнаго испуга или удивленія, а у тѣхъ, кто зналъ, что скоро проѣдетъ царица и по службѣ своей ждалъ появленія ея кареты, — радостнаго волненія.

Царица была недовольна, что ей предложили, собственно, напомнили посмотрѣть выставку, и возвращалась во дворецъ съ намѣреніемъ уединиться тамъ и въ уединеніи пережить впечатлѣнія, оставшіяся съ нею.

Вотъ она освободилась отъ этихъ чуждыхъ ей лицъ; не мелькаютъ передъ глазами ихъ блестящія пуговицы, пестрыя нашивки, и шпоры не звякаютъ такъ надоѣдливо и раздражающе, а, главное, что теперь можно отдаться своимъ мыслямъ полно и свободно, не считаясь съ тѣмъ, какое выраженіе приметъ лицо и на чемъ остановятся глаза.

Трагедія, которую теперь пишетъ царица, еще не имѣетъ названія, и ей кажется, что это ей мѣшаетъ работать, сосредоточить свои мысли на дѣйствующихъ лицахъ и выразить характеръ ихъ цѣльно и ярко.

Такъ ей казалось, но теперь, когда отъ нея не уходятъ страшныя фигуры этихъ озвѣрѣлыхъ Римлянъ, въ глазахъ которыхъ — кровь, разгулъ и апатія — нѣчто стихійно безумное и неподающееся сочетанію, — ей уже кажется невозможнымъ продолжать рисунки своихъ героевъ, — краски, которыми она пишетъ ихъ образы, сливаются въ какую-то неопредѣленную массу.

Тамъ и пурпуръ царскихъ мантій и бѣлый паръ облакъ, что, какъ лебеди, плывутъ надъ солнечной долиной, и изумруды изъ вѣнца, и алая кровь уми-

рающихъ, и золотые кубки пирующихъ, и кристаллы слезъ мучениковъ, и пѣсни пьяныхъ танцовщицъ и кроткій голосъ апостола...

Царица не можетъ освободиться отъ вліянія этихъ впечатлѣній-призраковъ.

Она остановилась на самомъ сильномъ по экспрессіи мѣстѣ главнаго героя произведенія; а теперь этотъ человѣкъ и вся канва, на которой выдѣляется его мощная фигура, кажутся незначительными и блѣдными, въ сравненіи съ тѣмъ, что она только-что видѣла и теперь переживаетъ.

Ей кажется, что всѣ виды и формы искусства представляютъ лишь фотографическій снимокъ съ дѣйствительности; что попытки повліять на воспитаніе души человѣка путемъ пера и кисти, — ничтожны, въ смыслѣ достигаемой ими цѣли, а что единственное, что могло-бы освѣтить умъ человѣка и заставить его душу содрогнуться — это только исторія всѣхъ временъ и народовъ.

Царица вспомнила, какъ она въ юности предавалась увлеченію чтеніемъ сказокъ, разсказовъ, романовъ и мысленно возсоздала теперь то впечатлѣніе и дѣйствіе того впечатлѣнія на ея мысли и сердце.

Она горько улыбнулась и вздохнула.

Читая тогда книги, съ цѣлью, съ горячимъ стремленіемъ проникнуть во всѣ долины и ущелья жиз-

ни, она восторгалась тѣми настроеніями, что навѣвали на нее страницы талантливыхъ художниковъ; но теперь она ясно видитъ, что эти книги не только не вводили ее въ сокровенные уголки души человѣка и озаряли ея мысль свѣтомъ мудрости и любви къ нему, а уносили ее на необитаемыя планеты, гдѣ все, какъ въ сказкѣ, чуждо.

Царица прочла такую массу книгъ, а сколько времени было потрачено авторами на созданіе ихъ, между тѣмъ, какъ все прочитанное растаяло какъ паръ, и остались только фальшивыя, никому ненужныя блестки мишуры и туманные образы вымышленныхъ людей, будто всѣ эти люди-герои жили въ своихъ маленькихъ коробочкахъ, разбросанныхъ по землѣ и отгороженныхъ другъ отъ друга.

Если такъ, то можно сказать, что мы и въ дѣйствительности всѣ не имѣемъ одного большого общаго стремленія, дѣлающаго, т. е. могущаго сдѣлать людей другъ другу близкими...

Или каждый человѣкъ представляетъ собою дѣйствительно уже законченный отдѣльный мірокъ, и ему нѣтъ дѣла до всѣхъ остальныхъ, которые и въ свою очередь спрятались въ скорлупу своей собственной особы?!..

Тогда-же теряетъ весь свой смыслъ значеніе религій.

Царица подумала съ минуту и удивилась, что-

за мысли привлекли ея вниманіе и откуда онѣ взялись.

Вотъ, навяжутся иногда какія-нибудь нелѣпыя мысли, и уносятъ тебя, Богъ знаетъ, куда.

Самая пустая вещь иногда принимаетъ серьезную физіономію и дурачитъ тебя, а ты находишь въ ней глубокое мистическое содержаніе и даешь ей смѣяться надъ собою, принимая въ этомъ свое покорное участіе.

Въ этомъ родѣ подумала царица о своемъ теперешнемъ настроеніи, посмѣялась надъ этимъ, и сама не замѣтила, какъ пальцы ея свернули тетради и уложили ихъ въ ящикъ.

Зачѣмъ я сюда забралась, — вдругъ подумала она, — что сегодня...

И вдругъ съ пѣсенкой, которая пѣлась безотчетно, царица оставила свое уединеніе.

Что-то грустное было въ мотивѣ этомъ.

Мертвая зыбь.

Иногда, подъ вліяніемъ могучаго вѣтра, грозно опустившагося на море и вступившаго съ нимъ въ безумную борьбу, послѣднее вздымаетъ и мечетъ свои свинцово-синія массы и гонитъ ихъ къ берегамъ своимъ, какъ бы призывая ихъ на битву съ летучимъ чудищемъ, нарушившимъ покой его — безмятежнаго великана, и, гремучими валами, покрываясь холодной пѣной, бьетъ въ прибрежныя скалы,

и будитъ ихъ, и реветъ страшнымъ ревомъ гнѣва и злобы.

Нѣмыя каменныя горы глухо молчатъ и неподвижно созерцаютъ картину стихійной пляски великана; море гонитъ свои водянныя горы, образуя то ущелья, то площади или башни, потомъ рушитъ ихъ и вновь выстраиваетъ ряды и группы своихъ полчищъ.

И горе тому, кто очутится на этомъ полѣ въ эти часы борьбы, — море проглотитъ все, что попадется ему на пути.

Далеко-далеко съ берега видно, что бушуетъ море и ужъ никто даже изъ отважныхъ мореходовъ не рѣшится вступить въ это царство, а тотъ, кто никогда до той поры не видѣлъ бури, будетъ радъ, что онъ на берегу, что теперь онъ выждетъ успокоенія и тогда уже не страшно будетъ довѣриться стихіи.

Но иногда вѣтра совершенно не чувствуешь, а море играетъ своими стеклянными валами, скатывая ихъ и бросая одинъ за другимъ къ молчаливымъ и неподвижнымъ берегамъ.

Нѣтъ тогда ни бѣшеннаго рева, море кажется лишь слабо дышащимъ и слегка покачивающимся въ своей полудремотѣ, будто оно засыпаетъ и передъ сномъ выпрямляетъ свои члены, будто оно спокойно.

О, тогда берегитесь, мореходы!

Вы погибните въ полусонныхъ движеніяхъ водянного великана, который и вовсе притаился умирающимъ.

Его дыханье, его движенья, его молчанье — мертвая зыбь.

Въ государствѣ царицы нашей было то-же внѣшнее спокойствіе, что и въ морѣ, когда оно казалось засыпающимъ.

А это внѣшнее спокойствіе въ странѣ, при которомъ уже можно было безбоязненно вести порядокъ, называемый правленіемъ, было достигнуто разными мѣрами: людей, возвышавшихъ голосъ протеста, убирали изъ государства — арестовывали или ссылали, а, если требовалось, укладывали въ могилу.

Съ теченіемъ времени, когда горячія сердца юношей тысячами были запрятаны на глубинѣ трехъ аршинъ, и сквозь толщу земли не могло уже раздаться ихъ призыва къ борьбѣ за справедливость, — объявлено было съ башни дворца, что Божіимъ благословленіемъ въ странѣ воцарился порядокъ.

Было въ этой печальной долинѣ великаго царства много славныхъ героевъ, гордо и храбро принявшихъ смерть отъ рукъ палачей, а, когда ихъ не стало, народъ затаилъ свою горькую злобу и кротко несетъ свой крестъ.

Онъ проходитъ по улицамъ и каждый уголокъ

ему напоминаетъ и служитъ укоромъ и воззваніемъ къ возстанію.

Каждое зданіе, каждое дерево въ палисадникѣ — вѣчные свидѣтели пытокъ честныхъ гражданъ.

Когда народъ возставалъ противъ своихъ грабителей, требуя не только новыхъ справедливыхъ законовъ, но, по крайней мѣрѣ, хотя бы правильнаго исполненія уже существующихъ, правительство вступало съ нимъ порою даже въ самую открытую войну, будто имѣло дѣло съ явнымъ врагомъ, не только своимъ личнымъ, но всего отечества.

Молодыхъ солдатъ даже такъ учили, при поступленіи ихъ на службу, что существуютъ враги „внѣшніе“ — это сосѣднія державы, когда съ ними ведется война, и — „внутренніе“ враги — всѣ тѣ противники государства, которые хотятъ разрушить строй въ своемъ-же отечествѣ.

Въ этомъ родѣ преподавалось солдатамъ, которые, большею частью, были изъ деревень, гдѣ росли одинаково, какъ деревья, имѣя столько же понятій о „строѣ“, сколько и о томъ, что такое правительство и какое оно бываетъ, и какимъ бы оно должно было бы быть, чтобы бѣдный крестьянинъ не умиралъ отъ голода.

Если бы эти бѣдняжки — мужички, когда имъ объясняли о „внутреннихъ“ врагахъ, поняли, что это идетъ рѣчь о нихъ-же, разумѣется, они бы не

были въ рукахъ правительственныхъ холоповъ тѣми слѣпыми защитниками „отечества“, которые своихъ же разстрѣливали за „бунтъ“.

Умышленно держало правительство въ невѣжествѣ то многомилліонное населеніе страны, которое представляло наивыгоднѣйшій матеріалъ въ двухъ весьма значительныхъ отношеніяхъ: эксплуатировать его трудъ, какъ земледѣльца, несущаго безумные налоги и, какъ воинство, готовое „защищать“ правительство отъ „внутреннихъ“ враговъ.

И не стѣснялось правительство отвергать всякіе проекты относительно обязательнаго всеобщаго образованія, извертываясь всѣми достойными себя и даже и себя недостойными пріемами.

Словомъ, произволъ держался на невѣжествѣ народа, который, въ массѣ своей, и не зналъ, въ сущности, что ему плохо потому, что его обираютъ „чиновники“, а объяснялъ себѣ бѣдность свою явленіемъ Провидѣнія, жестокостью „Судьбы“, своею грѣховностью.

А то, что интеллигенція просвѣщала темныя глубины царства, объясняя бѣднымъ жертвамъ „законовъ“ истинную причину ихъ вопіющей бѣдности, это заставляло темныхъ рабовъ призадуматься и спрятать въ душѣ своей сначала недовѣріе къ „яснымъ пуговицамъ“, а потомъ и вражду и злобу.

Но убѣжденія неразвитыхъ духовно людей, вслѣдствіе своей неустойчивости, не могли полно

и открыто вылиться въ реальную форму, пока они находились въ періодѣ броженія.

Знало ли правительство, что этотъ пока еще все, по прежнему, покорный и терпѣливый невольникъ готовитъ уже теперь своимъ „покровителямъ“ сюрпризъ, или оно надѣялось на свой старый опытъ въ умѣньи издѣваться надъ невѣжествомъ, но оно, какъ ни въ чемъ не бывало, вело свой обычный порядокъ правленія страной: обѣщанія льготъ, облегченій, милостей и всякихъ благъ, а покамѣстъ: притѣсненія, обираніе, методическое издѣвательство надъ душою и тѣломъ, а въ острые моменты — аресты, пытки, казни.

Но я говорю, что, повидимому, дни насильниковъ сочтены были.

Извнѣ море кажется дремлющимъ и кроткимъ, можно смѣло отправиться на прогулку, взявъ съ собой гармонику и вина, но...

Годы мирнаго царствованія.

Въ тѣ часы, когда не хотѣлось шумныхъ многолюдныхъ увеселеній, тянувшихся во дворцѣ непрерывною цѣпью, царица, какъ уже знаетъ мой читатель, уединялась и отдавалась размышленіямъ и воспоминаніямъ.

Можетъ быть, если бъ это было во власти человѣка, царица заставила-бы свои мысли, чтобъ онѣ приносили ей изъ сокровищницъ прошлаго только

лишь одно отрадное, — вѣдь тяжки человѣку печальныя воспоминанія о неудачахъ и горестяхъ, оставшихся гдѣ-то въ черной безднѣ.

Но мысль не знаетъ того, что у людей есть на все мѣрки, вѣсы, градусы и. т. п., она, какъ дитя, одинаково легко и свободно носится по пути, который видитъ передъ собою.

Но, отдаваясь мыслямъ и зная этотъ печальный законъ природы, царица все же, каждый разъ, забываетъ объ этомъ; а и тогда, когда сознаетъ, что „это будетъ такъ“, она все таки совершаетъ охотно свое путешествіе въ царство прошлаго.

Можетъ быть, потому, что тамъ она оставила много радостнаго, а вѣдь это же неоспоримо.

Но, главное, что утѣшаетъ сердце царицы, это то, что мрачныя картины прошлаго она легко, и не останавливаясь на нихъ, отгоняетъ прочь, выдвигая на мѣсто ихъ роскошные образы прихотливыхъ, грезъ, или, просто, тѣ впечатлѣнія, которыя нарядны и радостны. И каждый разъ царица, предаваясь раздумью, не замѣчаетъ тѣхъ тонкихъ и неуловимыхъ линій переходовъ, по которымъ незамѣтно переноситъ ее по ту сторону пріятныхъ воспоминаній.

Иногда намъ такъ досадно, что мысль не слушается насъ и, будто, смѣясь и издѣваясь надъ нашими законами логики и послѣдовательности, выкидываетъ такія колѣнца, которыя достойны развѣ

только пьянаго и умалишеннаго, въ лучшемъ случаѣ, шута.

Вотъ, напримѣръ, вы хотите сейчасъ воскресить въ вашей памяти трогательную атмосферу того дня, когда хоронили кого-либо изъ близкихъ вамъ.

Черное, мрачное, печальное и благоговѣйно возвышенное развертывается передъ вашимъ мысленнымъ взоромъ представленіе того дня; вы погружаетесь въ эту жуткую бездну отчаянія или кроткой скорби, вдругъ, на фонѣ этой траурной ночи вашего печальнаго угасшаго дня, появляется чей-то красно-зеленый носъ, какъ эмблема пошлости, и не даетъ вамъ покоя.

У васъ мысли хотятъ быть скорбными, траурными, тоскующими, а какой-то красный носъ, а за нимъ и насмѣшливая слащавая улыбка пошляка и циника не оставляетъ васъ.

Вы начинаете упрекать самого себя въ томъ, что не умѣете предаваться „благороднымъ“ мыслямъ, стараетесь прикрыть чѣмъ-нибудь черныимъ, подобающимъ общему настроенію, этотъ непрошенный противный носъ, но онъ прорѣвается сквозь матерію и смотритъ на васъ, прямо на васъ, потому-что больше всего, именно вы, стараетесь противъ него.

Никакъ, никакъ нельзя отдѣлаться отъ случайныхъ и непрошенныхъ гостей своей мысли...

Вы думаете о невѣстѣ, а передъ вашими глазами два китайскихъ принца...

Дѣти и бабушки находятъ, что самое лучшее средство, отогнать незванную мысль — это тряхнуть головой.

Можетъ быть, они правы.

У царицы былъ такой день, что куда бы она ни пошла, что-бы она ни дѣлала, съ кѣмъ-бы ни бесѣдовала, ее все тянуло къ уединенію.

Даже дѣти, которыя доставляли ей много радостей, не могли ее отвлечь отъ желанія „подумать".

А подумать есть о чемъ.

Еще-бы!..

Если у каждаго человѣка, у кого даже бѣдна фантазія, и тяжела мысль, и однообразна жизнь, — есть потребность порыться въ своей волшебной коробочкѣ, то какое огромное удовольствіе можетъ получить царица, когда она распахнетъ завѣсы дней ея богатѣйшаго прошлаго, полнаго блаженствъ и очарованій!

Всегда царицѣ, какъ мы привыкли полагать, хорошо, но, нѣтъ, — прошлое, какъ и будущее у каждаго человѣка, а царица въ этомъ подвержена общимъ законамъ природы, — то, что было и то, что будетъ, но не то, что теперь, — обвѣяно фантастическимъ очарованіемъ.

И царица отдалась теченію своихъ мыслей.

Онѣ перелетаютъ черезъ огромные утесы пе-

чали, падаютъ въ пучину безумія, плывутъ по глазури солнечныхъ озеръ, несутся вихремъ по дорогамъ томленій, вдругъ тонутъ въ ущельяхъ тоски и вырываются потокомъ вулкана, являя жгучую радость возрожденія.

Вотъ онѣ на могилахъ любимыхъ существъ, а вотъ онѣ забыли о смерти и поютъ веселенькую пѣсенку и приплясываютъ ...

Таковы мысли у каждаго, кто обладаетъ способностью отрѣшиться отъ дѣйствительности и отправиться въ небесное путешествіе грезъ.

Царица еще и потому любила мыслить въ одиночествѣ, что ея творческая душа вѣчно создавала новые образы и міры своего безсмертія.

Но случалось, что въ минуты, когда она думала о будущемъ или несуществующемъ, но желанномъ, ее подхватывали властныя мысли и уносили въ сторону, куда она не стремилась; или назадъ, туда, гдѣ остались мрачные силуэты непріятныхъ уголковъ прошлаго.

Эти моменты были тягостны и угнетали ея душу, но она была не въ силахъ оторваться отъ видѣній, которыя имѣли свою могучую силу; я бы даже сказалъ, сверхъестественную силу, потому, что и логика и воля были безпомощны, чтобы одолѣть ея мощь.

И бывали такія минуты, что царица, часто прекрасно сознающая свое исключительно-счастливое

положеніе среди всѣхъ окружающихъ, забывала, что она сильнѣе тѣхъ, кого видитъ и тѣхъ, кто составляетъ ея царство, и, подобно юношѣ, отдавшемуся чарамъ грезъ, она становилась безплотнымъ существомъ и носилась надъ землею, не зная ни времени, ни пространства, какъ духъ, явившійся съ неба, чтобы видѣть земную жизнь.

„Теперь, слава Богу, въ странѣ спокойно...

Не такъ, разумѣется, какъ было тогда, когда законы наши еще не были поколеблены и народъ не дѣлалъ открытыхъ выступленій, но все же на улицахъ царитъ тишина и жизнь течетъ обычно...

Никто не можетъ поручиться, что такъ будетъ всегда, но человѣкъ вѣдь ни въ чемъ поручиться не можетъ, а если пока хорошо, то — слава Богу!

Да, слава Богу!

Сколько пришлось пережить за эти страшные годы! Казалось, что небеса разгнѣвались и послали цѣлую бездну испытаній нашему дому.

Люди не понимаютъ, какъ тяжко намъ являть жестокость къ нимъ!

Они думаютъ, что это насъ нисколько не терзаетъ, что генералы стараются отличиться другъ передъ другомъ, превосходя безчеловѣчностью и самыхъ жестокихъ палачей.

Палачами, обыкновенно являются люди невѣжественные, дикари, низшій слой народа, а эти...

Да, непріятно объ этомъ думать, тѣмъ болѣе,

что это непоправимо и неизбѣжно, какъ движеніе планетъ.

Если отказаться отъ „этого“, то надо отказаться отъ всего.

Интересно только одно: ужель газеты, описывающія ужасныя сцены усмиреній, не преувеличиваютъ!

Я лишена возможности удостовѣриться... Нѣтъ, нѣтъ!..

А что-бы могла я сдѣлать, если бъ это оказалось истиннымъ?!..

Не надо, не надо объ этомъ думать! Прочь! Прочь эти мысли!!.. О чемъ это мнѣ хотѣлось подумать?...

Когда принцъ Ришонъ удалился....

Но неужели это было такъ въ дѣйствительности?...

Насиловать женщинъ, съ цѣлью возстановить порядокъ въ странѣ!!.

Это что-то непонятное!

Страшно даже подумать объ этомъ и, вѣроятно, все это преувеличено...

А если это дѣйствительно было такъ, вѣдь это же возмутительно!

И какъ могли молчать ихъ мужья, братья и отцы, на глазахъ кого происходило это!..

Нѣтъ, это неправда, это злая безчеловѣчная

выдумка людей, неостанавливающихся ни передъ чѣмъ...

Это самое жестокое, что можно себѣ представить!..

Если бы это случилось гдѣ-нибудь въ глуши, гдѣ нѣтъ людей, то это еще было бы понятно, но они пишутъ, что цѣлыя села и деревни начальники отрядовъ отдавали пьянымъ солдатамъ „на забаву"!...

Что мужчинъ подвергали экзекуціи, оставляя ихъ на мѣстѣ, подъ угрозой смерти, а надъ женщинами тутъ-же чинили звѣрскія безобразія...

Это не похоже на людей; ни на такихъ, что способны...

Зачѣмъ я объ этомъ думаю, когда это меня такъ разстраиваетъ!!..

Странное теперь творится въ Китаѣ!..

Кто бы могъ предположить годъ-два тому назадъ, что эта отсталая и грубая страна поразитъ весь міръ своими просвѣщенными идеями.

Это тоже похоже на вымыселъ!..

Вообще, на землѣ происходитъ нѣчто уму непостижимое...

Исторія съ Португаліей!..

Это, Богъ знаетъ что!!.

Очутиться въ положеніи свергнутаго короля!..

Вѣдь это же, кромѣ всего, просто, стыдно!!.

Понятно еще, если король или царь самъ идетъ

навстрѣчу волѣ своего народа и даруетъ ему своею милостью права гражданства, но не такъ...

Это вѣдь ужасно! Позорно!.. Унизительно!..

Зачѣмъ я объ этомъ думаю ... удивительныя мысли всегда лѣзутъ въ голову...

Я ужъ начинаю иногда бояться своихъ собственныхъ мыслей!..

По истинѣ, счастливы были цари, которыхъ свято чтилъ и любилъ народъ, видѣвшій въ своемъ монархѣ ставленника Божьяго...

А теперь каждый черный рабъ мнитъ себя полноправнымъ членомъ государства и дерзаетъ на...

Я начинаю приходить къ убѣжденію, что люди, у которыхъ въ жилахъ течетъ рабская кровь, не могутъ не быть врагами тѣмъ, кто чѣмъ-либо отличается отъ нихъ и пользуется своими преимуществами.

Развѣ могутъ быть люди уравнены въ правахъ и обязанностяхъ!..

Какъ не могутъ всѣ пахать землю или строить дома, такъ и немыслимо, чтобы всѣ принимали участіе въ государственныхъ дѣлахъ! Но они этого понять не хотятъ и, вѣроятно, не могутъ; вотъ почему и происходятъ эти ужасныя столкновенія между людьми, мыслящими здраво и логично и тѣми, кто не желаетъ никакой логики, а умѣютъ только завидовать, презирать и мстить...

А то, что они жертвуютъ собою во имя своихъ понятій, то это можно считать высшимъ безуміемъ человѣка...

Развѣ можемъ мы распоряжаться нашей жизнью, ниспосланною намъ съ неба?!.

Это святыня, которою можетъ пользоваться человѣкъ, какъ даромъ неба.

И что же они дѣлаютъ съ душою своей!!.

Разумѣется, не правы, съ точки зрѣнія нравственности, и тѣ, кто...

Но это ужъ является исполненіемъ законовъ, рожденныхъ народами и вѣками, а не проявленіе своего собственнаго я...

Впрочемъ, это не то... Да, не то...

Зачѣмъ я объ этомъ все думаю!..

Хотѣлось бы отдохнуть въ уединеніи, а тутъ все эта путанная „нравственность“...

Не помню, кто это говорилъ, что высшіе моралисты находятся вѣчно въ заточеніи, потому, что ученіе ихъ противно законамъ жизни и, слѣдовательно, людямъ.

Это любопытная мысль, кому бы она ни принадлежала...

Христосъ!!.

Ахъ, все я объ одномъ и томъ же, будто кто то обязалъ меня держаться этой тяжелой программы...

Надо сказать, что бъ въ моей рабочей комнаткѣ

перемѣнили обои на какой-нибудь свѣтлый цвѣтъ, а то мнѣ становится мрачно на душѣ, когда голубой свѣтъ лампы ползетъ по темному фону стѣнъ къ потолку и тамъ плыветъ загадочными силуэтами.

Что-то непріятное получается, когда это происходитъ въ тишинѣ уединенія, гдѣ собственное дыханіе уже кажется постороннимъ шумомъ...

Но въ другой обстановкѣ нельзя создать ничего прекраснаго...

А я должна довести свою мечту до предѣловъ возможнаго.

Вѣдь у меня все идетъ такъ легко, что мнѣ остается только радоваться...

Вотъ только одно... Какъ же я познакомлюсь съ устройствомъ сцены?!

Это отнимаетъ время и ничего не даетъ душѣ, — такая работа...

Я лучше напишу по-своему, и пусть потомъ актеры и режиссеры придумываютъ, какъ все устроить.

По моему, художникъ не долженъ считаться съ условіями обстановки.

Онъ долженъ воспроизводить неуклонно и реально тѣ всѣ образы, что продиктованы ему духомъ творчества.

Его задача лишь въ томъ, чтобы это вылить въ красивую естественную и понятную для остальныхъ форму.

Всѣ прочія условія, условія постановки драматическаго произведенія не имѣютъ ничего общаго съ творчествомъ автора.

Это — дѣло воспроизведенія, а не созданія.

Моя трагедія явится оригинальною даже и въ отношеніи постановки...

Но, что это со мною?!..

Я не могу овладѣть своими мыслями!..

Не потому ли это, что я стала рѣдко пользоваться свѣжимъ воздухомъ?!

Или подчиниться врачамъ и уѣхать куда-нибудь, развлечься?

Наивные! Они думаютъ, что человѣкъ можетъ убѣжать отъ себя!

Положимъ, я, можетъ быть, послушаюсь ихъ...

Пусть они дѣлаютъ со мной, что имъ вздумается; у меня уже не стало собственной воли, будто ее кто-то отнялъ у меня, будто я нахожусь въ гипнотическомъ состояніи...

Господи, ужель это ужъ такъ и останется?!.

Ужель ко мнѣ ужъ никогда не вернется мое я?

Но при чемъ же здѣсь моя воля?!

Что я могла бы сдѣлать, если-бъ ко мнѣ даже вернулись мои прежнія духовныя силы? Наоборотъ, я даже чувствую, что мое духовное я поднялось значительно выше, чѣмъ когда-нибудь было!

Развѣ въ годы моей цвѣтущей юности и счастливой молодости я понимала жизненныя явленія и

умѣла воспринимать и переживать все, чѣмъ полна душа?!

Я была знакома только съ тою стороной жизненныхъ явленій, что такъ жестоко обманываетъ молодое сердце, представляя міръ вѣчнымъ общимъ праздникомъ, полнымъ цвѣтовъ, музыки, улыбокъ и смѣха!..

Знаете ли вы, прекрасныя дѣти щедрой судьбы, — юныя радостныя, беззаботныя и мечтательныя принцессы, — какъ вы теперь счастливы!!

Теперь, когда ваше будущее окутано розовой дымкой вашей причудливой фантазіи!.. О, милыя, милыя, какъ льнетъ къ вамъ мое сострадательное и испытанное сердце!!

О, мои нѣжныя голубки, вы шествуете чинно и церемонно по роскошнымъ заламъ моихъ чертоговъ и благоговѣніемъ къ могуществу вашей сестры переполнены ваши кроткія сердца, а гдѣ-нибудь въ глубинѣ, въ затаенной отъ васъ самихъ глубинѣ сердца, у васъ порою вспыхиваетъ огонекъ непобѣждаемой зависти... Сознайтесь, дѣтки мои, вѣдь это такъ?! Вѣдь вамъ хотѣлось бы имѣть эту власть, эти почести?! Эту славу, которая вамъ кажется столь заманчивой, какъ ваши первыя ликующія грезы юности!.. Я васъ понимаю, мои наивныя подруги!.. Впрочемъ...

О, Господи, но вѣдь это же только моя судьба такъ жестоко „вознаградила“ меня...

Что это со мной?!..

Мнѣ холодно! Не открыта ли здѣсь гдѣ-нибудь вентиляція? Очевидно, они не знали, что я сюда заберусь... Нѣтъ, это у меня простой ознобъ... Ахъ, какъ я дрожу!.. Я уйду отсюда... Они всѣ меня ловятъ!..

Это какое-то несчастье принадлежать всѣмъ!.. Это пытка, это тончайшая и жесточайшая пытка! Вотъ, я ужъ знаю, теперь тамъ кто-нибудь сюда заглядываетъ изъ за портьеры, что-бы при всякомъ удобномъ и даже неудобномъ случаѣ нарушить мой покой, полагая, что онъ какъ разъ кстати выросъ передо мной. Нѣтъ, это мнѣ показалось... Слава Богу! Ахъ, какъ хорошо, что я ихъ не вижу... Я не хочу ихъ видѣть! Не хочу! Мнѣ не надо ихъ услугъ, не надо кривлянья и фальши!

Какъ они не могутъ понять, что все это становится противнымъ и несноснымъ?!

Но они превосходно это сознаютъ и дѣлаютъ это больше всего для собственнаго удовольствія...

— „Ваше Величество!..“

— „Ахъ... Нѣтъ, нѣтъ! Благодарю васъ! Мнѣ теперь ничего не надо! Благодарю васъ!“

Вотъ вѣдь я не ошиблась, что портьера не спроста ... но я ужъ теперь себѣ больше не принадлежу. Я ужъ нахожусь во власти этого манекена... Что прикажете дѣлать: — „Ваше Величество“ — развѣ въ этомъ я могу найти что-нибудь

обидное и указать ему? Наоборотъ, онъ считаетъ, что вполнѣ своевременно появился здѣсь. Я нахожусь одна и мнѣ безъ нихъ скучно... Ха, ха, ха, ха!

Несчастные! Несчастные! Какъ легко вы можете человѣка вывести изъ мрачнаго состоянія! Звякнуть шпорами, блеснуть золотыми полосками и улыбнуться учтивой и покорной улыбкой готовности... Все такъ просто, и такъ мило радуетъ душу! А, что за мысли посѣщаютъ твою голову, мой покорный и самодовольный рабъ?! Навѣрное, твоя жизнь полна радостей и совершеннаго спокойствія относительно всего, что тебя окружаетъ и что касается твоей особы?!. Я вижу, я уловила на твоемъ лицѣ, что твой міръ малъ и безмятеженъ, какъ и твои духовные запросы...

Бѣдное животное!..

Впрочемъ, можетъ быть, каждый изъ нашихъ слугъ сознаетъ нрав.., т. е. испытываютъ нравственную неудовлетворенность... Хотя вѣдь положеніе ихъ, между прочимъ, совсѣмъ иное, чѣмъ...

У нихъ всегда передъ собою готовое и дешевенькое оправданіе, что они слуги, честные слуги чужой воли, воли того, кто отвѣчаетъ самъ за всѣхъ...

Это привиллегированное состояніе, пожалуй, можетъ вызвать зависть у дурного человѣка, неспособнаго отвѣчать за свои дѣйствія...

Ахъ, что-же это со мной?!. Вѣдь я же этого не вынесу! Вѣдь это же выше силъ!..

Да, я знаю, что это никому не по вкусу было бы, если бъ я имъ обнажила свою душу!..

О, съ какимъ наслажденіемъ я бы сейчасъ разрыдалась!.. Господи!.. Господи!.. А, можетъ быть, если бъ я была здоровѣй, то этого не было-бы со мной?!. А то всякая мелочь... Не угодно-ли, какъ я стала это называть: „мелочи“ — это недурно...

Если такъ будетъ продолжаться, то изъ моей души получится идеалъ нашихъ подчиненныхъ... Слушай, а если бъ я дѣйствительно уѣхала куда нибудь!.. Къ тетѣ герцогинѣ...

Тамъ такъ отдыхаетъ моя душа, умиротворяется, что, пожалуй, я найду тамъ хоть сколько нибудь облегченія...

Здѣсь я больше не могу оставаться...

А что, если я тамъ совсѣмъ осталась бы?!.

Дѣтей всѣхъ мнѣ не дадутъ, — вѣдь наслѣдникъ принадлежитъ мнѣ только до поры до времени, а потомъ...

Я возьму своихъ милыхъ дѣвочекъ и убѣгу отъ этихъ страшныхъ людей...

Вѣдь, когда я изучала исторію, я дрожала при мысли, что и я могла родиться на много вѣковъ раньше и быть женою такого, какъ, напримѣръ, Калигула... У наивной дѣвочки — у меня тогда

являлись судороги при этой мысли; или, когда я думала о Цезарѣ Неронѣ!..

Я представляла себѣ тронъ, залитый кровью, отъ которой еще идетъ паръ, и возсѣдающихъ на немъ!.. Я помню, какъ однажды, когда я нашла это мѣсто, гдѣ говорится о Вандомской колоннѣ Наполеону I:

„Если-бы ты могъ собрать всю кровь, пролитую тобой, она затопила бы тебя вмѣстѣ съ этой колонной“...

Когда я представила себѣ картину, какъ бѣжитъ широкимъ алымъ потокомъ кровь изъ ранъ и собирается у колонны!!...

Я помню, что долго-долго я не могла ночью сомкнуть глазъ; все мнѣ мерещилось, что онъ стоитъ на каменномъ столбѣ своемъ и съ насмѣшливой улыбкой вызываетъ того, кто такъ сказалъ о немъ, молъ, а ну, я жду, пусть соберется это красное озеро, я полюбуюсь!

А у насъ...

Господи!.. Всемогущій! Спаси мою душу!.. Или Ты хочешь, чтобы я въ мученіяхъ своихъ нашла Твое благословленье?!.

Если такъ, то я благодарю и славлю Твою гнѣвную мудрость!!.

Почему же люди считаютъ Тебя олицетвореніемъ добра: любви и милосердія?!.

Почему же Ты караешь добрыхъ, какъ преступниковъ?!.

Зачѣмъ Ты меня ввелъ въ этотъ заколдованный кругъ ужасовъ!!.

Что это однако со мной?!.

Я окончательно перестаю владѣть собой и становлюсь объектомъ каждой случайно-мелькнувшей мысли, будто мнѣ 12 лѣтъ.

Слѣдовало бы же мнѣ взять себя въ руки и продолжать кротко нести свой крестъ, а то вѣдь это получается Богъ знаетъ что!

Скоро я не сумѣю показываться въ обществѣ...

Я ужъ и теперь чувствую себя при новыхъ людяхъ совершенно больною!..

Да, я объясняю это тѣмъ, что меня разстраиваютъ ихъ испытующія наблюденія за мною, за моимъ лицомъ и глазами; это они хотятъ узнать, какъ чувствуетъ себя государыня окровавленной страны!.. Не страдаетъ ли она, не впала ли въ меланхолію, или она презираетъ всѣхъ и относится къ своему „прекрасному“ положенію съ высокой гордостью избранницы, и она „выше“ всего?!...

Это они наблюдаютъ исподтишка за тѣмъ, чтобы, вернувшись домой, привезти съ собою столь занятныя новости обо мнѣ...

О, я ихъ знаю, къ сожалѣнію, лучше, чѣмъ они сами себя!..

Великій ужасъ! Я предчувствую, что и это еще не все!.. Я родилась для испытаній души!..

Мама, мама, какъ ты глядишь на свою дочку, которой тебѣ обѣщали грезы твои свѣтлое радостное будущее!!.

Ахъ, моя нѣжная мамочка, не смотри, не смотри на мои слезы, я хочу ихъ отъ тебя скрыть, чтобъ мои муки не коснулись твоего любящаго сердца... Ты не виновата ... никто не виноватъ, что это такъ вышло...

Мы вѣдь всѣ рабы какого-то чудовища, которое ведетъ насъ-слѣпыхъ, куда ему угодно. Мы еще должны его благодарить, потому-что всѣ говорятъ, что я — счастливица... Тысячи, сотни тысячъ людей смотрятъ на мой портретъ съ нескрываемой завистью, что не они, а я...

Да, они всѣ думаютъ, что мнѣ очень-очень хорошо, и даже я служу высшимъ сравненіемъ для человѣческаго счастья: „Какъ царица!“ „Какъ царица“! Ха-ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха-ха!.. Ха-ха-ха-ха!.. Сердце!!. опять сердце!!. Ахъ, гдѣ они всѣ!!.. А-а-а-ахъ!!!..

— „Ваше Величество!! Ваше Величество!!“...

— „Послушайте, оставьте меня, ради Бога, въ покоѣ!. Я васъ приглашу, когда вы мнѣ понадобитесь!!!“

Теперь ужъ они не будутъ надоѣдать...

Но я, кажется, ихъ звала... Ахъ, какъ это

все непріятно!.. Вотъ, они услуживаютъ мнѣ — раздражаютъ, ихъ нѣтъ — это меня тоже злитъ...

Я знаю, я знаю!.. Я должна мгновенно одѣть маску спокойствія и благодушія и всю себя преобразить, заглушивъ всѣ эти внутреннія голоса, и явиться въ міръ снова тою, что я была всегда!! Что это за безволіе!! Развѣ такъ можно!!

Я не должна забывать, что я — мать дѣтей! Мать дѣтей царскихъ!!.

Я даже не имѣю, пожалуй, нравственнаго права задаваться вопросами, которые мнѣ нисколько и никѣмъ не поручены.

Я не отвѣтственна ни передъ Богомъ, ни предъ этимъ народомъ!!. Позиція народа, въ отношеніи нравственной критики, слишкомъ несправедливо-выгодная! Да, выгодная!

Передъ судомъ всегда самое выгодное — это роль слабаго!! Благодарю васъ!!.. Вы великолѣпно умѣете критиковать и судить тѣхъ, въ положеніи кого вамъ не привелось быть!.. Это жесточайшая несправедливость!..

Наконецъ, если стать на вашу точку зрѣнія, то, что же вы прикажете дѣлать?! Вамъ нуженъ парламентъ? А что-же тогда?! Тогда воскреснутъ ваши сыновья и братья, которые меня преслѣдуютъ?!!. Понимаете, — преслѣдуютъ!!. Ловятъ меня по угламъ, простираютъ свои страшныя руки

и мертвыми взорами впиваются въ сердце!!.. Я ихъ вижу, вы не обманете меня!!!

Отъ этого нельзя спастись, вы всѣ безсильны, чтобы этого не было!.. вы лжете, вы безстыдно лжете, что мы можемъ все сдѣлать!!..

Да, я не сомнѣваюсь, что ваше жалкое положеніе можно улучшить и ваши газеты запестрятъ торжественными статьями о новой и прекрасной жизни ... вашей!! Да, только вашей: вы даже готовы простить и пытки и казни, какъ вы это называете, но вѣдь вы не хотите подумать о насъ!!. Чѣмъ вы измѣните мою душу, которую вы же сами измучили?!.

Ахъ, мнѣ душно!.. Кто это тамъ?.. Ну, нѣтъ не надо!.. Впрочемъ... Послушайте! Кто тамъ?! Дайте мнѣ воды! А?! Да! Да, холодной...

Она, можетъ быть, слышала мой болѣзненный смѣхъ или какое нибудь вырвавшееся восклицаніе... Богъ съ нею!.. Пускай забавляются...

Это же ихъ духовный міръ... Она шепнетъ одному, тотъ другому — получится новость. Мухи, которыя ищутъ сладкаго и не даютъ покоя!..

Она думаетъ, что я не поняла выраженія ея глазъ, потому, что она успѣла во время овладѣть собою и свое удивленіе превратить въ невинную кротость... Пусть болтаютъ и перешоптываются...

„Ахъ, Господи! Господи!!“

Царица поднялась, придерживаясь за столикъ, и направилась въ вечерній кабинетъ государя.

Не успѣла она подумать о томъ, чтобы его предупредить или лишь узнать, тамъ ли онъ, какъ явилась фрейлина, та которую она послала за водой, и остановилась передъ нею со своимъ подносомъ.

Царица обрадовалась, что видитъ ее, ту, которой она гнѣвно сказала что-то, и теперь поблагодарила ее своей улыбкой.

Она видѣла, да и такъ знала, какъ радуетъ ея улыбка окружающихъ.

Странно! Та поспѣшила узнать, гдѣ государь и сказать, что государыня желаетъ войти, а она за эти секунды совершенно ободрилась!

Не отъ двухъ-трехъ глотковъ воды ли?!

Нѣтъ, она увидѣла искренно-привѣтливое лицо фрейлины и ея улыбку, вызванную расположеніемъ, которое выразила царица.

Нелѣпое нѣчто происходитъ съ нашей психикой, — подумала царица, когда увидѣла снова свою любимую фрейлину, — обнаруживается одна маленькая точечка души человѣка и уже кругомъ становится свѣтло!..

„Благодарю васъ, Fräulein, благодарю!“

Она застала государя за бумагами, которыя онъ то бралъ въ руки, то отбрасывалъ на прежнее мѣсто.

Когда она вошла, онъ чрезвычайно обрадовался ей и покрылъ ея руки поцѣлуями.

Ей самой казалось, что она внесла съ собой радость.

„Надъ чѣмъ ты здѣсь призадумался, милый другъ?“

„Надъ будущимъ дѣтей нашихъ, прекрасная!“

Царица удивленно смотрѣла.

„Не понимаю!“ — сказала она, когда увидѣла его взолнованные глаза.

„Раскрытъ заговоръ!“ — радостно, но съ оттѣнкомъ смущенія сообщилъ онъ.

„Ну, да, я знаю вѣдь...“

„Нѣтъ, еще одинъ! Сегодня только узнали!“ и добавилъ, качая головой:

„Понимаешь?!..“

И онъ сталъ описывать картину раскрытаго заговора противъ него.

Казалось-бы, что это извѣстіе должно было ихъ обрадовать, но этого не было замѣтно, такъ какъ призракъ опасности былъ больше и сильнѣе своего финала.

Казалось, что раскрытіе заговора не имѣетъ никакого отношенія къ нимъ, а самый заговоръ только еще готовится.

Оба они хотѣли другъ друга подбодрить, успокоить и разсѣять, но слова выходили запутанными

и нерѣшительными, будто кто-то шепталъ имъ на ухо, что они не то говорятъ, что надо.

„Вотъ и слава Богу, — сказала царица, глубоко вздохнувъ и жадно втягивая воздухъ, — а у меня всѣ эти дни было какое-то дурное предчувствіе!.. Куда бы я ни пошла, гдѣ бы я ни сидѣла, кто-то шепчетъ мнѣ страшныя мысли...

Представь себѣ!!.

— „Вотъ какъ?! А, знаешь, я тоже такъ, какъ-то плохо чувствовалъ себя; но, признаться, мнѣ и теперь что-то не совсѣмъ хорошо, будто я боленъ инфлуэнцой: лихорадитъ меня и слабость чувствую. Надо-ка совсѣмъ свиснуть эксулаповъ!.. Впрочемъ, они еще предложатъ мнѣ постель и запугаютъ... Богъ съ ними, пускай ужъ такъ...

Царица и сама чувствовала себя не лучше, но она уже привыкла къ этому состоянію и смотрѣла на свое недомоганіе, какъ на неврастенію.

„Вотъ, читай, — сказалъ съ горькой улыбкой государь, доставая бумагу съ разными помѣтками и примѣчаніями, сдѣланными красными чернилами.

Царица старалась придать своему лицу возможное выраженіе спокойствія, такъ какъ государь слѣдилъ за ея глазами, въ ожиданіи впечатлѣнія, а печальная улыбка придавала ему равнодушный и слегка насмѣшливый видъ.

„Злые люди! Варвары!“ — произнесла царица,

какъ бы сама къ себѣ, и подняла на него глаза, которые мыслями были гдѣ то далеко-далеко.

„Вотъ я и говорю, — съ холодной и печальной ироніей продолжалъ государь свою первоначальную мысль, — не хотѣлось-бы мнѣ оставить сыну наслѣдство въ такомъ ужасномъ состояніи!...

„Оставь, оставь, что ты, Господь съ тобой!..

Царица потянулась къ нему и взяла его за руку.

— „Богъ дастъ, все пойдетъ, какъ надо!... Пройдетъ все это!..

— „А ты не хочешь остаться вдовушкой?... Регентшей?!! — печально смѣялся государь, у котораго глаза были холодны, но влажны.

Царица вздрогнула на эти слова, такъ какъ слегка насмѣшливый тонъ ихъ мѣшалъ ей думать о чемъ то важномъ.

Она даже выпустила его руку изъ своей и лицо ея показывало, что она рѣшаетъ какой-то вопросъ.

„Милый!... — заговорила она прерывистымъ голосомъ, — я хотѣла говорить съ тобой давно... Это невозможно!!.. — и она взяла его снова за руку, — Понимаешь, — это невозможно!!. Я чувствую, что я не перенесу этого!!. Ты долженъ что-нибудь придумать!!. Рѣшись на что-нибудь...

У царицы голосъ задрожалъ и блѣснули слезы.

— Во имя себя и меня, во имя нашихъ милыхъ

дѣтокъ, сдѣлай что-нибудь!!. пусть даже это будетъ... Уступи имъ!..

— „Что же я могу сдѣлать?.. Скажи сама!.. Развѣ они знаютъ, чего хотятъ?!. Они и сами не знаютъ!! Одни требуютъ одного, другіе другого!!. Развѣ ты не знаешь?!!

— „А ты отрицаешь, что существуетъ у насъ провокація?!.

— „Пусть, но, что же дѣлать?!"

— „Я не могу сейчасъ взяться рѣшить вопросъ государственнаго, мірового значенія!!. Объ этомъ надо хорошо подумать, но нельзя же остановиться, сложа руки, передъ опасностью!!. Необходимо!.. Я тебѣ много разъ говорила: нужно, прежде всего, имѣть твердое и независимое убѣжденіе!!.

Въ твоихъ рукахъ адскій аппаратъ, а ты смотришь на него, какъ на игрушку!!. Я помню, ты иной разъ высказываешься довольно авторитетно, но, къ сожалѣнію, когда дѣло требуетъ энергіи и рѣшимости, ты уступаешь каждому, кто сумѣетъ повліять на тебя!!.

Царица смягчила голосъ и закончила:

Я понимаю, что тебѣ плохо ... но ты принимаешь за настоящую монету все то, что должно быть противно тебѣ ... лесть и...

— „Голубушка, оставь эти басни!.. Мы съ тобой ничего не придумаемъ и законъ природы неизмѣненъ: одни будутъ требовать воды, а другіе

огня — единственное, что я могу: отчасти уступить однимъ, отчасти — другимъ — это единственно-возможное!.. И такъ должно остаться и впредь!.. Такъ и будетъ!! Понимаешь?!..

Государь говорилъ, прислушиваясь къ собственному голосу и черпая въ своихъ словахъ увѣренность.

Онъ откинулся на спинку кресла и сердито сказалъ:

— „Все ужъ переиспытано!..“

— „Я не могу! Я не могу! Я уѣду куда-нибудь!.. У меня ужъ больше силъ нѣтъ... Мнѣ страшно смотрѣть на себя!.. Когда я подхожу къ зеркалу, я пугаюсь!..“

— „Что же я могу подѣлать... Скажи врачамъ ... пусть...“

Царица посмотрѣла гнѣвно и покачала головой.

— „Вотъ я и говорю, что, можетъ быть, у тебя лучше пойдетъ ... если тебѣ придется быть регентшей...“

Зачѣмъ онъ сказалъ это, царь и самъ не зналъ, потому-что въ глубинѣ души у него не было предположеній, что ему придется разстаться съ міромъ.

Наболѣвшее измученное сердце царицы не выдержало испытаній и царица разразилась рыданіями.

Государь всталъ и растерянно забѣгалъ взадъ

и впередъ, ища глазами защиты, невѣдомо отъ кого и отъ чего.

„Это совсѣмъ ... чепуха! — сказалъ онъ вдругъ и позвонилъ, остановившись въ позѣ недоумѣнія.

Когда вошли слуги, прежде всего обратили свое вниманіе, на него, но онъ крикнулъ и затопалъ ногами.

Тогда они бросились къ царицѣ.

Появились и медики, и адьютанты, и фрейлины и поднялась такая суета, что царица, приходя въ себя, стала припоминать, что съ нею было, но не могла точно все представить себѣ, и рада была, что ее уложили въ постель и тихій, сладкій покой убаюкалъ ея усталое тѣло.

Когда она открыла глаза было въ комнатѣ сѣренько, какъ бываетъ въ осеннее утро или обычно вечеромъ; но царица не интересовалась узнать, какое время дня теперь, и ей хотѣлось еще остаться въ забытьи.

Она быстро закрыла глаза, чтобы не замѣтили, что она проснулась и снова стала погружаться въ сладкую дремоту.

Люди ходили вокругъ нея на цыпочкахъ и въ мягкой обуви по пышнымъ коврамъ, такъ, что тишина казалась совершенно беззвучной, будто тамъ не было ни души.

Дежурный врачъ и фрейлина замѣтили, что царица открывала глаза, но они не рѣшались

обезпокоить больную свою вопросомъ или просто услугой.

Докторъ даже сдѣлалъ жестъ, когда его помощникъ вытянулъ шею и хотѣлъ подняться со стула, показывая ему, что царицѣ надо дать побольше отдохнуть.

Вечеромъ въ этотъ день, когда къ государю явился съ экстреннымъ докладомъ министръ внутреннихъ дѣлъ, государь нервно закричалъ, даже не выслушавъ его:

„Ахъ, оставьте меня, ради Бога! Государыня больна, я тоже!.. Дѣлайте, что хотите!.. Мнѣ ужъ все равно!!.“

А когда министръ хотѣлъ услужить государю словомъ успокоенія, государь не хотѣлъ его слушать и перебилъ:

„Знаю! Все знаю!.. Всѣхъ знаю!..“ И махнулъ рукой.

Министръ ушелъ сконфуженный, точно уличенный воръ, который хотѣлъ бы казаться порядочнымъ человѣкомъ.

Онъ какъ-то согнулся, съежился и его обезкураженная фигурка показалась государю противной и жалкой, и онъ радъ былъ, что тотъ такъ скоро оставилъ его.

„Она права!.. Она права!“ — сказалъ самъ себѣ государь, расхаживая по кабинету и поглаживая бороду. Но я все таки не знаю, что дѣлать!..

Что бы сдѣлалъ на моемъ мѣстѣ батюшка?!

Ахъ, какъ я бы хотѣлъ имѣть его силу воли и рѣшимость!!

О, я бы имъ показалъ конституцію!.. Настоящую!!!. А такъ это получается, дѣйствительно, Богъ знаетъ что ... монархія, конституція, анархія ... диктатура и ни то, ни другое, ни десятое, а просто адъ какой-то...

И меня еще упрекаютъ!.. Да кто! Самый близкій человѣкъ, и тотъ противъ меня!..

Положимъ, она не противъ меня, но находитъ меня слабымъ для этой проклятой хитрости...

Что же мнѣ дѣлать?!! Что дѣлать?!! Не могу же я закричать на весь міръ, что мнѣ не надо ... никакой крови!!! Никакой!!! Понимаете, идіоты, я не хочу злодѣйствъ!!! Проклятіе!!..

Когда государыня открыла глаза во второй разъ, она увидѣла непріятно-сладкое лицо доктора, расплывшееся въ подкупающую улыбку.

Она поняла, что это лейбъ-медикъ, хотя и не узнала его сразу, но не могла догадаться, зачѣмъ онъ стоитъ надъ нею.

„Добраго здоровья, Ваше Величество!“ — заговорилъ онъ, кланяясь и тревожно ожидая милостиваго отношенія.

„Здравствуйте, докторъ! — равнодушно сказала государыня и посмотрѣла кругомъ.

„Долго ли я спала? — обратилась она ко всѣмъ.

Получилось нѣкоторое замѣшательство; докторъ держалъ въ рукахъ часы и растерянно шевелилъ губами, бѣгая глазами отъ царицы къ часамъ и возвращаясь ни съ чѣмъ, а только выражая свою растерянность; впрочемъ, вскорѣ онъ овладѣлъ собой, такъ какъ вспомнилъ, что ему, какъ врачу, неудобно обнаруживать разсѣянность, но, такъ какъ онъ все таки не могъ притти въ полное самообладаніе и спокойствіе, чтобы припомнить, когда его позвали къ царицѣ, когда ее привели въ себя и т. д., то онъ пожалъ плечами и сконфуженно обратился къ ассистенту:

„Коллега!

„4 часа 21 или 2 минуты!“ — поспѣшилъ второй врачъ, котораго главный врачъ всегда держалъ въ строгомъ подчиненіи себѣ и при первой возможности обезличивалъ.

„4 часа и 22 минуты, Ваше Величество! — повторилъ главный врачъ, будто это необходимо было. «А-а-а! Вотъ какъ!» произнесла царица, — я таки чувствую себя нездоровою...“

„Докторъ повернулся бокомъ къ тѣмъ, кто не имѣлъ къ медицинѣ прямого отношенія и подмигнулъ однимъ глазомъ, тѣмъ, котораго царица не могла замѣтить.

Это онъ далъ понять, что ему мѣшаютъ.

Но царица все таки замѣтила это и оно пока-

залось ей глупымъ и ненужнымъ. Она закрыла глаза.

Она слышала, какъ тѣ вышли, какъ лейбъ-медикъ нервно кашлянулъ, но ей не хотѣлось разговаривать и она бы готова была снова уснуть, забыться, но наступившая тишина показалась ей очень долго длящейся и томительной, а ожиданіе медика упрекомъ.

„Я чувствую только слабость и хотѣла бы лишь покоя“ ... сказала она будто тономъ жалобы.

„Не соизволите ли пульсъ, Ваше Величество?.. по крайней мѣрѣ пульсъ! — ограничился онъ, прекрасно зная, что царица ни чѣмъ серьезнымъ не больна и привыкшій къ ея нервнымъ припадкамъ.

„Пожалуйста!.. сказала государыня тѣмъ же безразличнымъ тономъ и неохотно протянула руку.

Она смотрѣла въ лицо ему и ей стало еще тягостнѣе ея состояніе вынужденнаго терпѣнія.

„Слава Богу, вполнѣ нормальный пульсъ! — произнесъ онъ вдругъ радостно, и осторожно положилъ ея руку на одѣяло.

„Благодарю васъ, докторъ!.. Я хочу чаю!.. можно съ виномъ?

„Полезно, Ваше Величество! Я распоряжусь, если соблаговолите, Ваше Величество...“

„Да, пожалуйста, кисленькаго чего-нибудь.“

Снова забѣгали люди, но по смежнымъ комнатамъ, а сюда явилась лишь та фрейлина, что поль-

зовалась особымъ расположеніемъ царицы; она принесла то, что надо было и осталась здѣсь.

То, что она такъ долго спала и съ трудомъ пробудилась и то, что она и теперь чувствовалъ себя усталою, царица объяснила дурно для себя, ожидая, что она не въ силахъ будетъ окрѣпнуть духомъ и снова понести тяжесть волненій и тревогъ.

Она апатично глотала чай, холоднымъ взоромъ смотрѣла на фрейлину и вдругъ, отстранивъ стаканъ, облокотилась на подушки. Фрейлинѣ показалось это страннымъ и она удивленно остановилась передъ нею со стаканомъ въ рукахъ, не зная какую позу принять.

„Я остаюсь одна!“ — заявила государыня и глазами проводила фрейлину, и плотно закрыла ими дверь.

Отъ вина у меня мысли сбиваются и ослабѣваютъ; напрасно я мало пила... Я не хочу къ нимъ туда!.. Не хочу!!

Губы царицы шептали слова, которыя вырывались сами собою, а она не отдавала себѣ отчета, что она говоритъ; ей казалось, что она бесѣдуетъ лишь съ собою и, что никто не знаетъ ея мыслей, такъ какъ она уже лежала съ закрытыми глазами и не вникала въ то, что, можетъ быть, ее окружаютъ люди, тѣ самые люди, что стали ей ненавистны.

Приближенные ея, что находились при ней те-

перь, были ошеломлены ея словами и испуганно переглядывались, какъ бы спрашивая другъ друга глазами, что бы это значило.

Но здѣсь же находился и врачъ, который зналъ, что температура у царицы нормальная, и ея слова не могъ объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ состояніемъ повышенной напряженности нервной системы.

И только онъ оставался спокоенъ, а остальные готовы были поднять тревогу.

Дѣло въ томъ, что врачъ, хотя онъ и не могъ присутствовать при разговорѣ государыни своей съ государемъ, но онъ догадывался, что за причина могла вызвать этотъ истерическій припадокъ, такъ какъ за послѣдніе годы ему часто приходилось быть свидѣтелемъ такихъ сценъ.

И въ то время, какъ окружающимъ царицу казалось непонятнымъ это явленіе, что царица упоминаетъ какихъ то „ихъ“, докторъ объяснялъ это вполнѣ просто и находилъ вполнѣ естественнымъ и то, что у царицы острое нервное разстройство и то, что вызвало это.

Въ послѣдніе годы, какъ я уже сказалъ, ему приходилось часто являться къ царицѣ въ подобныхъ случаяхъ; мало того, и самъ государь нерѣдко впадалъ въ состояніе остраго нервнаго разстройства. Зналъ докторъ причины и его заболѣ-

ваній. Ему даже казалось, что иначе и быть не можетъ.

Собственно, докторъ этотъ былъ единственнымъ человѣкомъ во дворцѣ, знавшимъ вполнѣ точно духовное состояніе своихъ высочайшихъ особъ, такъ какъ его положеніе, въ данномъ случаѣ, было наиболѣе удобнымъ для наблюденія.

Имѣя непрерывное общеніе съ обществомъ, живущимъ жизнью страны и черпая тамъ свѣдѣнія о положеніи внутренней политики въ данное время, и, зная все, что происходитъ въ странѣ, онъ въ то же самое время являлся ближайшимъ человѣкомъ не только къ государю и государынѣ, но и ко всѣмъ тѣмъ, кто именемъ государя создавалъ характеръ всему государственному строю въ любой моментъ.

Обычно, люди, стоящіе во главѣ государства, по необходимости своей быть „дипломатичными“, оставались преимущественно скрытными даже въ кругу самыхъ близкихъ, тамъ, гдѣ вопросъ касался дѣлъ государственной мудрости и ея хитрыхъ пріемовъ, и каждый изъ тѣхъ, кому поручена была участь страны, глубоко хранилъ свои тайные замыслы относительно веденія политики.

И едва ли когда-либо эти люди посвящали въ свои дѣла даже жену свою, считая для себя опаснымъ обнаружить свой открытый взглядъ на окружающее.

Но докторъ, который лѣчилъ государя, лѣчилъ и ихъ — министровъ и всю придворную „знать".

И являлся онъ къ нимъ въ такіе моменты, когда воля человѣка совершенно не подчиняется ему, и онъ становится безсильнымъ овладѣть собой.

Кто не знаетъ, что больные, въ смыслѣ слабости воли, уподобляются дѣтямъ?

И что передъ попомъ и докторомъ у человѣка меньше всего тайнъ.

Больной показываетъ врачу, что бы тотъ легче обнаружилъ болѣзнь, не только тѣло свое, но готовъ развернуть передъ нимъ всю душу, забывая, что передъ нимъ находится такой же человѣкъ, какъ и онъ самъ, и, не думая о томъ, надо ли ему то, что онъ говоритъ, или совершенно излишне.

Такимъ образомъ, докторъ часто являлся духовнымъ секретаремъ даже самого государя, который, въ минуты нравственныхъ потрясеній, совершенно теряя самообладаніе, жаловался своему доктору, какъ дитя матери, ища спасенья.

Доктору даже иногда становилось какъ-то неловко передъ государемъ, неловко и даже стыдно за него, что тотъ, во власти кого цѣлая страна, ищетъ въ комъ-то духовной поддержки, являясь безпомощнымъ, если не совершенно жалкимъ.

Но докторъ за свою многолѣтнюю практику уже привыкъ видѣть передъ собой безсиліе человѣка, поэтому онъ даже и къ монарху, въ которомъ

хотѣлъ бы найти исключительную личность, относился безъ малѣйшей критики, хотя иногда и не могъ не удивиться малодушію своего великаго паціента.

Одинахово же зналъ докторъ психику и своей вѣнценосной паціентки. Она, наоборотъ, поражала его, въ первые годы, своею сильной и устойчивой волей.

Но это длилось не долго, такъ какъ событія послѣднихъ лѣтъ не могли не оказаться сильнѣе человѣческаго самообладанія.

И докторъ, послѣ каждаго даже и маленькаго, но печальнаго событія въ государствѣ, ожидалъ быть приглашеннымъ къ своимъ царствующимъ паціентамъ.

Чѣмъ сложнѣе становились дѣла въ странѣ и острѣе внутренняя политика, тѣмъ больше падало на голову лейбъ-медика тяжелыхъ испытаній.

Но природа одарила его крѣпкимъ здоровьемъ и такими же нервами, а по его спокойной внѣшности, которая его самого удивляла, можно было судить, что этотъ человѣкъ не умѣетъ ни огорчаться, ни волноваться вообще.

Но то, что его лицо почти не выражало переживаній, казалось ему самому иногда возмутительнымъ, въ особенности въ моменты общаго горя.

Сознаніе несоотвѣтствія общему настроенію ли-

ца своего часто приводило его въ состояніе растерянности.

Съ этимъ онъ боролся всю жизнь. Но находчивость и природное спокойствіе выручали его въ самыя критическія минуты, и какъ разъ тогда обнаруживались въ немъ его большія способности дипломатическаго характера.

Въ эти дни, что больна государыня, со всѣхъ сторонъ къ нему пристаютъ съ вопросами относительно теченія ея болѣзни и стараются допытаться, что за причина вызвала это ея неожиданное и столь серьезное заболѣваніе.

Но докторъ знаетъ, къ чему ведутъ эти разговоры, знаетъ, что его одно лишнее или неосторожное слово можетъ повлечь за собою прежде всего что-нибудь дурное для его собственной персоны, а затѣмъ еще и непріятности для другихъ, поэтому его отвѣты настолько оффиціальны, что ихъ можно печатать въ дворцовой газетѣ.

Но и у него все таки имѣются люди, которымъ онъ не можетъ не разсказать, что происходитъ въ царскихъ покояхъ.

Жена и дѣти его знаютъ только то, что извѣстно всѣмъ придворнымъ, но есть одна дама, которая имѣетъ отъ него болѣе подробныя свѣдѣнія, чѣмъ всѣ, кто близокъ ему.

До этого знакомства, пока онъ имѣлъ общеніе съ дамами лишь постольку, поскольку того требо-

вали его соображенія, онъ былъ настолько замкнутымъ человѣкомъ, что этимъ даже гордился часто передъ самимъ собою.

Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ жизнь показала ему, что умомъ человѣкъ прожить не можетъ, что въ природѣ, созданной безуміемъ стихій, есть нѣчто болѣе властное надъ человѣкомъ, чѣмъ логика.

Онъ встрѣтилъ женщину, которая завладѣла всѣмъ его существомъ и сдѣлала его въ своихъ рукахъ тѣмъ безвольнымъ и покорнымъ человѣкомъ, какого онъ видитъ передъ собой такъ часто въ больной постели.

До того времени онъ испытывалъ у постели больного даже нѣкоторую долю удовольствія отъ сознанія своей силы воли, но теперь ужъ онъ относился къ человѣку, жалующемуся ему на свои горести и невзгоды, неимѣющія никакого отношенія къ болѣзни, болѣе сочувственно и сострадательно, чѣмъ когда-то, когда все казалось ему простымъ.

Теперь у него была та мудрость, которая вырабатывается у каждаго человѣка, соотвѣтственно его характеру, — воспріимчивости и умѣнію оріентироваться, — вырабатывается послѣ долгихъ лѣтъ очарованія и крушеній этого прекраснаго божка.

Онъ любилъ свою жену; съ любовнымъ вниманіемъ хорошаго отца думалъ о дѣтяхъ, но существо

его принадлежало одной, посторонней для его семьи, женщинѣ.

Ее онъ любилъ горячо, до безумія, до полнаго отсутствія логики; даже до безстыдства, такъ какъ даже сознался въ этомъ и женѣ, догадавшейся о его интимной дружбѣ съ этой женщиной.

Когда-то при дворѣ семейные устои были крайне нравственны, такъ какъ царь-предшественникъ считалъ этотъ вопросъ священнымъ, и очень жестоко обращался съ нарушителями семейнаго счастья.

Разумѣется, это положило отпечатокъ и на весь дворъ его.

Но, со вступленіемъ новаго государя, — это было въ эпоху декадентскаго искусства, — дворъ принялъ другой характеръ во всѣхъ отношеніяхъ: не стало прежней религіозности, разумѣется, что и патріархальность исчезла, но, казалось, что даже и всякое проявленіе индивидуальности государя, занявшаго престолъ, тоже ничѣмъ не обозначилось, кромѣ лишь распада прежняго „отсталаго“ и некультурнаго режима.

Когда разрушаютъ старое зданіе, то, обыкновенно, на его мѣстѣ строятъ новое.

Этого не сдѣлалъ новый государь, но старое зданіе само по себѣ стало распадаться, падая своими кирпичами на случайныхъ прохожихъ.

Можетъ быть, что духъ декадентства проникъ и во дворецъ, до самаго трона, но тамъ онъ принялъ уже болѣе страшный образъ, чѣмъ на полотнѣ, или на бумагѣ.

Но трудно сказать, что семейная нравственность придворныхъ стояла ниже общественной, хотя въ пользу общества, въ этомъ отношеніи, ничего отраднаго сказать нельзя было.

Говорили, что виновата революція, а за нею, или съ нею вмѣстѣ, анархія, которыя будто-бы и свели съ пути истиннаго благочестиваго и патріархальнаго Гименея.

Но скептики говорятъ, что развратники только искали случая, чтобы на кого-нибудь, на что-нибудь свалить тяжесть вины своей.

Вѣдь это проще всего сказать, что я сталъ пьяницей оттого, что мнѣ предложили выпить, но самъ по себѣ я не пьяница, а совсѣмъ трезвенникъ.

И это считалось нормальнымъ явленіемъ, что у придворнаго доктора была подруга сердца, еще болѣе близкая, чѣмъ жена.

Эта самая госпожа, несмотря на свое знатное происхожденіе, имѣла крайне незнатныя знакомства, а свѣдѣніями изъ дворца она пользовалась для иностранныхъ газетъ, куда и проникали тѣ „абсолютныя тайны“, что такъ тщательно запрятывались въ „высшихъ сферахъ“.

Я склоненъ даже повѣрить, что госпожа эта

служила и тому сосѣднему государству, гражданкой котораго она состояла.

И не будь она подъ высокимъ покровительствомъ лейбъ-медика, ее бы давно уже разоблачили и повѣсили, но такъ какъ этого не случилось, то она знала, какъ говорится, не особенно хотя эстетично, но характерно: всю подноготную высочайшихъ особъ.

И случалось съ тѣмъ самымъ докторомъ, котораго смѣло можно было бы назвать тайникомъ дворца, что его подруга иной разъ приводила ему въ примѣръ какой-нибудь случай изъ жизни его славныхъ кліентовъ, а онъ таращилъ глаза, удивляясь и принимая это за вымыселъ, такъ много невѣроятнаго было въ его сферѣ, — онъ самъ забывалъ, что это было имъ же передано.

То, что царица лежала въ постели, толковалось при дворѣ и за предѣлами его на всѣ лады.

Говорили, что царица хочетъ оставить дворецъ и уѣхать на родину, будучи не въ силахъ переносить тѣ нравственныя потрясенія, что являлись неизбѣжными при томъ неустойчивомъ и ужасномъ строѣ, который держался на окровавленныхъ штыкахъ.

Говорили, что царица требуетъ отъ своего супруга, чтобы онъ совершенно отказался отъ власти и покинулъ несчастную страну; вмѣстѣ съ тѣмъ, говорили нѣкоторые, что царица упрекаетъ царя

въ безволіи, въ неумѣніи удержать за собою прочную, непоколебимую власть.

Остальные разговоры и сплетни касались только личной жизни царствующихъ.

На этой почвѣ болтливые языки пустоголовыхъ бездѣльниковъ-дармоѣдовъ звонили неумолкая.

Передавали такія недостойныя мелочи интимнаго характера, что становилось жаль человѣческой души, которая способна черпать духовную пищу Богъ знаетъ изъ какихъ источниковъ.

Съ этой точки зрѣнія дворецъ казался какимъ-то чудовищнымъ притономъ мелкихъ, ничтожныхъ и пошлыхъ людей, и то, что онъ являлся господствующимъ надъ всей страной, казалось крайнимъ позоромъ для каждаго человѣка, въ комъ сохранилась не изуродованная душа и мысль работала здраво.

Не надо было принадлежать къ тѣмъ многочисленнымъ соціалистическимъ партіямъ, чтобы стать ненавистникомъ монархическаго строя, при которомъ все это возмутительное творилось при дворцѣ, подъ видомъ чего-то хорошаго.

И надо было быть очень невѣжественнымъ или страшно погрязшимъ въ свои личныя выгоды, чтобы совѣсть своя не упрекала въ принадлежности къ монархическому кругу людей.

Но, въ виду того, что различные интересы людей очень часто соприкасались другъ съ другомъ,

то нельзя было почти отрѣшиться отъ того или иного класса, хотя бы и крайне ненавистнаго, вотъ почему внѣшняя картина общественной жизни имѣла видъ, будто все, что дѣлается въ странѣ, такъ и должно быть, и что будто бы и полицейскій, и монахъ, и реакціонеръ, и соціалистъ, и кабатчикъ, и ученый — друзья, а если и не друзья, то, во всякомъ случаѣ, ничего одинъ противъ другого не имѣютъ.

Я отвлекъ Васъ, друзья мои, въ сторону, но, не правда ли, вѣдь иногда мы очень охотно смотримъ по сторонамъ, когда одному чему-нибудь удѣлили очень ужъ много вниманія, и намъ хочется передохнуть.

Впрочемъ, то, о чемъ мы сейчасъ будемъ говорить, не можетъ не интересовать читателя, который, можетъ быть, и ни разу въ жизни не былъ въ нашемъ дворцѣ, гдѣ все такъ прекрасно, что не хочется оставить его; но если мой читатель случайно окажется завсегдатаемъ дворца, то тѣмъ интереснѣй мнѣ напомнить ему ту великолѣпную обстановку, которую ему почему-либо не удалось хорошенько разсмотрѣть, оцѣнить и понять прелести, которыми она обвѣяна.

Я веду Васъ, милый собесѣдникъ, въ ту самую комнату, гдѣ мы оставили нашу разстроенную, больную и вѣчно одинокую духовно царицу нашу.

По мягкимъ дорогимъ коврамъ скользятъ неслышными шагами слуги царицы — все знатные-презнатные господа и госпожи, у которыхъ и своихъ слугъ десятки, а подчиненныхъ — и не сосчитать; а сами они: бароны, баронесы, графы, графини и т. п. — люди съ такими титулами, что смѣшно, право, что такіе важные господа, которые и говорить то лѣнятся и не привыкли, а картавятъ или шепелявятъ, а вдругъ да умѣютъ лакейничать лучше любой шестерки изъ купеческаго трактира.

Намъ вѣдь противно видѣть униженную и обезличенную фигурку трактирнаго слуги, стыдно намъ становится за человѣка.

Подобное же чувство испытывала царица, когда открывала глаза и видѣла раболѣпствующихъ барынь.

Но когда она вспоминала, что за окнами ея комнаты, можетъ быть, какъ разъ въ этотъ мигъ вѣшаютъ юношу или дѣвушку, разстрѣливаютъ или истязаютъ голодныхъ крестьянъ, — она судорожно пряталась подъ одѣяло, прижималась къ подушкамъ и шептала слова, которыя исходили изъ глубинъ души ея:

Господи! Всемогущій, за что?!. Господи, Ты требуешь отъ меня возмездія?!! Но не Ты ли меня привелъ сюда?!

Ты помнишь, какъ я молилась Тебѣ, ища Твоего благословенія!! Развѣ я знала куда иду!! Ты самъ

завязалъ мнѣ глаза и повелъ покорную и кроткую туда, гдѣ Тобою же уготованъ былъ мой удѣлъ!.. Я не умѣю молиться, но вѣдь Тебѣ не надо словъ человѣка, а душа моя обнажена передъ Тобою и къ Тебѣ взываетъ!...

Если Ты, Великій и Всемогущій Духъ милосердія, меня оставишь, то гдѣ и въ комъ мнѣ искать защиты и спасенья?! Всѣ окружающіе построили свое благосостояніе на моихъ мученьяхъ!.. Ты это видишь! Неужели же мнѣ нести свой крестъ за этихъ людей!...

Или Ты благословляешь ихъ злые помыслы, а меня приносишь имъ въ жертву?

Великій! Укрѣпи мою душу! Можетъ быть, я тогда пойму пути, указанные мнѣ Тобою!..

Я готова вѣчно служить Тебѣ! Только Тебѣ, но укажи мнѣ путь!!..

Я буду кротко нести страданія и даже найду въ нихъ радость души своей, но не оставляй меня одинокою среди враждующихъ и другъ другу ненавистныхъ!.. Ты такъ могучъ и щедръ, а ко мнѣ Ты жестокъ, какъ человѣкъ не знающій пощады!..

Или Тебѣ нужны мои слезы?!!

Царица лежала въ состояніи полузабытья около двухъ недѣль, и за ея здоровье пересталъ ручаться врачъ, пришедшій къ заключенію, что средства противъ ея недуга безсильны, что весь его

мудрый и ученный опытъ врача не имѣетъ, въ данномъ случаѣ, никакого значенія; а то, что онъ сидѣлъ у постели больной, прописывая лекарства и каждый разъ придумывая что-нибудь, казалось и ему самому недостойнымъ и безцѣльнымъ.

Царь тоже уже относился къ врачамъ безнадежно и впалъ въ отчаяніе.

Съ подчиненными онъ сталъ обращаться нервно и озлобленно, какъ человѣкъ сознавшій, что его окружаютъ злые люди, думающіе только о себѣ.

„Дѣлайте, что хотите! — выкрикивалъ онъ, когда къ нему лѣзли съ докладами министры.

А иногда онъ совсѣмъ говорилъ:

„Я ничего не понимаю! Уйдите! Оставьте меня!..“

Министры уходили бочкомъ, съ виноватымъ видомъ, будто поняли, что они и являются причиной несчастій царя и народа, но, какъ только они выходили изъ царской комнаты, они становились прежними деспотами и гнули свою линію, не считаясь съ жертвами съ той и другой стороны. Имъ это было удобно, что при дворцѣ царитъ полный упадокъ духа.

Теперь они почувствовали себя безконтрольно-полновластными правителями страны и отдавали отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ лишь своей совѣсти, которая у нихъ давно уже закрыла глаза, — ми-

нистры и такъ никогда не считаются съ этимъ нѣжнымъ существомъ, а теперь и тѣмъ болѣе.

Полилась по землѣ новая волна крови людской; новыми слезами оросились деревни; воплями, молитвами, проклятіями и стонами огласилась страна.

И подъ музыку смерти командовали царскіе ставленники съ какимъ-то безумнымъ сладострастіемъ.

Нѣкоторое время, когда царю дѣйствительно хотѣлось повести правленіе на новый ладъ, подражая въ этомъ Европѣ, пытки и казни въ государствѣ его производились нѣсколько „дипломатично“ и тайно, а теперь, когда вся власть очутилась въ рукахъ людей, пришедшихъ „поцарствовать“ во время общаго смущенія, висѣдицы уже вытащили на улицу и политика уже пошла самая беззастѣнчивая:

„Высѣку!..“ —

Не стыдно было сказать министру, когда къ нему обратились съ вопросомъ объ успокоеніи учащихся.

„Стрѣлять безъ предупрежденія и разбора!“ — объявлялось въ приказахъ.

А палачамъ выдавались награды, и были обѣщаны всякія милости не только имъ, но и всему ихъ потомству.

Вѣроятно, ничего бы подобнаго не было, если бы самому царю пришлось командовать тѣми отрядами, что разстрѣливали уличную толпу, — царь

скорѣе готовъ былъ бы отказаться отъ трона, нежели видѣть чужія муки, не правда ли?

Или вы считаете его столь жестокимъ?

Вы были бы не правы.

Очень много дурного мы дѣлаемъ только потому, что не можетъ нашъ мозгъ обнять всей огромной картины зла, которая получается результатомъ нашего поступка; а если принять во вниманіе нашу врожденную склонность смотрѣть на вещи, не углубляясь въ нихъ, то станетъ яснымъ, что человѣкъ, который „предвидитъ", не способенъ чинить зло.

Доказательствомъ можетъ служить даже и тотъ извѣстный всѣмъ фактъ, что часто и самый лютый преступникъ бѣжитъ въ полицію и заявляетъ самъ, что онъ убилъ.

Если бы онъ заранѣе могъ представить себѣ тотъ ужасъ, что долженъ переживать убійца, развѣ у него поднялась бы рука на человѣка?!

Но вы скажете, что все это является очевиднымъ только post factum?!

Я соглашусь съ вами, что раньше намъ очень трудно представить себѣ что-либо, пока оно еще не явилось и не стало терзать насъ; но это все примѣнимо къ тѣмъ, кто еще не испыталъ мукъ раскаянія.

Тотъ же, чьимъ именемъ прикрываются начальники полиціи и руководители политики, уже на-

дѣленъ достаточнымъ опытомъ; для него не ново ощущеніе раскаянія.

Ахъ, читатель мой терпѣливый и снисходительный, я хотѣлъ доказать вамъ, что государь не способенъ лично руководить отрядомъ, избивающимъ своихъ; что проливается много крови родной только потому, что царь лишь подписываетъ бумаги, но не представляетъ себѣ того ужаса, что создается его коротенькой подписью, но, какъ видите, я еще не достигъ своей цѣли и мнѣ придется потолковать съ вами объ этомъ на одной изъ послѣдующихъ страницъ, если насъ не отвлекутъ другія мысли.

Теперь мы должны вернуться къ царицѣ, оставленной совершенно одинокою духовно.

Она больна и никто изъ смертныхъ помочь ей не можетъ.

Напрасно думаютъ люди, что неизлѣчимыми болѣзнями имѣютъ право считаться лишь физическія, если исключить умопомѣшательство, но я считаю страданіе души мучительнѣе тѣлеснаго.

Этотъ ужасный недугъ постигъ нашу прекрасную, какъ человѣкъ, царицу.

Если намъ жаль тѣхъ, кто никогда не видѣлъ лучей радости, то съ какимъ нѣжнымъ состраданіемъ мы должны отнестись къ существу, которое такъ жестоко обмануто насмѣшливой судьбой, какъ наша свѣтлая принцесса.

Или вы не помните ея лучезарныхъ грезъ, ко-

гда она мечтала осчастливить тотъ народъ, къ которому судьба приведетъ ее во дворецъ?!

Вы забыли, что всѣ чувства принцессы были направлены только къ благу людей?!

Развѣ думала когда нибудь принцесса о своемъ личномъ счастьѣ?

Она училась, чтобы знать, въ чемъ тайна человѣческаго благосостоянія, въ чемъ печали, въ чемъ радости; хотѣла найти пути къ общей радости.

Правда, она увлекалась науками, забывая о своей душѣ, но развѣ науки не заслуживаютъ большой жертвы?

Люди вѣдь говорятъ, что во имя науки можно жертвовать всѣми благами земли...

Развѣ принцесса такъ ужъ стремилась въ царицы?

Вы сами знаете, что нравственный обликъ принцессы могъ вызвать зависть у кого угодно.

Я отъ души радъ сообщить вамъ, что родные царицы, пріѣхавшіе къ ней теперь со всѣхъ концовъ земли, нашли единственнымъ спасеніемъ для нея — путешествіе и, не смотря на несогласіе со стороны государя, который почему-то не хотѣлъ согласиться съ доводами родныхъ своей супруги, они все таки убѣдили его, а больная не противилась. Царицу увезли.

Странно, что въ тотъ часъ, когда вопросъ о прогулкѣ по морю уже былъ рѣшенъ, царица сразу,

къ удивленію всѣхъ окружающихъ, почувствовала себя бодрою, какъ-бы совершенно переродившеюся.

Причину мы узнаемъ со временемъ.

Тогда и многое, что пока для насъ остается загадочнымъ, выяснится.

Въ государствѣ въ это время царило внѣшнее спокойствіе, но это было угнетенное молчаніе растерявшихся рабовъ.

Притворное равнодушіе тяжко больного.

Но все это не мѣшало каждый день отправлять на тотъ свѣтъ молодыхъ людей, у кого нашли какую-нибудь запрещенную книгу и заподозрили его въ злыхъ намѣреніяхъ.

Царица легко и свободно вздохнула, когда прекрасно оборудованный пароходикъ ея сталъ отдаляться отъ берега, оставляя тамъ всѣ эти черные тяжелые дни и безсчетный строй ужасныхъ призраковъ.

День былъ знойный и ярко солнечный; земля оставшаяся отрѣзанной отъ царицы, казалась ей теперь игрушечной и спокойно мечтательной, совсѣмъ не страшной, какъ тамъ, въ дѣйствительности.

Съ берега еще доносятся звуки провожающаго оркестра, что еще болѣе успокаиваетъ и доказываетъ, что земля, которую оставила царица, любитъ ее и не хочетъ разстаться со своей государыней.

У царицы даже мелькнула мысль, что она все

это сама преувеличила и совершенно напрасно создала поѣздку, которая ей кажется теперь даже излишнею.

Дома она все же заглядывала въ свою укромную рабочую комнатку и тамъ ей удавалось уединиться со своими мыслями и совершать полеты болѣе интересные, чѣмъ это путешествіе, гдѣ и нельзя писать, такъ, какъ дома, хотя бы и было приспособлено судно идеально, во всѣхъ отношеніяхъ, — писать все таки будетъ трудно. Впрочемъ, — подумала царица, — можетъ быть, удастся.

Царицѣ не давали остаться одной, уединяться съ мыслями и все время старались развлекать и веселить ее.

Лились остроты, и смѣхъ царицы поощрялъ остряковъ и развязывалъ всѣмъ языки; казалось, что ей такъ весело, что не остается желать ничего лучшаго.

Но царица, отдѣлываясь отъ всѣхъ любезной улыбкой или роняя случайно самый невольный смѣхъ, нервно озиралась, какъ человѣкъ, послѣ долгаго ареста, выпущенный на свободу.

И все ее интересовало и казалось ей новымъ и привлекательнымъ.

Берегъ все съуживался и уже казался сѣренькой желтоватой лентой, протянутой между синезеленымъ стекломъ моря и голубымъ куполомъ неба. Въ водѣ играли раковинки золотыхъ лучей, груп-

пируясь то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, а то разсыпаясь по морю цѣлыми снопами ржи.

А вблизи, подъ судномъ, море раздваивалось и его густо-синій разрѣвъ все время тянулся изъ подъ кормы и тамъ, позади, заплывалъ, покрываясь пѣной далеко вокругъ. А пѣна сверкала расплавленнымъ серебромъ, мѣстами блестя бисеромъ и перламутромъ.

Можно было долго-долго смотрѣть внизъ и все находить новыя краски и лучи, новыя сочетанія и безчисленные переходы линій и цвѣтовъ воды.

Казалось, что самое богатое красками въ природѣ — вода, колеблемая вѣтромъ и озаренная солнцемъ.

Царица смотрѣла на стальное поле, по которому катятся причудливые валики, сверкая расплавленнымъ металломъ и искрясь инеемъ и разноцвѣтными огоньками.

Она забыла о томъ, куда она ѣдетъ, откуда, — не хотѣлось думать ни о чемъ, а то, что ея спутники наполняли палубу веселымъ смѣхомъ, придавало настроенію царицы характеръ безпечности.

Налеталъ откуда-то легкій душистый вѣтерокъ, шаловливо играя съ одеждами путешественниковъ и навѣвая тихія сладкія грезы.

Гдѣ-то далеко раздался звукъ музыки — это съ берега донесся прощальный голосокъ корнетъ пис-

тона, который все еще не хочетъ разстаться со своей государыней.

Въ этотъ день государь получилъ извѣстіе объ убійствѣ его любимца и опоры — министра внутреннихъ дѣлъ.

Это было для государя ужаснымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что казалось, что опасность со стороны — „красныхъ“ миновала.

И безъ того царь чувствовалъ себя удрученнымъ неудачами, а это извѣстіе и совсѣмъ разстроило его.

Онъ метался по кабинету, какъ совершенно растерявшійся человѣкъ, нисколько не стѣсняясь никого изъ окружающихъ.

Но товарищъ министра, который явился къ нему съ докладомъ и который не безъ основанія надѣялся замѣнить собою своего убитаго начальника, успокаивалъ государя и обнадеживалъ, что, если ему государь дастъ полномочія, въ странѣ возстановленъ будетъ такой образцовый порядокъ, какой можетъ быть только желателенъ Его Величеству.

Разумѣется, государь готовъ былъ подчиниться необходимости и поручить возстановленіе порядка кому угодно, лишь бы не было жутко оставаться въ своемъ государствѣ.

Въ душѣ государь сознавалъ, что, если этотъ господинъ станетъ успокаивать страну, потоками польется кровь многихъ даже невинныхъ и нисколь-

ко непричастныхъ къ политикѣ, но объ этомъ ему даже не хотѣлось думать въ эту грозную минуту, когда онъ потерялъ своего надежнѣйшаго правителя.

„Что найдете нужнымъ! Что найдете нужнымъ!“ — согласился государь и ему показалось, что передъ нимъ именно тотъ человѣкъ, который можетъ уничтожить „красную гидру“.

Къ какимъ мѣрамъ „успокоенія“ прибѣгалъ новый полновластный ставленникъ, читателю не трудно догадаться, такъ какъ это былъ бывшій начальникъ жандармской полиціи, и вся его карьера держалась на трупахъ казненныхъ соціалистовъ.

Прежде всего онъ запустилъ свои кровавыя руки въ казну, объясняя это необходимостью увеличенія охраны, а потомъ и началась мертвая оргія успокоенія.

Вооруженные съ головы до ногъ дикари-холопы рыскали по улицамъ и домамъ и чинили расправу надъ правыми и виноватыми, насилуя однихъ духовно, а другихъ — женщинъ въ самомъ простомъ смыслѣ; а царю докладывалось, что дѣло идетъ на ладъ, что еще немного времени и государство зацвѣтетъ пышнымъ цвѣтомъ благополучнаго спокойствія.

Но, наученный опытомъ печальнаго прошлаго, государь не приходилъ въ восторгъ отъ этихъ донесеній, такъ какъ все-таки каждый день обнаружи-

вались то здѣсь, то тамъ, печальные факты: находили цѣлые склады оружія, бомбы, адскія машины, раскрывали заговоры и т. п.

Въ дѣйствительности все это было въ значительно меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ докладывалось запуганному и растерявшемуся царю, но тѣмъ самымъ убивали въ немъ бодрость, какая еще могла сохраниться у него, и показывали ему свои энергичныя дѣйствія.

Чтобы царю казалась угрожающею и требующею серьезной борьбы картина готовящагося открытаго возстанія, агенты, живущіе недоразумѣньями между царемъ и народомъ, провоцировали все, что только давало имъ возможность показать свою дѣятельность, въ смыслѣ защиты правъ своего государя.

Агенты подбрасывали прокламаціи, оружіе, подговаривали своихъ людей, чтобы тѣ заявили, что ихъ подкупали революціонеры для заговора противъ особы государя и т. п., а потомъ доносили, что раскрытъ „новый заговоръ“.

Виновныхъ, тѣхъ, кто игралъ въ этомъ подставную роль, арестовывали лишь для вида и вскорѣ выпускали, а тѣхъ, кто удачно оговоренъ былъ, попадалъ на висѣлицу; результатомъ было то, что предатели получали награды.

Не смотря на хитроумную постановку „дѣла“, ставленники все таки не могли успокоить ни на-

родъ, ни своего государя: народъ все больше возмущался, государь впадалъ все больше въ меланхолію.

Напрасно утѣшали его приближенные, напрасно вѣшали они людей — царь терялъ почву подъ ногами и лишился сна и аппетита, сталъ заговариваться.

Врачи дурачились, прописывая ему разныя лѣкарства и притворялись непонимающими причины его ужаснаго состоянія.

Да развѣ кто-нибудь задумывался о томъ, какъ чувствуетъ себя государь? Каждый думалъ только о томъ, чтобы стать выше другого, хотя бы пьедесталомъ послужили трупы кого угодно.

Такъ оно и было: дурачилъ и дурачился одинъ, пока его политика казалась обѣщающей, а когда обнаруживалось его банкротство, его „съ честью“ отправляли въ государственную коллегію, гдѣ люди доживаютъ свой вѣкъ на казенныхъ хлѣбахъ, ничего не дѣлая, а лишь высказывая ненужныя мысли о томъ, хорошо ли ведетъ свое дѣло такой-то головорѣзъ или нѣтъ.

Тамъ они доживали до глубокой старости, почивая на лаврахъ кровавыхъ подвиговъ своихъ. Потомъ ихъ хоронили со всѣми почестями, а дѣти ихъ ужъ имѣли за собой привиллегіи своихъ отцовъ и шли по стопамъ ихъ.

Чертъ знаетъ, что творилось въ государствѣ

этомъ, гдѣ царь являлся лишь свидѣтелемъ, но не активнымъ правителемъ.

Грабили казну, убивали сотни, тысячи людей, щеголяли въ маскарадныхъ костюмахъ, блестя ворованнымъ золотомъ своихъ мундировъ и пируя на великомъ кладбищѣ своей родины, залитой слезами и кровью.

Эти люди были до того пошлы, что еще и требовали уваженія отъ окружающихъ и появлялись на улицѣ съ высоко-поднятой головой, очевидно, считая за великую заслугу то, что они дѣлали.

Какъ разъ объ этомъ сейчасъ думала царица, когда смотрѣла въ ту сторону палубы, въ которой, изъ за капитанскаго мостика, можно было видѣть только частью.

Тамъ стоялъ молодой офицеръ, фамилію котораго царица забыла, но его лицо запомнила, въ виду его крайне фальшивыхъ и кокетливыхъ манеръ.

Очевидно, онъ бесѣдовалъ съ дамой, потому-что теперь въ его движеніяхъ замѣчалась нѣкоторая нѣжность и экзальтація, въ то время какъ всегда въ немъ, бросалось въ глаза, скорѣе всего самомнѣніе. Онъ не зналъ, что царица замѣтила его и наблюдаетъ, иначе бы онъ сразу растерялся; растерялся бы въ началѣ, а потомъ сталъ бы принимать позы.

Смѣшнымъ и наивнымъ казался онъ царицѣ, и на этомъ отдыхала ея мысль, всегда мрачная и

неудовлетворенная. Царица представляла себѣ его психику и міровоззрѣніе, что если дама, съ которой онъ ведетъ разговоръ, улыбается ему, ему становится вполнѣ весело и хорошо, въ то время онъ думаетъ только о томъ, чтобы какъ можно больше сорвать лавровъ побѣды, относительно соперниковъ, а мысли его? —

Какъ далеко онѣ могутъ простираться, когда все его вниманіе поглощено внѣшностью формъ, даже можно сказать, что внѣшностью именно той формы, которою онъ такъ гордо щеголяетъ.

У него еще только едва пробиваются усы, и онъ съ нетерпѣніемъ пощипываетъ пушокъ на своей женственной губѣ.

Ему, должно быть, очень хорошо... Его лицо всегда готово выразить свое доброе расположеніе души.

Такъ часто улыбаются очень молодые люди или очень дурные и хитрые; но у первыхъ улыбка всегда выражаетъ больше наивности, чѣмъ нѣжности и любви, а у вторыхъ она, если можно такъ сказать, она обработанная, но колючая и злая.

Иногда даже не разберешь, улыбается человѣкъ этотъ, или онъ сдѣлалъ глупую гримасу звѣря.

Офицерикъ, однако, замѣтилъ вдругъ на себѣ пристальный взоръ государыни и сразу настолько растерялся, что кого-то, мимо проходившаго, толкнулъ локтемъ и, очевидно, тотъ, кого онъ нечаянно

вадѣлъ, былъ важнѣе его по положенію, или еще по чему нибудь другому внушалъ къ себѣ уваженіе, потому-что, вмѣсто того, чтобы повернуться лицомъ къ государынѣ, стать во фронтъ и сдѣлать ей подъ козырекъ, онъ стушевался и сдѣлалъ два-три движенія, которыя обнаружили въ немъ отсутствіе находчивости и подчеркнули его незрѣлый возрастъ.

Царица видѣла, какъ тамъ получилась какая-то неловкость, и въ тотъ же мигъ отвела глаза въ другую сторону.

Здѣсь она встрѣтила милую улыбку своей любимой компаньонки — испанки, съ которой любила говорить о характерѣ ея родины. Что-то странное было въ томъ, что царицѣ пріятно было слушать о народѣ, который, считаясь культурнымъ, не только не освободился до сихъ поръ отъ дикихъ инстинктовъ кровавой древности, но и теперь, въ XX-мъ вѣкѣ, съ гордостью поддерживаетъ ихъ, не понимая, что этого надо стыдиться, по крайней мѣрѣ.

Царица была когда-то въ Испаніи и въ честь ея тогда было устроено особено-парадное и торжественное представленіе въ циркѣ. Ей показали бой быковъ.

Если бъ ей описывали испанцевъ въ смыслѣ ихъ образа жизни, вѣрованій, науки, искусства, семейной жизни, словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, кро-

мѣ ихъ способовъ развлеченій, центромъ чего является у нихъ циркъ, — нельзя было-бы составить себѣ такого полнаго понятія объ этомъ народѣ, какъ тогда, когда передъ царицей развернулась картина представленія въ циркѣ.

Когда вы знаете человѣка много лѣтъ и у васъ получилось даже основательное представленіе о его личности, которое рисуетъ его въ самомъ даже привлекательномъ видѣ, но вы вдругъ узнаете, что онъ совершилъ убійство, сразу все, то, что вы знали о немъ, куда-то безвозвратно проваливается, и остается только тотъ страшный силуэтъ убійцы, который выросъ передъ вами въ одно мгновеніе.

Напрасно васъ будутъ убѣждать, что онъ всегда былъ очень хорошимъ человѣкомъ, что „это“ случилось, можетъ быть, вовсе не по его винѣ, вы уже не видите того, котораго знали раньше, будто тотъ умеръ, а это уже другой, ничего общаго съ первымъ неимѣющій. Того вы, можетъ быть, даже любили, а этого вы боитесь, и вамъ противно было бы смотрѣть ему въ глаза.

Такое чувство къ испанцамъ испытывали тѣ, кто, по книжнымъ описаніямъ, очарованный красотою ихъ природы, эксцентричностью ихъ характера, оригинальностью внѣшней красоты и многимъ, что кажется намъ особенно любопытнымъ, — пріѣзжалъ въ вѣчно-солнечную и вѣчно-зеленую страну и его увлекали, наконецъ, туда, гдѣ надѣялись

восхитить туриста самымъ интереснымъ зрѣлищемъ, лучше котораго испанецъ и знать не хочетъ.

Это тотъ самый бой быковъ, который остался у царицы эмблемой духовнаго развитія бывшихъ знаменитыхъ фанатиковъ-инквизиторовъ.

Въ тѣ часы, когда царицѣ казалось ужаснымъ то состояніе, въ которомъ находилось ея государство, и она переносилась мыслями въ современную Испанію, иное міросозерцаніе получалось у нея; иное понятіе о взаимоотношеніяхъ людей, о нравственности, о долгѣ, о жизни, о Богѣ.

Все мѣнялось въ основѣ своей. Казалось, что жизнь не представляется никакою особенной цѣнностью; ничего священнаго нѣтъ въ душѣ человѣка и, что всѣ законы добра, любви и справедливости настолько условны, что о нихъ и не стоитъ думать.

Къ царицѣ много разъ подходили прислуживаться, но она не обратила ни на кого никакого вниманія, и ее уже рѣшили оставить въ покоѣ, ожидая лишь на разстояніи, не потребуетъ ли она чего-нибудь.

Здѣсь, гдѣ расположилась царица, было пріятно прохладно; солнце легко и мягко ласкало сквозь матерчатую крышу, а вѣтерокъ приносилъ дыханье волнъ.

Легкій плескъ воды казался шопотомъ моря;

хотѣлось сидѣть здѣсь такъ и молчать, или говорить о чемъ-нибудь смѣшномъ и неволнующемъ.

Испанка, которая пользовалась расположеніемъ царицы, знала, что царица охотно слушаетъ ея болтовню объ Испаніи, но теперь она не подумала о томъ, что это было бы въ настоящую минуту очень кстати.

Царица была въ хорошемъ, сравнительно, расположеніи духа. Она смотрѣла на гибкую фигуру своей спутницы и видно было, что царица настроена пошутить.

„Мы ѣдемъ прямо къ Вамъ въ апельсиновую рощу, — хорошо? — сказала ласково царица, не смѣясь.

Та поняла, что царицѣ угодно поговорить о ея милыхъ островахъ.

„Теперь у насъ хорошо: скоро будутъ снимать виноградъ, а мока онъ блеститъ отъ солнца, какъ янтарь“...

Она остановилась, чтобъ провѣрить, дѣйствительно ли интересно царицѣ слушать ее.

Царица смотрѣла внимательно ей въ глаза и, казалось, думала совершенно о другомъ, но выраженіе глазъ ея было благосклонное.

— „Теперь у насъ, какъ разъ, самый сезонъ игръ“...

— „Но игры эти ужасны!.. Сознайтесь, вѣдь

въ этомъ не можетъ быть удовольствія, когда выводятъ этихъ несчастныхъ быковъ!..

„Ваше Величество!“...

„Говорите!“

„Я хотѣла сказать... Ваше Величество, что животныхъ никто не щадитъ; ни въ одной странѣ...

„Но у Васъ изъ этого дѣлаютъ забаву... Я помню, когда тамъ, въ Мадридѣ, не помню на какой площади, когда въ циркѣ заиграла музыка и вышли эти актеры, а затѣмъ появились эти несчастныя животныя, обреченныя на мучительную смерть... Впрочемъ, Вы правы: у людей нѣтъ къ животнымъ состраданія“...

Царица засмѣялась печальнымъ смѣхомъ.

— Когда мы говоримъ о вегетаріанцахъ, у насъ является невольно ироническая улыбка, въ то время, какъ мы вполнѣ раздѣляемъ ихъ благородный взглядъ... Вы правы: если можно убивать быковъ для мяса, то почему же нельзя этого дѣлать для высшихъ запросовъ человѣка?! Но я бы сказала, что едва ли мы могли бы присутствовать тамъ, гдѣ убиваютъ быковъ мясники, а въ циркъ приходятъ съ исключительнымъ намѣреніемъ — посмотрѣть, какъ будетъ метаться въ предсмертныхъ судорогахъ этотъ безсознательный и невольный актеръ... которому для перваго знакомства вонзаютъ въ затылокъ нѣсколько стрѣлъ!..

Нѣтъ, вы едва ли уходите изъ цирка безъ тяжелаго чувства раскаянія, которое мнѣ кажется неизбѣжнымъ... Подумайте!.. Нѣтъ, лучше не будемъ объ этомъ говорить, а то предо мной встаетъ полная картина этого возмутительнаго зрѣлища"...

Царица увидѣла лицо своей собесѣдницы и ей показалось, что та очень обижена и оскорблена въ патріотическихъ чувствахъ, а ей не хотѣлось видѣть передъ собою человѣка, который чувствуетъ себя столь удрученнымъ и подавленнымъ.

И царица ласково улыбнулась, а вслѣдъ за улыбкой у нея измѣнилось направленіе мыслей.

— Дайте, пожалуйста, бинокль! — обратилась государыня къ матросу, который стоялъ вытянувшись, какъ въ строю.

Къ государынѣ протянулись нѣсколько рукъ съ биноклями, но, когда глаза ея остановились на одномъ изъ нихъ, остальныхъ не стало, будто они свалились въ воду.

Царица наставила бинокль. Вблизи небо было почти ярко-голубое и казалось прозрачнымъ, глубокимъ, а тамъ, на горизонтѣ, гдѣ вода приняла почти молочно-сѣрый оттѣнокъ, не было замѣтно разницы между морской равниной и эфирнымъ куполомъ, и линію горизонта можно было опредѣлить только предположительно.

Рука царицы опустилась, глаза остановились и впились въ одну точку, будто она разсматривала

что-нибудь любопытное; и всѣ уставились глазами туда, куда направленъ былъ взоръ ея.

Но они ничего не нашли тамъ и обратили вниманіе на царицу. Можетъ быть, еслибъ она не забывала, что каждый жестъ ея, каждое движеніе, производятъ кругомъ маленькій, но все же переполохъ, она, вѣроятно, не захотѣла бы служить мишенью для многочисленныхъ глазъ, въ особенности тогда, когда ей хочется грезить или, просто, о чемъ-нибудь думать; но она теперь не замѣчала, что всѣ смотрятъ на нее, а когда увидѣла, все-таки не захотѣла уступить имъ.

Она даже подумала такъ:

Если я стану подчиняться чьему-либо вліянію, а тутъ еще вліянію каждаго, то я совсѣмъ заболѣю. Пусть они вертятся, преслѣдуютъ меня глазами, и все, что имъ угодно, — я не стану для нихъ притворяться развязной или веселой; все равно обо мнѣ уже ходятъ цѣлыя легенды...

Это ужасно!..

Я хотѣла бы знать, кончится ли когда-нибудь это глупое положеніе мнимо счастливаго человѣка?!.

Я совсѣмъ сейчасъ заплачу!.. Ей-Богу, заплачу такъ, что они всѣ съ ума сойдутъ!"..

Когда эта болѣзненная мысль пронеслась у царицы, оставивъ свой тяжелый и горькій осадокъ, ей показалось, что всѣ уже видятъ ея слезы, ко-

торыя таки подступили къ глазамъ и стало больно сердцу.

Въ это время къ ней подошелъ пажъ, — онъ шелъ такъ плавно, будто ноги его были сдѣланы изъ резины, и, изогнувшись, сталъ просить соизволенія ея относительно музыки; капельмейстеръ хотѣлъ щегольнуть своимъ произведеніемъ, посвященнымъ государынѣ и созданнымъ въ честь ея дня рожденія.

Царица кивнула головой и поблагодарила.

Посыпались, черезъ минуту, нѣжные пѣвучіе звуки серебряныхъ трубъ; полились смѣющіеся голоса кларнетовъ; заплакали дѣтскимъ плачемъ флейты и, обгоняя другъ друга, а порою останавливаясь и уступая побѣдителю дорогу, звенѣли своими многочисленными голосами; но вотъ пропѣлъ гобой грознымъ голосомъ маленькаго человѣка, который и стонетъ, и молится, и взываетъ, точно покинутая молодая дѣвушка или влюбленный пастушокъ, влюбленный въ свою умершую невѣсту.

Звуки, какъ горсти монетъ, маленькихъ и крупныхъ, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ, и, какъ дробинки, разсыпаемыя чьей-то рукой на металлическій большой подносъ, наполняли тишину, нарушаемую только шопотомъ волнъ, — радостью, надеждами, веселымъ и тоскующимъ смѣхомъ, и унося человѣка куда-то за предѣлы окружающей обстановки.

На палубѣ поднялся переполохъ.

Капитанъ подумалъ, что произошелъ пожаръ или кто-нибудь упалъ съ судна, и такъ растерялся, что не могъ двигаться; у него мелькнула мысль, что надо, прежде всего, остановить машину; однако, потомъ онъ подумалъ, что, можетъ быть, ему все это только почудилось, такъ какъ сегодня у него все время повышенная нервность и все кажется ему инымъ, незнакомымъ и страннымъ.

Назначеніе его везти государыню было для него столь неожиданнымъ, что за нѣсколько дней онъ пережилъ слишкомъ много, чтобы могъ достаточно спокойно относиться къ окружающему.

Счастье, которое выпало на его долю, онъ не могъ даже и до сихъ поръ постигнуть разгорѣвшимся мозгомъ.

Онъ все время старался вернуть свои мысли къ прошлому, чтобы ярче и рельефнѣе выступила его теперешняя чрезвычайная и нечаянная радость, — пугливо и хитро заглядывалъ въ будущее и, возвращаясь оттуда новымъ человѣкомъ, съ гордостью возвышалъ голосъ, когда командовалъ; вообще-же онъ еще не понималъ, что происходитъ въ его душѣ и не могъ сразу принять и завладѣть новымъ положеніемъ.

Только теперь онъ догадался, что онъ былъ, дѣйствительно, близокъ къ своему счастью, но эта

мысль ужъ не испугала его въ данную минуту; онъ только подумалъ:

„Все ли погибло?“ Или еще есть за что ухватиться этими трясущимися руками?!.

Онъ ничего не понялъ въ первый мигъ, когда увидѣлъ разбросанныя на палубѣ дамскія вещи: шляпу, вѣеръ и еще что-то большое черное.

Онъ уже понялъ, что что-то случилось съ дамой, но, что эта дама — она — царица, объ этомъ ему жутко было даже подумать.

„Все пропало!“ мелькнуло у него на-лету, сдѣлавъ его безпомощнымъ и равнодушнымъ ко всему остальному, что-бы ужъ не случилось теперь, когда онъ понялъ значительность переполоха.

Оркестръ не успѣли остановить, когда царица вскрикнула и стала наклоняться всѣмъ корпусомъ, какъ это бываетъ съ людьми въ строю, когда они, утомленные безсонницей, — сразу уступаютъ сну.

Еще звѣнѣлъ какой-то тонкій металлическій инструментъ, когда царицу подняли и у нея вырвался изъ груди стонъ, — или это былъ ея глубокій вздохъ угнетеннаго отчаянія, и получилось нѣчто ужасно-святотатственное, съ точки зрѣнія вѣрующаго, а такъ, просто, рѣзкое и противное сердцу.

И въ этотъ мигъ всѣмъ сразу стало понятно, какъ отвратительно дѣйствуетъ на насъ маска веселья, когда намъ плохо.

И, странно, даже капельмейстеръ, показавшій-

ся вдали, когда государыню понесли, показался не только совершенно излишнимъ, но даже оскорбляющимъ душу человѣка уже наличностью своей персоны.

И онъ самъ это почувствовалъ, когда встрѣтился съ чьими-то глазами и ему показалось, что онъ видитъ въ нихъ упрекъ.

На этой почвѣ у меня возникаетъ вопросъ о томъ, что люди стоятъ еще на очень низкой ступени духовнаго развитія; крайне эгоистичны уже поэтому, и, кромѣ того, ни капельки не смыслятъ въ той области, которую мы называемъ психологіей Я вамъ докажу.

Если какой-нибудь группѣ людей весело, развѣ они хотятъ считаться съ состояніемъ души посторонняго?! Наоборотъ, они еще возмущаются, что вы „сдѣлали“ скучное лицо.

Они не хотятъ видѣть скучныхъ лицъ, вѣдь имъ весело!

А, если у васъ умерла ваша послѣдняя надежда или любимый человѣкъ, или вы потеряли друга, то, ради Бога, уйдите отъ нихъ, или ихъ музыка высмѣетъ вашу душу.

А если-бъ они понимали, какъ велико горячее пламя страданія, охватывающее сердце своимъ тѣснымъ кольцомъ, развѣ у нихъ не выпали бы изъ рукъ ихъ веселящія игрушки?!

Но для того имъ необходимо быть, въ духов-

номъ отношеніи, значительно выше, чѣмъ они теперь; знать душу человѣка и побороть свой эгоизмъ.

Но и всего этого было-бы недостаточно для того, чтобы предотвратить сегодняшній непріятный случай, случай съ царицей, которую веселенькіе звуки столкнули въ пропасть, надъ которой она еле-еле держалась.

Вы понимаете, что за шумъ поднялся на пароходѣ?..

Даже и тѣ, кто своею находчивостью, какъ главной силой своего внутренняго содержанія, создалъ себѣ блестящее положеніе при дворцѣ государя, — не могли въ первыя минуты оріентироваться и скрыть свою пугающую растерянность.

Снова докторъ явился центромъ надежды, не говоря уже о томъ, что онъ сталъ единственнымъ лицомъ, къ которому всѣ испытывали какія-то новыя чувства; собственно, чувства эти были каждому знакомы и близки, но до сихъ поръ они казались ненужными и даже излишними совершенно, почему и были запрятаны очень далеко, такъ далеко, что, когда они вырвались наружу, то все существо человѣка казалось вскрывшимся и ставшимъ, положительно, инымъ.

Даже тѣло стало легкимъ и взлетающимъ, будто оболочка его наполнилась только воздухомъ.

Когда царица была отнесена въ каюту и докторъ объяснилъ, что сердце ея нормально и темпе-

ратура нисколько не угрожаетъ опасностью, стали совѣщаться о томъ, что надо сообщить объ этомъ государю.

Это было вторымъ тяжелымъ моментомъ.

Но задумываться не было времени и даже возможности, такъ какъ отвѣтственность была бы слишкомъ велика, если-бъ несчастье обмануло надежды врача.

Дано было знать посредствомъ безпроволочнаго телеграфа.

Уныніе на пароходѣ еще болѣе усилилось, когда полученъ былъ отвѣтъ изъ дворца.

Сообщалось, что государь, съ момента возвращенія во дворецъ, заперся и запретилъ являться къ нему по какимъ бы-то нибыло дѣламъ.

Такимъ образомъ, не смотря на исключительное положеніе обстоятельствъ, никто не могъ рѣшиться ослушаться государя — донести ему о болѣзни его супруги.

Всѣмъ было ясно, что приказаніе государя не имѣло никакого отношенія къ такимъ исключительнымъ явленіямъ, какъ это, но никто не зналъ, какъ отнесется государь къ тому, кто теперь явится къ нему.

Всѣмъ хотѣлось поскорѣе снять съ себя отвѣтственность печальной тайны, но никто не могъ рѣшиться взять на себя эту сложную миссію.

Приближались къ дверямъ, прислушивались,

спитъ ли государь, или онъ проводитъ время за чтеніемъ дѣловыхъ бумагъ, но тамъ было тихо, хотя поручиться за это было трудно, такъ какъ тяжелыя и массивныя двери почти не пропускаютъ звуковъ.

Было ужъ рѣшено, осторожно постучаться, на случай, если государь бодрствуетъ; но когда уже приблизились къ порогу и приготовились это сдѣлать, всѣхъ объялъ страхъ.

Государь, часто бываетъ настолько гнѣвенъ, что становится небезопаснымъ быть съ нимъ, а тѣмъ болѣе, если разстроить его неожиданно-непріятной вѣстью.

Въ этотъ часъ государь всегда совершаетъ свою короткую прогулку по садику, а разъ онъ сегодня остался дома и еще заперся, то это имѣетъ, очевидно, сложную подкладку.

Во всякомъ случаѣ, если приказано не безпокоить, то объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Въ пріемной залѣ, нетерпѣливо ожидали очереди сановники, — тѣ, кто пользовался правомъ доступа къ государю во всякое время дѣловыхъ часовъ, и тѣ, кому заранѣе предоставлено было явиться въ эти часы.

Въ залѣ этой царила та-же тяжелая атмосфера зависимости и гнета, что и во всѣхъ помѣщеніяхъ дворца, въ особенности тамъ, гдѣ внезапно можетъ появиться самъ государь.

У многихъ были неотложныя дѣла по дворцу,

у иного — по вопросу объ охранѣ, другіе пріѣхали представляться, третьи или четвертые — съ прошеніями.

Послѣдніе, пока ихъ впустили сюда, должны были пройти цѣлое море разныхъ учрежденій, имѣть удовольствіе поклоняться нѣсколькимъ десяткамъ чиновниковъ разныхъ классовъ, разнаго характера и типа; носиться съ прошеніями по ступенькамъ правительственной лѣстницы, дѣлая остановки, въ зависимости отъ каприза и придирчивости начальника, а то и самой мелкой сошки, коей въ отсутствіи своего начальства соблазнительно проявить свою власть немноко больше своихъ предѣловъ.

Эти счастливы, что они добились возможности скоро увидѣть самого государя, и они готовы просидѣть здѣсь сколько бы ни потребовалось, вѣдь такъ дорого имъ обошлась эта возможность попасть сюда! Они сидятъ или стоятъ и смотрятъ кротко и нѣмо, но въ душѣ ихъ происходитъ богослуженіе, чтобы государь въ момеентъ пріема оказался въ хорошемъ расположеніи духа, отъ чего зависитъ „все“.

Они не знаютъ порядковъ во дворцѣ, и все, что здѣсь происходитъ, имъ кажется священно-торжественнымъ.

Каждаго, что хоть сколько-нибудь смѣлой и форсистой походкой проходитъ черезъ залу, или является сюда-же, они принимаютъ за министра,

или еще какую-нибудь „страшную“ особу, и передъ каждымъ вытягиваются въ струнку, порой даже приводя въ смущеніе того, кому оказываютъ эти почести, такъ какъ зачастую и тотъ, какъ оказывалось, приходилъ сюда за тѣмъ-же, чтобы каждаго бояться и каждому кланяться самымъ унизительнымъ образомъ. Но каждый новый посѣтитель одинаково приводилъ всѣхъ случайныхъ посѣтителей въ трепетъ, — а вдругъ онъ окажется очень важной особой!

А кто находился среди посѣтителей, этого никто не зналъ, но понимали, что среди несчастныхъ просителей „съ улицы“, были и очень-очень знатныя особы, хотя форма была только на очень немногихъ.

Была, среди ожидающихъ, одна дама въ старенькомъ черномъ платьѣ, по которому можно было судить, что просительница не принадлежитъ къ обществу двора, а на ея лицѣ былъ тотъ отпечатокъ страданія, что является у людей, незнающихъ радости, давно утратившихъ способность веселиться или чему либо когда-нибудь порадоваться до глубины души.

Эта дама дѣлала надъ собой усиліе, когда ей казалось, что скоро выйдетъ „онъ“ и, что надо встрѣтить его съ сіяющей улыбкой благодарной и счастливой радости, и когда она сжимала мускулы лица, придавая ему то выраженіе восторга, котораго даже и не могла испытывать, то лицо не

слушалось и принимало выраженіе подавляемаго страданія и становилось еще болѣе жалкимъ, несчастнымъ.

Всякій, кто случайно обращалъ на нее вниманіе, отворачивался, такъ какъ получалось впечатлѣніе, что эта женщина ищетъ въ каждомъ защиты, и лишь сдерживаетъ слезы.

Она пришла просить государя о помилованіи сына, котораго куда-то увезли и, оказалось, что она напрасно ждетъ его возвращенія.

Къ счастью, у нея нашлись крупныя знакомства и ей удалось добиться возможности вручить лично государю прошеніе, изъ котораго онъ узнаетъ, что несчастнаго напрасно заперли.

Просительница знала, что она представляетъ въ этомъ счастливомъ случаѣ рѣдкое исключеніе и надѣялась, что она своими материнскими слезами вернетъ своего сына.

Въ канцеляріи личнаго кабинета государя лежали также двѣ телеграммы на его имя, отправленныя по ходатайству — одна — приговореннаго къ вѣчной каторгѣ за убійство цѣлой семьи, другая — приговореннаго къ смертной казньи за выстрѣлъ въ полицейскаго, во время революціонныхъ столкновеній, на одной изъ площадей столицы, гдѣ полиція разгоняла собравшихся на митингъ.

Первый надѣялся получить взамѣнъ вѣчной — лѣтъ 20 каторги, а второй молилъ только о жизни,

такъ какъ не принадлежалъ ни къ какой политической партіи, а выстрѣлъ его былъ вызванъ лишь крайнимъ негодованіемъ, явившимся результатомъ возмутительной безчеловѣчности полицейскаго.

Онъ бы, вѣроятно, выстрѣлилъ и въ соціалиста, если бы тотъ сталъ рубить людей шашкой, какъ этотъ полицейскій.

Но, какъ ни любилъ онъ жизнь, онъ бы все таки не сталъ обращаться съ мольбой о помилованіи; но у него была дѣвушка, которой онъ вѣрилъ, что она его истинно любитъ, и ему не хотѣлось лишиться надежды хоть когда-нибудь увидѣть ее. Ему было восемнадцать лѣтъ.

Ему извѣстно, что мать его найдетъ знакомства и ей удастся „повергнуть къ стопамъ Его Величества прошеніе о помилованіи“.

Недавно государь отдалъ тайный приказъ, чтобы заграничныя газеты, въ которыхъ будутъ помѣщены статьи о его государствѣ, были доставляемы (въ удобочитаемомъ видѣ — очерченныя красными чертами) въ его личный кабинетъ и къ нимъ приложенъ отдѣльный списокъ содержанія ихъ.

Этотъ приказъ былъ данъ тайно и всего только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, причемъ самъ государь забылъ объ этомъ, и одинъ изъ шкафчиковъ, предназначенныхъ для этихъ газетъ, былъ теперь уже почти переполненъ ими.

Въ этотъ день, когда государыня отбыла, и

онъ остался одинъ, ему захотѣлось узнать, какъ смотритъ иностранная пресса на его теперешнее положеніе; онъ вспомнилъ, что нужныя свѣдѣнія ему удастся получить, никого не посвящая въ это, и крайне обрадовался, что у него въ рукахъ такая масса матеріала.

Онъ, положительно, былъ въ неестественномъ восторгѣ, что никто не будетъ знать, что онъ сейчасъ будетъ „въ курсѣ дѣла", въ полномъ смыслѣ этихъ словъ.

Но когда онъ углубился въ работу, восторгъ его быстро смѣнялся гнѣвомъ и злобой, а порою государь даже терялъ присутствіе духа и спрашивалъ себя:

„Кто?!

„Это я?!

Развѣ они смѣютъ говорить, что это сдѣлано съ моего вѣдома?!! Кто это писалъ?!"

Государь перелистывалъ страницы газетъ этихъ заграничныхъ изданій, останавливаясь то на рекламѣ, то на музыкальной рецензіи, а такъ какъ онъ просматривалъ газеты, вообще, очень рѣдко, то его интересовала каждая живая мысль, и ему казалось, что онъ попалъ въ какое-то новое общество, испытывая небывалое наслажденіе, — онъ все слышитъ и видитъ, а самъ остается незамѣченнымъ.

Это ему такъ понравилось, даже такъ восхитило его, что лицо зацвѣло улыбкой и онъ забылъ

даже о томъ, что, какъ-ни-какъ, а ему, всетаки, надо заняться дѣлами: „одобрить“ или „отвергнуть“, подписать или отказаться отъ подписи... Но вотъ онъ снова натолкнулся на красную линію и лицо его измѣнилось.

Онъ повернулъ страницу и, когда увидѣлъ названіе, то лицо его какъ-то сжалось — это была соціалистическая газета. Онъ ее отбросилъ, потому-что зналъ, что она его разсердитъ, какъ и все враждебное устоямъ прочной власти...

Тогда онъ сталъ искать въ другихъ газетахъ о своей странѣ, но, главное, разумѣется, о себѣ.

Чтобы не наласть на „очень“ „лѣвую“, онъ осторожно поглядывалъ на красную рамку, чтобы какое нибудь непріятное слово о немъ не прыгнуло ему въ глаза, провѣрялъ мысленно названіе и, если не было сомнѣнья, что данная газета больше „направо“, чѣмъ „на-лѣво“, онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ приступалъ къ статьѣ.

Большею частью, ему приходилось переживать непріятныя состоянія оскорбленнаго чувства, такъ какъ иностранная пресса, касаясь его и его государства, пользовалась этимъ для своихъ задачъ лишь какъ отвлеченнымъ примѣромъ и, большею частью, выставляла и его самого и все, что окружало его, въ самыхъ юмористическихъ краскахъ, будто только для потѣхи существовалъ на землѣ — онъ — императоръ великаго государства.

„Какъ же не возмущаться дерзостью свободной прессы, — подумалъ онъ съ негодованіемъ, — если какой-нибудь тамъ бродяга выступаетъ со своей дурацкой критикой передъ цѣлымъ свѣтомъ, не стѣсняясь коснуться моей личности!

А?! Вѣдь это же!! Кто онъ такой?!. А?! Всѣ они такъ! — Скроется, а слова его остаются!!. Будь это здѣсь!!!.

Государь волновался, но вскорѣ мысль его остывала, онъ глубоко и тяжко вздыхалъ, сознавая безполезность волненія, и принимался за дальнѣйшее. Но вдругъ его охватило озлобленіе и онъ почему-то сталъ искать ту первую газету, которой боялся. Попалась ему другая такая-же „лѣвая“, и онъ остановился на ней.

Одно названіе — „Колоколъ“ уже достаточно говоритъ о характерѣ газеты.

И какъ разъ въ ней большая статья... — обрадовался государь, ну-ка, что ты скажешь? — съ вызовомъ произнесъ онъ вслухъ.

Авторъ критиковалъ его политику, находя ее индиферентной, несмотря на то, что дѣйствія его правительства часто даже переходятъ всякія границы жаднаго цинизма.

Государь побагровѣлъ и хотѣлъ швырнуть газету подъ ноги и затоптать ее, но любопытство оказало свое вліяніе и онъ сталъ читать дальше, ища подробнаго объясненія, обоснованія этой дерзкой и

грубой мысли, какъ онъ на первый взглядъ опредѣлилъ ее; впрочемъ, онъ еще сильнѣе выругался по адресу автора, а потомъ и всей газеты; даже ругалъ и наборщика и фабрику бумаги той. Но читалъ.

Авторъ, развивая свою тему о конституціонномъ строѣ, говорилъ, что тамъ, гдѣ существуетъ конституція фактическая, а не маскарадная, должно существовать между государемъ и народомъ, какъ главная основа государственности, взаимное довѣріе, взаимное уваженіе. Довѣрія не можетъ быть безъ уваженія, какъ и уваженія безъ довѣрія...

Государь нахмурился и гнѣвно подумалъ:

„Какъ онъ смѣетъ?!“ Если такъ, то вѣдь онъ, Богъ знаетъ, до чего дойдетъ въ своемъ нахальствѣ!!

„Если наши покровители говорятъ намъ съ высоты своего трона, опирающагося на наши спины, что они насъ „любятъ“ — заботятся о нашемъ благосостояніи, то, въ данномъ случаѣ, великолѣпнымъ показателемъ этого хитраго хвастовства можетъ служить печальный герой конституціи...

Государь прочелъ свое имя. Сразу, когда глаза его легли на буквы знакомаго слова — своего имени, у него завертѣлись передъ глазами буквы, строчки и вся бумага на которой онѣ были тщательно и стройно разставлены.

Государь даже пересталъ соображать въ пер-

вый мигъ, и, опустивъ руки, смотрѣлъ на ножку письменнаго стола, которая изображала львиную лапу. И засмотрѣлся, ища въ этой бронзовой вещи отвѣта, успокоенія, защиты отъ нахлынувшаго отчаянія.

— Я прикажу, чтобъ мнѣ не смѣли больше подавать этихъ мерзостей!..

— И какъ онъ сильно подчеркнулъ этотъ!.. Это онъ нарочно!!. Я сложу газеты такъ, чтобъ не видно было, что я ихъ читалъ... пусть думаетъ, что онѣ просто валяются, эти гадости, тамъ...

Но государю было лѣнь собирать и раскладывать листы сѣровато и желтовато-бѣлой бумаги, пыльной и пахнущей красками и какой-то матеріей, точно дешевымъ полотномъ или совсѣмъ стружками и керосиномъ.

Все-таки онъ не хотѣлъ оставить прозрачное доказательство, что онъ знаетъ, какъ нахально пишутъ о немъ, и сталъ складывать.

Сначала онъ даже не зналъ, какъ за это взяться и, опустивъ руки, какъ ученикъ въ мастерской, котораго заставили исполнить трудное порученіе, но, хорошенько подумавъ, онъ догадался, что ему помогутъ въ этомъ дѣлъ нумера и даты.

Оказалось, что это требуетъ много возни. Здѣсь находились газеты только тѣ, въ которыхъ говорилось о его особѣ и государствѣ его, поэтому ему попадались нумера съ разстояніями одинъ отъ слѣ-

дующаго въ пять, въ двѣнадцать дней, а то и въ цѣлыхъ двадцать пять.

Онъ уже сложилъ три газеты совершенно правильно и даже щелкнулъ пальцами и засвисталъ, но вдругъ оказалось то, что намъ извѣстно, и ему пришлось усилить вниманіе и, буквально, устроить облаву на нумера.

Это было очень трудно безъ карандаша, поэтому онъ отправился къ угловому столику, гдѣ лежали его любимые карандаши и block-note'ы.

Но когда государь всталъ, онъ почувствовалъ боль въ поясницѣ и даже нѣкоторое головокруженіе.

„Это совсѣмъ глупо!“ — рѣшилъ онъ и ушелъ въ другую сторону комнаты, гдѣ заманчиво и уютно стоялъ огромный диванъ.

Государь поправилъ подушку и легъ. Въ рукѣ у него оказалась газета, которая въ двухъ мѣстахъ была помѣчена карандашемъ.

„Что еще тутъ за вздоръ?..“

Государь сердито посмотрѣлъ на заглавіе — „На тронъ сваливаются съ неба“. Скомкалъ газету и швырнулъ ее далеко, насколько могъ. Имъ овладѣла усталость, и глаза сами собою закрывались, даже онъ не успѣлъ поправиться, чтобы удобнѣе было вздремнуть.

Кругомъ царила тишина; только въ смежныхъ залахъ едва раздавался шорохъ или глухой мягкій

звукъ, — это приближенные государя, чутко прислушиваясь сквозь двери или стѣну, обмѣнивались мнѣніями, какъ быть, если государь проспитъ до ночи.

А въ пріемной залѣ стало томительно тажко, какъ въ камерѣ судебнаго слѣдователя или въ ожидальнѣ врача.

Лица у всѣхъ застыли отъ усталости и истощенія, такъ какъ ожиданіе продолжалось нѣсколько часовъ; нѣмое, неподвижное ожиданіе.

Но вдругъ тишина испуганно исчезла куда-то или притаилась, въ одной изъ залъ раздался телефонный звонокъ, тревожно и смѣло разсыпая свои ровненькіе металлическіе звуки.

Все оживилось въ томъ углу, проникая и дальше. Забѣгали люди, въ золотыхъ и красныхъ мундирахъ; прошелъ спокойно-величавой и независимой походкой какой-то очень важный сановникъ, потому, что онъ даже лѣнился отвѣчать на поклоны, которые ему отвѣшивали съ обѣихъ сторонъ.

Стало ясно, что государь скоро появится, что люди не напрасно провели въ этой угнетающей атмосферѣ столько времени.

Никто, однако, не зналъ, откуда и гдѣ раздался звонокъ, думали, что это позвонилъ „онъ“, но въ дѣйствительности это было иначе.

Братъ государя, разставшійся съ нимъ сегодня

послѣ проводовъ государыни, сказалъ, что заѣдетъ къ нему въ этотъ часъ. Это былъ любимецъ государя.

Гасударь зналъ, что его визиты начинаются, обыкновенно, очень мало-интересными бесѣдами, и заканчиваются финансовыми вопросами.

Самъ государь ужъ много лѣтъ не зналъ той безмятежно-радостной жизни, которою жилъ теперь его младшій братъ и которая была пріятна государю воспоминаніями о его собственномъ прошломъ.

Такъ старики любятъ выслушивать юныхъ собесѣдниковъ о ихъ похожденіяхъ, — въ эти минуты они забываютъ о своей старости и переносятся мыслями назадъ, туда, гдѣ было „такъ хорошо".

Его Высочество былъ удивленъ, что государь уединился и никого не впускаетъ къ себѣ, и кричалъ въ телефонъ, что ему очень надо и, что онъ сейчасъ самъ пріѣдетъ, повторяя, что ему непремѣнно сейчасъ надо видѣться съ государемъ.

Когда снова настала прежняя тишина въ залахъ, она показалась еще безнадежнѣе и мрачнѣе, чѣмъ прежде.

Господинъ, котораго всѣ принимали за очень важную особу, даже зѣвнулъ во весь ротъ, не пожелавъ прикрыть эту операцію рукой и совершенно игнорируя публику.

Это, собственно, нисколько не уронило его въ

глазахъ окружающихъ, такъ какъ теперь уже не было сомнѣнья, что это очень большой человѣкъ.

Даже дамы благоговѣйно посмотрѣли ему въ ротъ, когда онъ растянулъ его.

Было здѣсь какое-то заколдованное сонное царство, хотя спалъ всего одинъ человѣкъ, а другіе сторожили его сонъ.

Когда откуда-то послышалось „пѣніе“ чьихъ то подошвъ, всѣ съ негодованіемъ повернулись въ ту сторону и переглянулись, удивившись, что это прошло безнаказано.

И снова потянулись минуты длительно, какъ часы.

Просители, просидѣвшіе въ этихъ глухихъ стѣнахъ, подъ тяжелымъ потолкомъ дворцовой залы томительно долго, успѣвъ за это время попривыкнуть къ обстановкѣ тоски и гнета, мысленно ужъ совершили полетъ къ себѣ домой, тамъ повидались со своими и передали имъ впечатлѣнія минуты, и уже подбодренные свѣжимъ и здоровымъ воздухомъ родного угла, вернулись сюда съ новыми силами терпѣнія.

Но вотъ опять тянется время, будто ползетъ раненая муха, останавливаясь, и, готовая прекратить дальнѣйшій ходъ свой.

Многихъ одолѣваетъ нервная усталость и ихъ клонитъ къ дремотѣ; трудно побороть себя, чтобы глаза остались открытыми.

Вотъ, наконецъ, когда испытанія пришли къ своему предѣльному пункту!.. Задвигалось что-то, зашуршало, и ожили залы.

Сейчасъ, слава Богу, наступитъ этотъ великій моментъ!..

Можетъ быть, черезъ минуту-двѣ-три сюда войдетъ самъ государь — та могучая сила, которая руководитъ радостями и ужасами ожидающихъ.

Если онъ захочетъ, то вмигъ станетъ свѣтло на душѣ и въ глазахъ, какъ на солнечномъ лугу, а захочетъ — умрутъ надежды и черный саванъ смерти разстелется и покроетъ все.

Уста несчастныхъ просителей, — несчастныхъ, потому, что ихъ участь находится въ рукахъ человѣка — шепчутъ молитву и религіозно смотрятъ въ пролетъ дверей, откуда можетъ явится тотъ самый чародѣй, который, не смотря на свою физическую немощность, и, независимо отъ духовныхъ силъ, сильнѣе всѣхъ своихъ многихъ милліоновъ людей, что торгуютъ, строятъ, работаютъ, и воюютъ.

Но, что же это его опять такъ долго нѣтъ?!.

А ждали они напрасно.

Пріѣхалъ къ государю братъ, который своимъ телефоннымъ звонкомъ взбудоражилъ уснувшіе нервы ожидающихъ.

Онъ тоже съ минуту поколебался, постучаться ли ему къ государю, котораго онъ не хотѣлъ найти

въ дурномъ расположеніи духа, такъ какъ являлся съ просьбой.

Еслибъ можно было отложить посѣщеніе онъ бы это сдѣлалъ очень охотно, тѣмъ болѣе, что бесѣды съ нимъ давно уже очень скучны, — однообразны, узки и мрачны.

Онъ вѣчно говоритъ о врагахъ и неудачахъ, о зломъ рокѣ, который преслѣдуетъ его на каждомъ шагу, о томъ, что его окружаютъ завистливые и жадные люди и т. п., словомъ, придти къ нему, значитъ, похоронить часъ-два жизни, но за то, если слушать его внимательно и сочувственно, то визитъ этотъ даромъ не пропадетъ, а за этотъ часъ погибшаго времени можно вознаградить себя щедро-щедро, такъ, что долго будетъ любо.

А государь всегда знаетъ, зачѣмъ тотъ явился и только мысленно интригуетъ себя:

„Сколько ему?“

Вотъ и неизвѣстно было, есть ли разсчетъ постучаться или уѣхать, не солоно хлебавъ.

Э, постучусь, — пусть злится! — подумалъ гость и рѣшился.

Онъ зналъ, что чѣмъ бодрѣе и веселѣе онъ войдетъ, тѣмъ легче ему будетъ достигнуть своей цѣли, поэтому онъ даже заранѣе приготовилъ улыбку, когда взялся за ручку.

Государь, услышавъ стукъ, вздрогнулъ и нервно крикнулъ:

„Кто тамъ такой?!.“

Это я, братъ! Потрудись, отопри!

Кругомъ насторожились, опасаясь, что государь будетъ гнѣвенъ и имъ прежде всего придется плохо.

Гость влетѣлъ въ кабинетъ и всѣ услышали его громкій и веселый звучный голосъ.

Всѣ поняли, что теперь уже все будетъ хорошо.

„Здравствуй, братъ! Что это ты здѣсь одинъ?! Хорошая погода!.. Я, братъ, тебѣ что разскажу!.. Ахъ, знаешь, у меня теперь есть одна исторія...

„У тебя вѣчныя исторіи“... — сказалъ государь, невольно улыбаясь, но не желая прервать веселаго гостя.

Нѣтъ! Знаешь... Если бы ты зналъ... Я тебѣ сейчасъ все разскажу!.. Понимаешь, такая исторія... Я тебѣ не мѣшаю?!. Ну, вотъ, такъ слушай!.. Ничего, если я закурю? Отлично! Видишь-ли ... переодѣлись мы втроемъ: я, мой графикъ Туръ и одинъ корнетъ, ты его не знаешь, хорошій малый, — одѣлись мы уличными пижонами и поѣхали въ новый садъ „Севилья“, — дурацкій такой садъ, — тамъ какой-то несчастный хоръ; поѣхали на простомъ таксомоторѣ. Потребовали кабинетъ и спрашиваемъ:

„Найдется тутъ у васъ какая нибудь пошикарнѣй крыса, чтобъ намъ спѣла?!“

„Извините-съ, — говоритъ, — у насъ поютъ не крысы-съ, а люди-съ!

И, мерзавецъ, добавляетъ, — такіе самые-съ люди, какъ мы.“ Корнетъ мой чуть не трахнулъ его стуломъ, но мнѣ понравилась эта интрига и я потянулъ его за рукавъ, молъ, погоди, я съ нимъ самъ разсчитаюсь.

„Позови хозяина, — сказалъ я ему, да такъ, что онъ струсилъ и давай на попятную.

„Нѣтъ, говорю, ты у меня живо исполняй все, что тебѣ приказываютъ — мой дядька въ этой части приставомъ состоитъ, такъ онъ тебѣ покажетъ, какъ надо себя держать.“

Дураки захохотали такъ, что чуть было не выдали... Побѣжалъ, позвалъ управляющаго.

Я ему и говорю:

„Мы хотѣли-бъ чтобъ намъ спѣла какая-нибудь изъ крысъ вашихъ.“

Ажъ веесь побагровѣлъ франтъ и посмѣлъ: „Крысъ у насъ нѣтъ, а дѣвицамъ теперь въ кабинетъ у насъ не полагается...“

„Позови хозяина! — говорю.

Я за хозяина — говоритъ.

Ахъ, таааакъ! Тогда мы по счету платить не будемъ, — у насъ и денегъ нѣтъ.

И представь себѣ — постоялъ этотъ несчастный, положилъ эдакъ важно руки въ карманы, — фрачокъ у него оттопырился, брюхо вылѣзло, — говоритъ:

А, вы думаете, что вы, не уплативши, такъ и улизнете?!.

А лакей его за руку тянетъ и шепчетъ ему, должно быть, что мой дядька — приставъ.

Вижу я лицо у него заерзало, глазки забѣгали, онъ и запѣлъ:

„Помилуйте, конечно ... если безъ денегъ ... но мы васъ не изволимъ знать“...

Тутъ я ужъ дальше давай дурачиться. Князь Кучумовъ, — говорю, я! можете записать, а мы уходимъ, если ... крысы не даете.

Лакейчики на насъ поглядываютъ подозрительно и насмѣшливо, молъ, знаемъ мы такихъ господъ!.. убѣжалъ нашъ управляющій, а мы сидимъ и попиваемъ какую-то дрянь... Вдругъ является:

„Извините, — говоритъ, — вамъ придется лично поговорить съ г. приставомъ по телефону или ужъ какъ-нибудь разсчитаться безъ скандала ... г. приставъ васъ не знаетъ“...

Вотъ, тутъ и началась комедія. Пошелъ я къ телефону...

„Ну, вотъ, опять наскандалилъ!.. А, ну тебя!.. — Разсердился Государь.

„Нѣтъ, нѣтъ, погоди!..

Приставъ, услышавъ опять: князь Кучумовъ, — закричалъ въ телефонъ:

Извините, не знаю князя Кучумова, честь имѣю кланяться ... и положилъ трубку.

„Да, дѣйствительно, — говорю, — онъ меня не припомнитъ; что жъ теперь дѣлать?!“ А лицо я сдѣлалъ глупое-глупое.

Знаете, что, — говорю, — пусть съ нами поѣдетъ человѣкъ, дома мы ему заплатимъ.

Ха-ха-ха! Послали человѣка съ нами ... ха-ха-ха.

Подъѣхали мы ко дворцу и остановили шофера. Вылѣзаемъ, такая картина: шоферъ на него смотритъ, онъ на шофера, оба на насъ, а рожи у нихъ дурацкія-дурацкія.

На другой день ко мнѣ являлась цѣлая депутація отъ сада...

Слушай, братъ, мнѣ надо ... вотъ какъ, — десять тысячъ!.. Если ты не дашь, не знаю, что и дѣлать! — заговорилъ подавленнымъ голосомъ разсказчикъ.

Въ это время постучались въ двери, и, когда государь нажалъ кнопку, вошли.

Это оповѣстили государя, въ какомъ состояніи находится государыня.

Вотъ такъ пуля! — подумалъ гость, — это ужасная непріятность!.. Собственно, можетъ быть, это обыкновенный дамскій пустякъ, но мое дѣло теперь плохо. Что же мнѣ теперь такъ и уйти?!.

— Вотъ тебѣ угощеніе! — сказалъ государь и сталъ теребить бороду.

„Ну, что же дѣлать, что же дѣлать!.. Прой-

детъ!.. Вѣдь это же не новость!.. Тамъ все сдѣлаютъ, что надо... Хочешь, я поѣду?!.

— А!! Голубчикъ, милый, садись и поѣзжай! Тогда ты меня утѣшишь!

— „Изволь, я хоть прямо туда!“

— Нѣтъ, погоди!.. Впрочемъ, если можешь, такъ поѣзжай!

Эй, вы! кто тамъ?!“

Государь проводилъ его до дверей и позвонилъ. Ему было доложено объ ожидающихъ.

— „Меня теперь ни для кого нѣтъ! Меня нѣтъ!! И больше ничего!!

Въ ожидальной ничего не знали о томъ, что происходитъ за предѣлами ея, и терпѣливо смотрѣли на двери, откуда „долженъ былъ“ появиться государь.

Но вотъ о нихъ вспомнили и объявили имъ, что сегодня пріемъ не состоится.

Та женщина, которая явилась съ ходатайствомъ о своемъ сынѣ, положительно не хотѣла уйти; она не могла уйти, ноги не слушались ея; съ чѣмъ она пойдетъ домой?!.

А, когда она, все-таки, вышла на улицу, она остановилась посреди дороги и не знала, куда ей идти.

Она даже хотѣла вернуться назадъ и остаться у дверей — все равно ей теперь, что съ нею будетъ

и гдѣ она будетъ!.. Хуже ужъ ей не можетъ быть!..

Она даже рѣшила подстеречь государя у выхода, — она думала, что это такъ просто, но когда она увидѣла солдатъ съ пиками, ихъ наблюденія за нею, дрожь у нея побѣжала по тѣлу и она поплелась куда-то...

Въ видѣ примѣчанія.

Почтеннѣйшій читатель, если вы дошли до этого мѣста и недовольны, что я велъ васъ по мрачнымъ и давящимъ корридорамъ, какою представляется здѣсь у меня жизнь, и еще упрекнете меня въ односторонности міросозерцанія и въ однообразіи красокъ, которыя употреблены для описанія, то я вамъ дамъ объясненіе.

Да, я согласенъ съ вами, что я показалъ вамъ лишь ту сторону жизни нашихъ избранниковъ, которая носитъ вѣчно лишь черное печальное одѣяніе.

Вы говорите, что это неестественно для царя или царицы, — избранниковъ, — которыхъ окружаютъ, больше чѣмъ всѣхъ насъ, земныя радости?

У насъ нѣтъ радостей, если мы живемъ въ долинѣ страданій.

И медъ не сладокъ, если въ него попала полынь.

И на балу намъ не весело, когда мы въ траурѣ.

Да, у моихъ героевъ были, есть и, вѣроятно,

будутъ свѣтлыя радостныя мгновенья веселья, когда весь міръ начинаетъ казаться инымъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, сказочнымъ, чарующимъ, волшебнымъ, какъ тогда, когда человѣкъ напивается и слышитъ прекрасную музыку и видитъ пріятныхъ людей; но долго-ли ему хорошо?..

Въ то время какъ вспышки радости остаются вспышками, длящимися мгновенья, печаль, скорбь и страданія — заволакиваютъ своими тучами весь вашъ небесный сводъ.

И, когда вы окружены мертвыми призраками угнетенной души, ваши глаза перестаютъ видѣть красивое, веселящее, прекрасное, точно на нихъ легла мутная пленка слюды.

И, точно ваши уши закупорены, вы не слышите ничего пріятнаго въ сочетаніи звуковъ музыки.

Впрочемъ, мои герои не отличались отъ прочихъ людей ничѣмъ особеннымъ и такчже, какъ и всѣ, жадно ловили живыя и яркія минуты земныхъ возможностей.

У нихъ даже было этихъ минутъ больше, чѣмъ у многихъ, кого вы знаете, и они даже такъ привыкали къ блаженству, что черныя кочки на пути ихъ жизни были для нихъ — баловней, еще-еще ужаснѣй, чѣмъ всякое горе для васъ.

Вотъ почему я веду васъ по узкимъ и печальнымъ тѣснинамъ, не показывая вамъ солнечныхъ долинъ радостей нашихъ избранниковъ: — солнца,

и цвѣтовъ, и музыки у нихъ такъ много, что они хотѣли бы соткать изъ нихъ все свое настоящее и будущее.

Я и показываю вамъ только то, что мѣшало имъ это сдѣлать.

Маленькій геній большого зла.

У правительства не оказалось достаточно мужества, чтобы сознаться передъ своимъ государемъ, что въ борьбѣ съ собственнымъ народомъ оно неминуемо должно потерпѣть позорное пораженіе.

Отчасти поэтому, а, главнымъ образомъ, по причинамъ чисто матеріальнымъ, какъ чины, ордена и деньги, — ставленники продолжали вести свою кровавую политику.

Угрожало возстаніе; — мѣры борьбы принимали еще болѣе звѣрскій характеръ.

Но наступали моменты, когда приходилось остановиться и оглянуться. Когда „война“ съ народомъ шла „успѣшно“ и государю казалось, что съ красной „гидрой“ скоро ужъ будетъ совсѣмъ покончено, никому и въ голову не приходило подумать о томъ, что творится въ странѣ; но, когда одинъ изъ царскихъ „воеводъ“ падалъ, сраженный народной пулей, волей-не-волей приходилось разинуть ротъ и положить въ него палецъ удивленія и задумчивости. Проходили мѣсяцы кровавой „тишины“ и какой-нибудь министръ-успокои-

тель безшабашно подписывалъ бумажки объ усмиреніи и, казалось, что такъ будетъ вѣчно, что тѣ будутъ „шумѣть“, а эти ихъ разстрѣливать или вѣшать. Но вотъ вставалъ духъ мести и министръ — главная опора и надежда государя — уходилъ туда, куда онъ отправлялъ сотни молодыхъ людей, искавшихъ справедливости; тогда наступалъ во дворцѣ часъ раздумья: какъ теперь быть?! Уступить народу, или взяться за него еще круче? У государя большой выборъ нужныхъ лицъ: есть такіе, что угоднѣе народу, есть такіе, что пріятнѣе царю. Но царю ужъ приходится считаться съ новымъ положеніемъ дѣлъ. Онъ и такъ ужъ давно не видѣлъ улицъ своей собственной столицы и боится тѣни каждаго человѣка, въ вѣрноподданническихъ чувствахъ котораго сомнѣвается, а, если превратить страну совсѣмъ въ военный лагерь, то придется быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ. Вотъ и неизвѣстно, настолько ли силенъ народъ, чтобъ ему уступить или надо потуже зарядить пушки.

Если наивные люди думали, что „уступки“ правительства являлись результатомъ его сознанія нравственнаго долга, т. е. „угрызенія совѣсти“, что я могу имъ на это сказать?

Послѣднее время министры и ихъ главные сотрудники стали падать, именно, какъ мухи, и царь терялся; но выдвигалась новая личность „успокоителя“, еще болѣе жестокаго, чѣмъ предшествен-

ника, на народъ пули сыпались градомъ, а во дворцѣ казалось, что „благополучіе“ приближается.

Такъ было долго.

Когда „дѣйствія“ одного министра становились уже черезчуръ жестокими, его убивали. Тогда являлся новый; онъ держался мѣсяцъ два, пять — убивали и его. Третій, четвертый — каждый изъ нихъ самъ готовилъ себѣ могилу, но одинъ дольше, а другой быстрѣе. И каждый являлся съ новой жестокостью, съ новыми мѣрами борьбы. Но, такъ какъ все же существовалъ Парламентъ, передъ которымъ приходилось „отвѣтъ держать“, то ставленники являлись туда волей-не-волей и несли галиматью о томъ, что они всѣми силами стараются на благо родины; но не рѣдко имъ приходилось переживать постыдное изгнаніе, такъ какъ народные представители не давали имъ дурачиться и даже со свистомъ встрѣчали ихъ выступленія. Это, однако, не смущало тѣхъ, кто не привыкъ смущаться, и дурачества министровъ находили себѣ впослѣдствіи мѣсто даже въ государственно-народномъ учрежденіи.

Чтобы однако обезличить этотъ органъ, правительство не стѣснялось рѣшительно ничѣмъ, но власть народа, какою бы она ни была, все же мѣшала ему продолжать свой прежній путь самовластья.

И наступилъ однажды такой острый моментъ, когда правительство не имѣло другого выхода, какъ сознаться въ своемъ банкротствѣ, такъ какъ все, до сихъ поръ тайное и прикрытое маской благочестія, было обнаружено. Самъ государь не могъ бы сказать ничего въ защиту воровъ и злодѣевъ, какими явились передъ лицомъ свѣта высшіе ставленники. А когда ослабѣваетъ кулакъ правительства, возростаютъ силы народа.

И казалось, что зданіе Правительства, построенное на зыбкой почвѣ, должно окончательно рухнуть; что наступилъ критическій моментъ.

Собственно, каждый разъ, какъ только революціонеры „снимали“ министра, того, кто держалъ страну между штыкомъ и пушкой, государь задумывался, какъ быть дальше. Обычно, не было большого затрудненія, т. е. оно длилось слишкомъ мало, чтобы поставить въ тупикъ царя. Но въ виду того, что каждый новый министръ, смѣняя своего коллегу, вносилъ съ собою еще больше зла, чѣмъ его предшественники, то въ концѣ-концовъ получилось положеніе, дальше котораго ужъ нельзя было идти.

Между прочимъ, Парламентъ, который послѣ многочисленныхъ и страшныхъ скандаловъ, все же былъ созванъ и, хотя его роль оставалась далеко незавидною, такъ какъ произволъ по прежнему полновластно царилъ въ странѣ, все же голосъ

народа дѣлалъ свое нехитрое дѣло — взывалъ и жаловался.

А мы знаемъ, что, когда жертва взываетъ, поднимая шумъ, насильнику не такъ-то легко работается, — поэтому и старается грабитель придушить свою жертву, а совсѣмъ не потому, что ему жалко солнца, котораго онъ этимъ лишаетъ несчастнаго.

Но и придушить не всегда удобно, — мѣшаютъ.

И Парламенту зажать ротъ безъ всемірнаго скандала было немыслимо, а, оставленный съ его міровымъ крикомъ, онъ разоблачалъ, срамѣется, передъ всѣмъ свѣтомъ разбойничьи и грабительскія дѣйствія министровъ.

Можетъ быть, чисто этическое вліяніе Парламента на Правительство не имѣло бы для послѣдняго большаго значенія, чѣмъ для вора, упрекаемаго въ безнравственности, въ нарушеніи эстетики его души, но Правительству, расходующему на себя лично столько денегъ, сколько никакъ не можетъ въ любую минуту дать изнищенный народъ, потребовалось занять подъ обезпеченіе своихъ рабовъ у сосѣдей.

Обратилось Правительство къ иностраннымъ банкирамъ, но тѣ покачали головой и говорятъ:

„Нѣтъ, голубчики, стрѣлять въ своихъ вы умѣете, но это для насъ плохая гарантія, что деньги наши цѣлы будутъ. Вы трещите по всѣмъ швамъ, костюмъ вашей власти весь въ дырахъ и заплатахъ,

а у васъ еще хватаетъ нахальства задирать голову и обращаться за ссудой!.. Убирайтесь вонъ!..“

Правительство не сконфузилось и сшило новый костюмъ.

„Вотъ теперь другое дѣло, — сказали феноменальные ростовщики земли, — теперь вы совсѣмъ похожи на людей... А мы, — наше дѣло маленькое, — главное — нажить, а вы хоть тамъ, что хотите дѣлайте: конституцію, экзекуцію, — мы по денежному дѣлу.“

Читателя интересуетъ костюмъ, въ которомъ Правительство явилось къ денежнымъ королямъ?

Я скажу вамъ: человѣкъ, котораго обманули сто разъ, можетъ быть обманутъ и еще разъ. Только требуется болѣе ловкій пріемъ.

Такъ и было сдѣлано.

Тѣ прославленные грабители-рецидивисты, которые дѣйствовали открыто, уже не годились, какъ не годится для тонкаго дѣла воръ съ подозрительными, а тѣмъ болѣе съ явными манерами такового. Въ нашъ цивилизованный и вышколенный вѣкъ можно найти не только свадебнаго генерала, но и похороннаго и какого угодно. А это большой козырь. Новый министръ объявилъ:

„Вѣрою и правдою я буду служить своему государю и родинѣ. Воля государя для меня святыня, воля народа — законъ. Государь для меня солнце, народъ — земля, и, какъ не можетъ быть хорошихъ

плодовъ безъ солнечнаго тепла, такъ не можетъ ихъ быть безъ послѣдней. Вмѣстѣ съ народомъ, подъ прекрасными лучами солнца я пойду ко благу родины... И свободный, оздоровленный народъ пожнетъ щедрые плоды своей новой жизни. Да будутъ на землѣ нашей миръ, любовь и свобода, — источники земного счастья!"

И много, много хорошаго сказалъ новый человѣкъ, у котораго руки еще не были въ крови, и говорилъ онъ съ солидностью свадебнаго или похороннаго генерала, такъ что, положительно, стыдно было бы ему не вѣрить.

Вѣдь, если разъ на всегда отрѣшиться отъ довѣрія къ окружающимъ, то кто же ляжетъ спать безъ оружія?!

Да и съ оружіемъ уснуть будетъ опасно.

А хлѣбъ, который мы покупаемъ въ пекарнѣ, развѣ не можетъ быть отравленъ?!

А, какъ бы вы ни были вооружены, васъ не могутъ убить сзади?! Мы вѣримъ другъ другу. Не вѣритъ только часовой, что стоитъ у порохового погреба. Да и тотъ иногда забываетъ, что за одно даже мгновенье довѣрія онъ можетъ поплатиться жизнью, и нѣтъ-нѣтъ, а вздремнетъ.

И прекрасно повелъ свое дѣло новый министръ, явившійся „спасать" родину.

Государю онъ дѣлалъ подъ козырекъ одной рукой, Парламенту другою.

Онъ оказался гораздо большимъ дипломатомъ, чѣмъ администраторомъ, хотя и былъ министромъ не иностранныхъ, а внутреннихъ дѣлъ.

Въ то время, какъ его предшественники занимались самымъ беззастѣнчивымъ воровствомъ и спекуляціями, новый герой говорилъ вдохновенныя рѣчи о своемъ неуклонномъ рѣшеніи относительно проведенія всѣхъ тѣхъ реформъ, которымъ давно было время осуществиться и которыхъ довѣрчивый и многотерпѣливый народъ ужъ пересталъ добиваться, до поры-до времени отложивъ свои надежды.

А кто не знаетъ, что министры существуютъ не для того, чтобы проводить реформы, а, оттянуть.

И весь талантъ министра заключается въ томъ, чтобы такъ ловко обставить дѣло, когда на простой взглядъ дѣйствительно кажется, что „въ настоящую минуту“ ничего коренного сдѣлать нельзя. То мѣшаетъ одно, то другое, а, главное, что во всѣхъ случаяхъ, какъ ни взгляни, все является препятствіемъ къ тому, чтобы осуществить „намѣченныя“ задачи.

Козломъ отпущенія, разумѣется, являлся никто иной, какъ все онъ — несчастный народъ.

Въ это время Правительство крайне нуждалось въ маскѣ благочестія, но никакой гриммировкой ему не удавалось обмануть народъ, который ужъ не могъ не понять, что всѣ разговоры о добрыхъ дѣлахъ — ничто иное, какъ желанье дурачить

людей, добивающихся своихъ намѣреній. На Парламентъ въ это время возлагались большія надежды.

Собственно, ничего другого не было, за что могъ бы ухватиться человѣкъ, возмущенный наглостью притѣснителей.

И съ высоты трибуны голосъ народа гремѣлъ на всю страну и отдавался эхомъ далеко-далеко за предѣлами ея.

Разумѣется, что то, что полезно для народа, какъ разъ вредно для враговъ его.

И вотъ, чтобы легче было работать министрамъ на своемъ кроваво-золотомъ поприщѣ, необходимо было зажать ротъ тому, кто кричитъ, что его грабятъ, душатъ, рѣжутъ.

Парламентъ „на время“ роспустили.

Это явилось настолько ошеломляющимъ для всѣхъ, что и самые умные люди совершенно растерялись и у нихъ не хватало мужества закричать по адресу Правительства открыто и ясно:

— Безстыдники! Мошенники!

А такъ какъ они этого не сдѣлали въ первый моментъ, то имъ ужъ самимъ стыдно стало сознаться, что ихъ такъ беззастѣнчиво дурачатъ.

И когда имъ зажали ротъ, они покорно закрыли и глаза.

Разсчетъ новаго министра былъ вѣренъ, — онъ зналъ, что прежняя половинчатая политика не го-

дится, что надо поднять большой-большой кулакъ и при этомъ грозно заявить:

„Молчать, — я самъ все сдѣлаю! Люди, которыхъ дурачили до сихъ поръ, какъ я уже сказалъ, — великолѣпный матеріалъ для того, чтобы продолжать надъ ними это пріятное и безобидное развлеченіе и въ дальнѣйшемъ."

А слова министра были вполнѣ резонны.

Онъ заявилъ, что какъ только въ странѣ воцарится хоть сколько-нибудь сносный порядокъ, необходимая тишина, — немедленно же будетъ приступлено къ осуществленію того, что надо родинѣ.

Порядкомъ и спокойствіемъ, очевидно, онъ считалъ гробовую тишину, потому, что каждый отдѣльный случай политическаго протеста онъ уже считалъ нарушеніемъ условій.

Это была насмѣшка надъ цѣлымъ народомъ.

И люди, какъ бараны, вытянули къ нему шеи и смотрѣли, какъ онъ подписываетъ свои успокоительные рецепты — смертные приговоры.

Каждый день государственный палачъ отправлялъ, сколько надо было, на тотъ свѣтъ. Когда трудно было найти столько палачей-исполнителей, сколько имѣлось жертвъ, тогда обращались къ пулямъ.

Но мы не будемъ останавливаться на описаніяхъ чисто „техническихъ" подробностей внутренней политики новаго министра, обманувшаго на-

родъ обѣщаніями и пролившаго много крови подъ предлогомъ „необходимости“ и даже безъ всякихъ предлоговъ, но съ единственной цѣлью, чтобы искоренить ядро протеста, — зажать ротъ тому, кто кричитъ, когда его душатъ. Этому министру таки удалось посредствомъ висѣлицъ и штыковъ ввести въ странѣ „порядокъ“.

А когда народу стало тяжко дышать, тогда легко вздохнули угнетатели.

И, казалось, что умерло мужество порабощеннаго народа и восторжествовала власть насильниковъ. Такъ спокойно стало вокругъ дворца, что государь, переживший много лѣтъ тревогъ за свою жизнь, теперь уже открыто ѣздилъ по улицамъ и, казалось, не опасался покушеній.

И, по мѣрѣ того, какъ народъ падалъ духомъ, кулакъ власти крѣпчалъ.

Человѣконенавистническія газеты пѣли славу герою новаго правительства и, казалось, что онѣ правы, что теперь уже все „улеглось“ и, что никогда уже не воскреснетъ „бунтующій“ народъ, у котораго вырвали красный мечъ.

Но къ этому мы еще вернемся.

Далеко отъ земли.

Царица, во время плаванія, для того, чтобы совершенно изгнать изъ памяти воспоминанія о тяжелыхъ дняхъ и, чтобы создать обстановку, ненапоми-

нающую ей о ея печальномъ царствѣ, измѣнила свой образъ жизни и все устроила такъ, будто она не собирается вернуться домой.

Она даже думала, т. е. старалась внушить себѣ, что, когда она даже и вернется туда черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ, то тамъ уже будетъ тотъ благодатный покой, который она только здѣсь теперь испытываетъ.

Она вставала на зарѣ, поднималась на палубу, гдѣ, окруженная новыми любимцами и любимицами, проводила часа два, совершая прогулку и отдаваясь самому легкому разговору, будто въ ея душѣ никогда и не было тяжестей тревогъ и не висѣлъ надъ нею стальнымъ мечомъ вопросъ о будущемъ, и призраки кошмарнаго прошлаго умерли.

Человѣку свойственно, подъ вліяніемъ новой обстановки, перерождаться душею.

Царица чувствовала себя новымъ человѣкомъ, будто она долгое время была лишена свободы, воздуха, свѣта.

И то, что она стала вставать почти вмѣстѣ съ солнцемъ, и мысль, что она отдѣлена отъ мятежной земли необъятнымъ пространствомъ глубинъ и далей морскихъ, — все это давало ей сознанье, что человѣкъ, при желаніи, можетъ найти покой, разъ только его собственный внутренній міръ достаточно богатъ содержаніемъ.

И въ тихія лунныя ночи, когда не хочется ду-

мать о дѣйствительности, обремененной непосильными невзгодами, — царица оставалась на палубѣ долго-долго; ей не хотѣлось уйти отъ этого безоблачнаго неба съ его вѣчно-юной красавицей-луной, казавшейся какимъ-то сказочнымъ существомъ, которое, грезя о своихъ безднахъ, молча и печально глядитъ на землю, обреченную вѣчнымъ испытаніямъ.

А море, играющее улыбками волшебныхъ лучей луны!..

Какъ величественно его лоно, когда по немъ скользятъ серебрянныя полосы и дробятся, ударяясь о судно и разсыпаясь тысячами разноцвѣтныхъ искръ, точно море выбросило всѣ свои драгоцѣнности и облачилось въ торжественное одѣяніе. Вдали оно вечеромъ и ночью кажется чернымъ и, какъ вороненая сталь, синѣетъ и лоснится при молочно-голубомъ свѣтѣ гигантскаго свѣтильника, висящаго почти надъ головой.

А шумливый говоръ бушующей воды, что гонитъ пароходъ и сама она вѣчно бѣжитъ отъ него, но всегда съ нимъ, какъ заколдованная!..

Хорошо смотрѣть внизъ, когда изъ подъ колеса, шипя и пѣнясь, несется холодная лава, точно вода вдругъ покрылась снѣгомъ или отъ нея пошелъ паръ.

Этотъ шумъ воды, эта шипучая и нѣсколько оглушающая музыка усыпляетъ мысль и не даетъ ни о чемъ послѣдовательно подумать; непремѣнно

мысль несется клочками, какъ облака, разорванныя порывомъ встрѣчнаго вѣтра.

На пароходѣ не было той комичной и отвратительной церемонности, которая во дворцѣ душитъ и обезличиваетъ каждаго человѣка; этому дала тонъ, разумѣется, царица, которая иногда умышленно первая здоровалась со своими спутниками.

Свита ея была настолько разнообразна, по характеру ея состава, что царицѣ порою даже казалось это смѣшнымъ и забавнымъ, но это еще болѣе развлекало ее.

Все, что могло потребоваться въ такомъ путешествіи, разумѣется, было къ услугамъ царицы.

Больше всего ее занимали фотографическіе снимки съ островковъ, попадавшихся ей по дорогѣ.

Островки дѣйствительно стоили того, чтобы имъ посвятить вниманіе, такъ какъ вечеромъ, при лунѣ, они казались корабликами, тонущими или застывшими въ ожиданіи чего-то, а днемъ, когда въ изумрудно-хрустальномъ стеклѣ моря играло солнце, эти островки казались декоративно-разставленными дѣтскими игрушками.

И хотя на каждомъ изъ этихъ островковъ была та же зелень, почти тѣ же породы деревъ и, если домики, то тоже одного и того же типа, но каждый новый островокъ казался совершенно инымъ и даже безподобнымъ, и не хотѣлось оставить его. Хотѣлось провожать его глазами такъ долго, пока онъ

начиналъ казаться вымышленнымъ, и, въ концѣ концовъ, какъ это представлялось взору, онъ, будто, исчезалъ въ синихъ складкахъ моря.

А днемъ, въ солнечный полдень, когда играла на пароходѣ музыка и летучій вѣтеръ разносилъ звуки, отвѣчая откуда-то голосами металлическаго эхо, казалось, что волны бѣгутъ за пароходомъ, чтобъ узнать происхожденіе этихъ волшебныхъ гостей морского царства.

Царицѣ казалось, что люди выдумали страданія лишь для того, чтобы имъ не завидовали ни въ чемъ.

И, глядя вдаль безбрежно морского поля, думала:

Какою волшебной сказкой могла быть жизнь, если бъ люди поняли, какъ хороша природа!

Но однажды, когда ужъ близокъ былъ берегъ, къ которому направлялось судно, сразу погибло то свѣтлое настроеніе, что царило все время на пароходѣ.

Объ этомъ никто до сихъ поръ не зналъ, что часто по ночамъ царицу преслѣдуютъ мучительные тревожные сны.

Она не придавала этому значенія, что она просыпалась по ночамъ; она объясняла это лишь просто тѣмъ, что на морѣ не можетъ быть тѣхъ удобствъ, какъ дома.

Какъ нельзя было писать безъ толчковъ, такъ и спать не совсѣмъ удавалось.

По утрамъ она вспоминала нелѣпыя сновидѣнія, но не хотѣла объ этомъ ни говорить, ни думать.

Послѣ того, что случилось въ послѣднюю ночь, къ царицѣ ужъ не могли вернуться ея прежнія бодрыя и даже безпечныя минуты, которыя такъ рѣдко и скупо снисходятъ къ ней съ неба.

Всѣ сны, которые посѣтили ея душу за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ были, приблизительно, все одного и того же содержанія, но лишь въ различныхъ видахъ.

Она вѣчно видѣла какихъ то крикливыхъ и озлобленныхъ людей, нападающихъ другъ на друга и обливающихся кровью.

Иногда она слышала во снѣ страшную стрѣльбу изъ ружей и пушекъ.

Иногда ей снилось, что она сама принимаетъ участіе въ сраженіяхъ какихъ-то, въ спорахъ и въ пиршествахъ, и все это носило тотъ странно смутный характеръ разорванныхъ и ничѣмъ не связанныхъ мыслей, который свойственъ обычнымъ снамъ.

Разумѣется, придавать имъ какое-нибудь значеніе и задумываться надъ ними было бы недостойно образованнаго человѣка, который давно ужъ освободился отъ суевѣрія.

И только случайно и независимо отъ ея воли,

царица иногда, даже во время самаго веселаго разговора, вдругъ задумывалась надъ сновидѣніемъ, которое преслѣдовало ее въ эту ночь; но это было мимолетно, какъ всякая внезапная мысль, вспыхнувшая и тутъ же угасшая, какъ искра.

Но не то стало съ царицею въ послѣднюю ночь ея путешествія.

И странно, какъ разъ въ этотъ день она чувствовала себя исключительно хорошо, такъ хорошо, какъ развѣ только могло быть ей въ давно забытые годы юности, когда жизнь была лишь еще только въ мысляхъ и грезахъ и, когда казалось, что современемъ можетъ стать только еще лучше, чѣмъ тогда.

Она много смѣялась и всѣ ея приближенные считали себя счастливыми въ этотъ радостный день.

Царицу даже привелъ въ восхищеніе фееверкъ, сожженный въ этотъ вечеръ; въ особенности водяной фееверкъ, пловучій.

Это дѣйствительно представляло удивительно красивое зрѣлище, когда во многихъ мѣстахъ море вдругъ засверкало огнемъ и изъ него вознеслись высоко-высоко огненныя разноцвѣтныя птицы.

Или вода разсыпáлась кое-гдѣ огненнымъ фонтаномъ, играя разно-цвѣтными искорками, долго-долго.

Вообще все, что происходило въ дорогѣ, такъ дивно дѣйствовало на царицу, что у нея даже явил-

ся аппетитъ, котораго давно уже она лишилась на материкѣ.

Но вотъ, какъ ни странно было для окружающихъ то неожиданное и ужасное смятенье, которое поднялось въ послѣднюю ночь, но никто не могъ доискаться въ предположеніяхъ своихъ причины этой внезапной горячки, которую врачамъ пришлось констатировать у государыни.

На сей разъ температура настолько испугала докторовъ, что вся свита упала духомъ и не знала, какъ быть: пристать ли къ берегу, сговориться ли по телеграфу.

Рѣшали и перерѣшали и положено было, что лучше всего отвезти царицу на ближайшій берегъ, тѣмъ болѣе, что ѣзды было всего только нѣсколько часовъ, а въ государствѣ, къ которому приближались, можно было разсчитывать на самый лучшій пріемъ и всѣ нужныя услуги.

Можетъ быть, ни врачи, ни всѣ тѣ опытные люди, которымъ поручена была особа государыни нисколько не дрожали бы и не блѣднѣли каждую минуту, когда отдавали себѣ отчетъ въ томъ, что случилось, если бы государыня на что-нибудь пожаловалась и вообще что-нибудь сказала бы.

Съ перваго момента, ночью, когда съ нею приключился припадокъ, она не проронила ни единаго слова, а лекарства и даже воду, которыя ей

все же предлагаютъ довольно часто, она, повидимому, рѣшила признать излишними.

Иногда она открываетъ глаза и смотритъ холоднымъ и отсутствующимъ взоромъ, точно это во снѣ у нея открылись глаза, а не на яву.

Даже стоять близко жутко, потому что испытываешь ощущеніе непостижимаго нѣмого ужаса, который глядитъ изъ ея зрачковъ.

Надъ нею шептали молитвы и вздыхали, а врачи чувствовали себя какими-то слабыми и пристыженными, будто они кого-то обманывали до сихъ поръ въ чемъ-то, а теперь все обнаружилось.

Обнаружилось, что въ страшныя минуты проявленія стихійной силы неразгаданной природы человѣка — они такъ же безпомощны, какъ и всякій, который не знаетъ, чѣмъ помочь больному.

Земля, къ которой приближались, уже казалась близкой, но минуты были длительны и страхъ охватывалъ сердце, когда врачъ заявлялъ, что пульсъ крайне ненормаленъ и температура повышается.

Можетъ быть, что эгоистичные люди изъ свиты не столько думали о царицѣ, сколько боялись отвѣтственности за ея здоровье, хотя винить ихъ нельзя было рѣшительно ни въ чемъ; лица у всѣхъ стали мрачны и всѣ казались постарѣвшими за нѣсколько часовъ на много лѣтъ.

Даже и тѣ, кто считалъ свой внѣшній видъ

однимъ изъ важнѣйшихъ условій человѣческой жизни, предъявляя къ своему лицу и костюму больше требованій, чѣмъ къ душѣ, даже и тѣ въ этотъ злополучный день ходили и бѣгали неряшливо одѣтые, и никто не обращалъ вниманія на это.

„Все — мое! — сказало злато,
„Все — мое! — сказалъ булатъ."

Побѣда.

Въ то время, когда рабочіе классы, — всѣ тѣ, кто свой хлѣбъ насущный добывалъ трудовымъ потомъ, работая на богатыхъ, — боролись за свои права, — тѣ, въ чьихъ рукахъ сосредоточены были огромныя богатства, вели безстыдную борьбу съ этими бѣдняками, являясь такимъ образомъ прочною и надежною опорою для правительства.

Бѣдныя ограбленныя и тѣснимыя мечомъ и капиталомъ жертвы вопили о справедливости, переходя въ отчаяніи отъ гнѣва къ мести, или безсильно взывая къ совѣсти, а тѣ, кто держалъ ихъ въ цѣпяхъ своихъ, лукаво посмѣивались надъ ними и дѣйствовали за одно съ правительствомъ, въ рукахъ котораго было оружіе, охраняющее власть и золото.

Если народъ опускалъ руки и переставалъ сопротивляться насильникамъ, то только побѣжден-

ный голодомъ, такъ какъ для веденія борьбы необходимо было быть сытыми; не вѣрилось, что люди когда-нибудь освободятся отъ гнета.

И, естественно, что послѣ долгой и упорной борьбы, происходившей между сытыми и голодными, наступала въ странѣ тишина, которой такъ добивались тѣ, кому нуженъ былъ мирный рабскій трудъ за грошъ.

Милая компанія правительства и капиталистовъ добилась того, что мѣста въ Парламентѣ заняли въ подавляющемъ большинствѣ люди, покорные устоямъ грабительскаго строя, и тогда уже народъ лишился своего единственнаго защитника, своей единственной боевой позиціи и волей-не-волей затаилъ свое негодованіе.

Только этого и надо было палачамъ-паразитамъ.

Министръ, которому удалось одурачить на это время народъ, объявилъ государю, что онъ идеально успокоилъ страну, что народъ уже понялъ свое безсиліе и что никакимъ волненіямъ и возмущеніямъ не можетъ уже быть мѣста.

Одно время министры недолго удерживались на своихъ позиціяхъ, и даже члены царской фамиліи опасались за свою жизнь.

А теперь дѣйствительно давно уже не было политическихъ убійствъ и, казалось, что наступилъ тотъ великій праздникъ правительства, когда можно пировать безъ боязни быть убитымъ.

Въ доказательство, что рука „раба“ не дерзнетъ уже больше подняться на своего господина, министръ-волшебникъ гарантируя безопасность, даже предложилъ государю выѣхать открыто и свободно изъ дворца, гдѣ послѣднее время приходилось государю жить почти безвыѣздно, а если онъ и выѣзжалъ то прямо лишь заграницу, и это окружено было страшной тайной.

Государь уже много лѣтъ не видѣлъ своей собственной страны и, разумѣется, счастливъ былъ оставить свой прежній образъ жизни, когда можно было видѣть лишь только то, что носитъ характеръ оффиціальности.

Состоялся первый, послѣ многихъ лѣтъ, выѣздъ государя.

Государыня въ это время ужъ чувствовала себя не плохо и тоже рада была, что, наконецъ, между „ними“ и народомъ возстанавливается, если можно такъ выразиться, миръ.

Это былъ торжественный спектакль, поставленный исключительно для царственной четы, куда не было доступа постороннимъ, хотя, казалось бы, что, какъ увѣрялъ министръ внутреннихъ дѣлъ, государь не долженъ уже опасаться ни за себя, ни за своихъ близкихъ.

Все носило въ театрѣ характеръ необычайной радостной и высокой торжественности, когда явилась семья государя.

Дѣло въ томъ, что театръ былъ полонъ лишь полицейскими и чиновниками, кромѣ того, здѣсь, какъ и вездѣ, гдѣ могъ появиться государь, находились чины такъ называемой охраны.

Самъ герой этого торжественнаго дня — министръ внутреннихъ дѣлъ — сіялъ отъ радости, что государь, благодаря его стараніямъ, наконецъ, убѣдился, что въ странѣ водворился полный порядокъ, такой порядокъ, что можно даже, не стѣсняясь, „ѣздить“ по городу и „посѣщать“ общественныя мѣста.

Можетъ быть, что министръ этотъ прекрасно сознавалъ, что народъ ничуть не успокоился и, что гроза можетъ ежеминутно разразиться надъ кѣмъ-нибудь изъ представителей власти, но ему необходимо было оправдать свою политику и до конца показать силу своего генія, а для того, чтобы чего-нибудь не случилось хотя и здѣсь, въ театрѣ, — билеты на этотъ спектакль выдавались лишь лицамъ, чьи заслуги передъ правительствомъ давно уже выяснились.

И вотъ, встаетъ молодой человѣкъ и произноситъ въ министра нѣсколько выстрѣловъ...

Ничего подобнаго ни государь, ни государыня никогда не видѣли.

Все, что творилось въ странѣ, доходило до ихъ свѣдѣнія лишь въ видѣ блѣдныхъ сообщеній, а здѣсь

они увидѣли собственными глазами расправу со своимъ ставленникомъ.

Шумъ, поднявшійся въ театрѣ, легко вообразить.

Раненый министръ былъ ошеломленъ не дѣйствіемъ пули, не страхомъ смерти, а фактомъ, который не могъ постигнуть, такъ какъ былъ увѣренъ, что его окружаютъ „свои“.

Тотъ, кто живетъ неправдой, отъ нея и погибаетъ, — можно было сказать объ умирающемъ.

Оказалось, что человѣкъ, убившій его за народныя страданія, состоялъ въ его же охранѣ.

Когда тотъ совершилъ свое дѣло мести, онъ обратился къ ложѣ государя и заявилъ, что царская семья можетъ остаться спокойной, такъ какъ народъ разсчитывается лишь съ холопами, продавшими свою совѣсть и душу и торгующими своимъ народомъ.

Съ этого времени государь пересталъ бояться своихъ подданныхъ и уже дѣйствительно сталъ появляться на улицахъ, какъ когда-то, когда народъ еще несъ свой крестъ покорно кротко и безропотно.

Здоровье государыни нѣсколько улучшилось, но рѣдко-рѣдко кто могъ ее увидѣть радостною, какъ въ дни ея счастливой молодости.

То, что народомъ объявлено было, что особы царской фамиліи останутся неприкосновенными, не

смотря на злодѣянія, чинимыя ставленниками, — это положило на душу царицы еще болѣе тяжелую печать скорби, такъ какъ этимъ народъ являлъ свое благородство и великодушіе, а пользоваться великодушіемъ своихъ рабовъ, несмотря на всѣ непріятныя чувства, порождаемыя этимъ, пришлось волей-не-волей. И тяжелый неубывающій, а возростастающій гнетъ испытывала изстрадавшаяся душа царицы.

Отчасти то же самое испытывалъ и государь, но, упоенный властью, онъ не обнаруживалъ душевныхъ страданій, какъ тѣ многочисленные цари прошлаго, которыхъ исторія даже увѣнчала лаврами...

Душа.

Личные интересы каждаго изъ насъ настолько индивидуальны, что посторонній, какъ бы онъ ни былъ близокъ намъ, какъ бы онъ ни захотѣлъ понять насъ и раздѣлить чувства и мысли, — намъ все-таки хочется остаться самимъ съ собою, когда въ душу нашу нисходятъ духи неба и призываютъ насъ къ служенію Богу.

А тѣ люди, которые обладаютъ даромъ творчества, они находятъ свою высшую отраду въ уединенной хижинѣ души своей.

Если люди, неодаренные небеснымъ огнемъ, въ степени пониманія откровеній и разгадки тайнъ

бытія, приходятъ въ неописуемый восторгъ, когда передъ ихъ глазами развертываются божественныя картины красавицы-волшебницы-природы, то тому, кто самъ творитъ красоты и волшебные образы изъ эфирныхъ тканей своей прихотливо-причудливой и легкокрылой фантазіи, стоитъ лишь остаться самому съ собой, какъ міріады міровъ, одинъ другого очаровательнѣй и фантастичнѣй, проносятся передъ его духовнымъ взоромъ, благоухая ароматомъ цвѣтущихъ полей, сверкая золотомъ лучей и серебромъ водопадовъ, которые въ тысячи разъ красивѣй, чѣмъ тѣ, что видитъ человѣкъ здѣсь.

Поэтому и влекло царицу въ ту уединенную комнату, гдѣ жили духи ея творчества, которое было для нея выше всѣхъ земныхъ волненій и очарованій.

Вотъ она снова здѣсь, въ голубомъ полумракѣ своей задумчивой комнаты, таящей ея мысли и стремленія. И каждая вещь, что находится въ этомъ мирномъ и безгрѣшномъ уголкѣ, помогаетъ ей думать, помогаетъ отрѣшаться отъ мелочей повседневности.

О, Боже, какое счастье — умѣть находить въ себѣ самомъ сокровища, которыя люди рвутъ изъ рукъ одинъ у другого и уступаютъ только тогда, когда боятся Бога!

Я говорю: какое счастье умѣть находить въ себѣ самомъ утѣшенія, отраду, умиротвореніе и ве-

ликую всепрощающую любовь!! Кто еще, какъ художникъ, когда онъ творитъ, умѣетъ возлюбить чужого и даже враждебнаго ему человѣка?!

Кто еще можетъ такъ легко, какъ онъ, постигнуть величіе души?!

Вы знаете, что душа ваша становится великой и прекрасной только тогда, когда вы поняли необъятность величія ея?!

Въ тѣ благословленные моменты уединенія съ душой, когда вы возвышаетесь надъ шумомъ базарной сутолоки и бесѣдуете съ богами о Божественномъ и земномъ и зовете боговъ на землю, а землю хотите поднять до небесныхъ сферъ, чтобы люди не оправдывались незнаніемъ Бога, — тогда вы приближаетесь къ тому идеалу Бого-человѣка, который уже нѣкогда снизошелъ на нашу чудесную планету.

Царица достала свои тетради и стала ихъ перелистывать.

Художники! Вы, только вы, знаете, какъ дорого свое духовное дѣтище, рожденое духами неба, что слетаютъ въ душу въ тихій молитвенно-творческій часъ, когда вы перомъ, или кистью, или рѣзцомъ дѣлаете то, что вамъ повелѣваетъ нѣкто неумолимый, властный и чутко-чутко-нѣжный, какъ мать или возлюбленная и возлюбившая.

Читаетъ царица и даже не вѣритъ, что это ея мысли.

Когда она была обвѣяна такой тихой грустью, что могла это сказать? —

„Бы звените, ручейки!
Убаюкивайте насъ!
Въ тишинѣ нѣмой тоски
Умираетъ каждый часъ!! . .“

И остановилась царица на этой маленькой картинкѣ; — казалось, что она видитъ передъ собою зеленыя горы и луга, пронизанные золотымъ солнцемъ, а она стоитъ надъ ручейками, что цѣлой семьей несутся у ея ногъ, и привѣтствуетъ ихъ беззаботную мелодію.

Забыла она, что пришла продолжать работу, начатую уже давно, — ей жаль того нѣжнаго впечатлѣнія, что здѣсь получила.

Но пальцы независимо и непослушно шелестятъ бумагой, и глазамъ ея представляется новая страница. Она смотритъ и не видитъ, она еще во власти дивныхъ грезъ пѣвучихъ ручейковъ, которые даже и теперь убаюкали ее...

Но она читаетъ:

Два вѣнка.

Я пришла въ этотъ міръ и нашла
Красоту необъятной земли,
И душистый вѣнокъ ей плела
Изъ цвѣтовъ, что во мнѣ расцвѣли.

Но невѣдомый злой великанъ —
Неоконченный вырвалъ вѣнокъ,
И въ тотъ мигъ изъ зіяющихъ ранъ
Показался страданія цвѣтокъ . . .

И цвѣтетъ, и прекрасна земля:
И полны и восторговъ и грезъ
Небеса и лѣса, и поля . . .
Но вѣнки мои только изъ слезъ . . . .

Царица увидѣла дату и задумалась. Она вспомнила, когда она создала этотъ маленькій и миленькій букетикъ.

Удивилась, что уже тогда, когда на лицѣ ея еще лежала сіяющая улыбка торжествующей весны ея жизни, она уже была ранена въ сердце.

И въ первый мигъ она была удручена сознаніемъ, что черная печаль, такъ тѣсно охватившая ее теперь, взяла свое начало такъ далеко.

— На протяженіи всей моей жизни лежитъ ея тѣнь! — подумала царица. Значитъ, если такъ, то у меня никогда не было счастливыхъ дней!..

И она снова принялась читать свое стихотвореніе „Два вѣнка“.

Она прочла его цѣликомъ, потомъ стала обдумывать каждую строчку, каждое слово. И, точно со страницы на нее глянуло смѣющееся лицо юной дѣвушки — ея лицо, она обрадовалась, когда подумала: „Развѣ я бы теперь могла выразить свою печаль, такъ нѣжно?!“ И чувство какой-то ненонятной радости охватило ея сердце.

Она уже была вознаграждена теперь прошлымъ, въ которомъ было такъ много нѣжнаго и красиваго чувства.

— Милыя мои строчечки! — воскликнула она и, прижавъ къ груди страничку, на которой тянулись рядомъ темныхъ жемчужинъ неумирающія слова, она облегченно вздохнула, будто нашла въ комъ-то, въ чемъ-то оправданіе своей неизмѣнной печали. Вотъ ея лицо преобразилось и ея движенія стали послушными, — она пришла сюда работать, а сама перечитываетъ давно забытое и законченное. Она не хочетъ отказаться отъ удовольствія, которое она испытываетъ, воскрешая въ воспоминаніяхъ свои былыя радости и тревоги — они вѣдь были сотканы изъ прекрасныхъ нитей нетронутаго, еще дѣтскаго сердца!

Тогда вѣдь она еще не знала, что самый ужасный удѣлъ человѣка не въ томъ, что его побѣждаютъ злые люди, а въ томъ, что безконечна борьба его съ самимъ собою.

„Что же будетъ съ моей трагедіей?" — вспомнила и подумала царица.

Неохотно писала она ее, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ роль героя являлась очень сильной по экспрессіи, ей было непріятно влагать въ уста его слова отчаянія, такъ какъ ей казалось, что это она сама такъ стонетъ и клянетъ.

Ею вдругъ овладѣло такое состояніе, когда

мысль не можетъ создавать, а лишь шествуетъ по старымъ готовымъ тропинкамъ.

Страницы, будто, сами по себѣ открывались и глаза царицы провожали ихъ.

Вотъ они миновали много-много страницъ, исписанныхъ узкими столбцами, остановились на новой обложкѣ.

Царица прочла заглавіе тетради и лицо стало спокойнѣе, какъ тогда, когда человѣкъ старается стать объективнымъ.

Она раскрыла тетрадь отдѣльныхъ мыслей и прочла:

— Красота, которая въ страданіи — нѣжнѣе той, что въ радости.

Она задумалась, такъ ли это. Потомъ она подумала: „А не говоримъ ли мы это только въ утѣшеніе?!“

Государь въ это время ходилъ по своему кабинету и думалъ: „Ужель ее дѣйствительно интересуютъ такіе пустяки, какъ сочинительство?! А все-таки, какъ ни разсуждай, а для этого требуется даръ!.. Вѣдь, вотъ я, какъ ни бился, а, пришлось сознаться, ничего не выходитъ... Интересно-интересно, но все это пріятно, если выходитъ, а не то, что... Нѣтъ, ужъ я непремѣнно узнаю, въ чемъ дѣло...“

Государыня вдругъ услышала шаги, и, прежде, чѣмъ удивиться, узнала ихъ, и только улыбнулась.

Ей самой давно уже хотѣлось удивить супруга сюрпризомъ, но она искала случая, чтобъ это получилось какъ-нибудь между прочимъ, потому, что опасалась услышать недобрый отзывъ о своихъ произведеніяхъ, а ей подсказывало чутье, что посторонній не можетъ такъ нѣжно обращаться съ тѣмъ, что создано страданіями не его души.

И не хотѣлось ей, и жутко было посвятить кого бы то ни было въ свою священную тайну, но чувство любопытства взяло верхъ.

Она даже оставила разбросанными свои тетради и бумагу, когда государь сталъ сквозь двери убѣждать ее, что она должна его впустить.

По голосу она узнала, что онъ въ добродушномъ настроеніи, какъ и она теперь, и она пригласила его такимъ тономъ, будто она даже ожидала его и очень была рада его приходу.

Государь вошелъ и остановился, показывая удивленную и радостную улыбку.

— Да у тебя здѣсь мудрости — на всѣхъ мудрецовъ! Теперь мы, голубушка, все узнаемъ!.. А ну-ка, покажи, какъ одаренные люди творятъ свои небесныя созданья!..

— То, что я теперь пишу, послѣднее время, меня нисколько не удовлетворяетъ .... ни содержаніемъ, ни формой ... — искренно созналась государыня, хотя не теряла надежды, что начатая ею трагедія удастся ей.

— Все равно, ты прочти мнѣ, что хочешь!.. Что тебѣ самой нравится!!.

— Такого, какъ разъ, у меня и нѣтъ... Все мнѣ нравится, почти все, но только въ тотъ моментъ, когда оно рождается.

— Почему же это?

— А, можетъ быть, потому, что новорожденный всегда приводитъ въ восхищеніе, не только мать, но и окружающихъ, а впослѣдствіи, когда онъ не оправдываетъ возлагаемыхъ на него надеждъ, любовь къ нему уступаетъ уже другому чувству, — увы, — разочарованію!..

— Ну, эти тонкости — дѣло запутанное. — Ты мнѣ, все-таки, почитай! Въ стихахъ я люблю разбираться, если они написаны .... съ душей. Можно? Государь взялъ въ руки тетрадь и взглянулъ на поэтесу.

— Читай! — сказала она равнодушно, опустивъ глаза и думая:

„Посмѣется надо мной.“

„Въ глубинѣ души каждаго человѣка царитъ тотъ хаосъ, гдѣ оправдывается одинаково все: и добро, и зло, и милосердіе и жестокость.“

— О! это, по совѣсти тебѣ скажу, — здорово! Государыня улыбнулась и переспросила: „А ты согласенъ, что это такъ?“ Государь смотрѣлъ на нее

но не слышалъ ея словъ, такъ какъ сталъ обдумывать то, что прочелъ. Но онъ не остановился.

— А еще! — сказалъ онъ и сталъ читать дальше:

„Если-бъ у насъ было достаточно мужества,
мы бы освободили другъ друга отъ многихъ пороковъ и сами стали бы чистыми, какъ дѣти."

онъ прочелъ это какъ-то неувѣренно.

— Знаешь, я люблю больше стихи... Я, понимаешь, чувствую себя нѣсколько усталымъ и останавливаться на одной мысли ... утомляетъ. Вотъ стихи — это, какъ музыка: Тра-та-та-та-та-та-та-та!..

Государыня смѣялась съ такимъ удовольствіемъ, какъ давно уже этого не было съ нею. — Вотъ, если хочешь, плоды моихъ юныхъ грезъ и воздыханій.

Государь сталъ перелистывать тетрадь, ища глазами болѣе разборчиво-написанныхъ стиховъ.

„Въ старомъ замкѣ ночь нѣмая
сторожила короля ....
Тишинѣ ея внимая,
сладко грезила земля ...

— Вѣдь это же, прямо, великолѣпно! Замѣчательно! Ну, какъ это у тебя выходитъ?! Я бы сидѣлъ пять часовъ и ни за что бы у меня такъ не вышло, ей-Богу! Вѣдь, въ сущности, не Богъ знаетъ что, а возьми-ка, выжми! Нѣтъ, братъ, это у тебя большой талантъ... А это что:

„Я постигла желѣзный законъ,
что отравлено въ чашѣ вино,
и, что сладокъ — несбыточный сонъ,
и, что плакать намъ всѣмъ суждено.

И покорно свой крестъ я несла,
и не стала роптать на судьбу,
но въ какую долину пришла!! .
развѣ можетъ быть счастье въ гробу?!!

Или радости нашей земли,
не созрѣвъ, умираютъ во мглѣ?!
и — заманчивы только вдали,
и невидыми здѣсь, на землѣ?!..

Значитъ, вся моя радость была
въ безсознательномъ смѣхѣ, въ саду,
когда няня цвѣтовъ мнѣ несла
и упала, крича:“ Я иду!? . . .

— А это мнѣ не нравится! — небрежно сказалъ государь, перелистывая тетрадь.

Натура артиста, по скромности, присущей душѣ его, такова, что онъ никогда не станетъ защищать свое дѣтище, какъ бы ни любилъ его. Наоборотъ, чѣмъ дороже для него произведеніе, тѣмъ больнѣе ему оскорбленія, падающія на него, и тѣмъ безсильнѣе онъ защищаться или защищать произведеніе. Можетъ быть, это потому, что какъ бы авторъ ни былъ объективенъ въ сужденіяхъ о своемъ произведеніи, душа его крѣпко связана съ нимъ, и то, что говорятъ о его картинѣ, бьетъ его по сердцу

обезсиливающими ударами, и онъ уже является побѣжденнымъ и физически, а не только нравственно.

А грубый судья, не встрѣчающій противорѣчія, считаетъ свой приговоръ правильнымъ.

Какъ разъ это стихотвореніе, которое показалось критику наивнымъ и смѣшнымъ, государыня считала наиболѣе выражающимъ тѣ большія мысли, которыя не укладываются въ рамки словъ человѣческихъ.

Но она молчала.

А у государя лицо стало вдругъ серьезнымъ и задумчивымъ.

— Вотъ это — хорошая вещь, — сказалъ онъ и сталъ медленно читать:

„Мы блуждаемъ подъ мертвой звѣздой
и обвѣяны смертью луны,
оттого мы болѣемъ душой,
оттого наши мысли мрачны! . . .

А вотъ это еще лучше:

„И отъ насъ, можетъ быть, много лѣтъ
будетъ кротко лучиться росой
серебристый магическій свѣтъ —
колдовать своей лунной красой . . .

— Я вѣрю, что „много лѣтъ“! — произнесъ государь, устремивъ свой мечтательный взоръ въ окно, гдѣ сверкающее солнце золотило міръ.

Государыня опустила глаза и не сказала ни слова.

— Ты молчишь?! — удивленно и недовольно проговорилъ онъ.

— Потому, что я въ этомъ, къ сожалѣнію, очень сомнѣваюсь....

— Значитъ, ты недостаточно уважаешь свое я!.. т. е. я хотѣлъ сказать, что ты слишкомъ требовательна и .... другими словами, ты не должна забывать, что я ... что ты ... что мы ... Понимаешь?!!.

Государыня нервно вздрогнула.

Онъ бросилъ тетрадь и всталъ.

— Я считаю себя оскорбленнымъ! — сказалъ онъ высокимъ надтреснутымъ голосомъ и обиженный посмотрѣлъ на нее съ укоризной и вышелъ.

Когда шаги его замерли, когда въ комнатѣ воцарилась тишина и царица слышала только біеніе своего сердца, она какъ-то инстинктивно взяла перо и вывела на клочкѣ бумаги:

Я стою на вершинѣ скалы
и гляжу на мятущійся міръ, —
люди жалки, ничтожны и злы!....
кто имъ дастъ откровенье и миръ?!....

И долго-долго сидѣла и думала о человѣкѣ, который и близокъ ей и чуждъ. Она стала перебирать въ своей памяти образы людей, что давали

душѣ ея отраду. Все мрачнѣй и печальнѣй становилось ея лицо. И когда она натолкнулась глазами на нѣсколько строкъ въ своей тетради, гдѣ говорила о себѣ, она совсѣмъ впала въ уныніе. И даже мысль о самоубійствѣ, которая много разъ посѣщала ея душу, явилась теперь тихими и вкрадчивыми шагами, какъ тѣнь. Вѣдь это-же вѣрно, — подумала она, повторяя мысленно строчки, попавшіяся ей въ тетради.

Тамъ было:

Во снѣ я вижу черный пологъ
и на яву ....
зачѣмъ мой день печально дологъ?!
зачѣмъ живу?! ..

Вѣдь грезы — только обольщенье,
миражъ, туманъ .....
и лишь слѣпой не видитъ тлѣнья
да тотъ, кто пьянъ! ...

На этомъ мысль оборвалась и царицѣ не хотѣлось думать о цѣльности стихотворенія, не хотѣлось работать надъ его формой ....

Такое настроеніе овладѣло ею, что она даже подумала о самоубійцахъ, что они правы. И почувствовала царица полную апатію ко всему, что теперь ее окружаетъ, и къ тому, что можетъ быть въ будущемъ ....

Смерть еще ужаснѣй тѣмъ, что въ ней даже нѣтъ и страданій . . .

Внѣшній видъ страны, на взглядъ тѣхъ, кому хорошо жилось, казался до того прекраснымъ, что народныя возмущенія являлись даже несправедливыми, въ особенности, если они влекли за собой нарушеніе порядка жизни. И даже тѣ, кто въ спокойной бесѣдѣ не отрицалъ, что тотъ строй несправедливъ, при которомъ однимъ живется радостно, а другимъ голодно и холодно, даже тѣ переходили на сторону правительства, когда народъ наступалъ на врага и по странѣ разливался потокъ революціи.

Одни, согласно своимъ нравственнымъ понятіямъ, были противъ кровавой борьбы, другіе — по трусости, третьи — по незнанію, въ какой степени народъ угнетаемъ правительствомъ, четвертые — по простому личному разсчету; — въ общемъ, то, что государи называютъ подданными, состояло изъ элементовъ, настолько враждебныхъ другъ другу, что, при нѣкоторомъ умѣніи оріентироваться, правительство могло твердо поставить свою власть и самовольничать сколько ему угодно.

Это такъ легко, когда во враждебномъ лагерѣ нѣтъ согласія.

А согласія не было вотъ почему: вся тяжесть борьбы за политическія права человѣка, къ стыду интеллигенціи, достойной ковычекъ, лежала цѣликомъ на плечахъ тѣхъ изнуренныхъ полуголодныхъ

и пришибленныхъ людей, руки которыхъ кормили всѣхъ остальныхъ, — рабочихъ.

Имъ и обязаны были люди и той частицей свободы, что была вырвана изъ когтей самовластья.

Эти люди работали на другихъ — кормили ихъ, одѣвали и вели на путь освобожденія отъ гнета, и, въ то время, какъ всѣ прочіе, такъ называемые интеллигенты, только говорили красивыя слова о свободѣ личности человѣка, о нелѣпости капиталистическаго строя и о многомъ другомъ, отъ чего народъ долженъ освободиться и къ чему онъ долженъ направить свои стремленія, въ то время, какъ они только говорили или грезили объ этомъ въ тайномъ уединеніи своихъ гостинныхъ, рабочіе выступали совершенно открыто и громогласно объявляли свое негодованіе, призывая къ возстанію всѣхъ, согласныхъ съ великой идеей соціализма.

И только они, эти честные труженики, несли на жертвенникъ свободы свою жизнь. Часть своей жизни они отдавали непомѣрному труду, посредствомъ котораго приходилось добывать свой бѣдный хлѣбъ, а остатокъ дней бросали на костеръ борьбы.

А кто такіе были остальные?

Если исключить огромную ораву паразитовъ, напримѣръ, чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, классовъ и степеней, полицейскихъ, духовныхъ и военныхъ, состоявшихъ на полномъ содержаніи у правительства на средства народа, то намъ придется

указать на тѣхъ, что привыкли называться интеллигентами. Правда, это слово очень деликатное, благородное, красивое, но не надо ли имѣть нравственное право, чтобы справедливо пользоваться имъ? Люди думаютъ, что нѣтъ.

И получается то, что начальникъ экзекуціонной коммиссіи — интеллигентъ; правительственный воръ, обкрадывающій крестьянъ, — интеллигентъ, но, не говоря уже о тѣхъ, кто служитъ народному врагу, а разбирая составъ многочисленныхъ классовъ, которые являютъ собою цвѣтъ населенія, мы увидимъ слѣдующихъ нашихъ интеллигентовъ: капиталистовъ, чьи деньги поработили бѣдняковъ и сдѣлали изъ нихъ машину; профессоровъ, которые лѣчатъ только богатыхъ, такъ какъ берутъ за свой совѣтъ сумму, равняющуюся недѣльному заработку рабочаго на фабрикѣ; адвокаты, берущіе за выступленіе въ судѣ столько, сколько ремесленникъ не заработаетъ въ пять лѣтъ, а крестьянинъ за цѣлую жизнь; лавочники, коммиссіонеры, агенты, кассиры, конторщики, аптекаря, парикмахеры и проч. интеллегенты, полу-интеллегенты и около того, — всѣ эти люди давно уже продали себя капиталистамъ и настолько свыклись со своимъ положеніемъ, что даже и не нуждаются въ свободѣ, какъ нѣкая щедринская героиня. Большая часть ихъ пресмыкается передъ правительствомъ или носитъ маску благородной печали-со-

страданія своимъ младшимъ братьямъ — рабочимъ, хотя, почему-то считаетъ себя несравненно выше послѣднихъ; а этотъ элементъ народа — художники, артисты, музыканты и т. п.? эти сами ничего не имѣютъ, живутъ какъ птицы лѣсныя и о политикѣ думать даже и неспособны. А отбросьте этихъ всѣхъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ освободительному движенію, если они не служатъ палкой въ колесѣ, то остается только онъ — бѣдный, измученный, полуголодный, угнетенный, ограбленный рабочій.

Когда ужъ матеріальный гнетъ со стороны фабриканта становится безумно-хищнымъ, эта недоѣдающая и недосыпающая, подавленная невзгодами толпа высыпаетъ на площадь и развѣваетъ свое яркое красное знамя, которое всѣмъ напоминаетъ о существованіи другой жизни, чѣмъ эта. И снова являются у господъ интеллигентовъ красивыя мысли и слова о прелестяхъ божественной свободы; но стоитъ показаться отряду полицейскихъ всадниковъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, какъ тѣ, кто хорошо думалъ и говорилъ, давно уже приняли смиренный видъ и даже рады, что рабочіе снова принялись за „мирный“ трудъ ... А если бъ они были огорчены неудачами народа, но продолжали держаться „нейтральнаго“ положенія, которое способствовало самовластью деспотовъ, то не одно ли это и то-же?

Когда кого-нибудь бьютъ и мы не идемъ къ нему на помощь — не способствуемъ ли мы насильнику?

Это и было въ несчастной странѣ, гдѣ газеты кричали о несправедливости правительства, а „интеллигенція“ читала ихъ больше всего для развлеченія. И, какъ существуютъ на бѣломъ свѣтѣ художники „въ душѣ“ и такіе же поэты, но никто о нихъ не знаетъ и, быть можетъ, никогда не узнаетъ, такъ и недовольство правительственнымъ гнетомъ эти интеллигенты носили въ душѣ, но никому отъ этого не было никакой пользы, развѣ только имъ самимъ, потому, что роль ихъ получалась выгодная для нихъ, двойственная — рабочіе ихъ считали сочувствующими имъ, а правительство понимало, что въ ихъ лицѣ можно всегда найти примирительный элементъ. При такомъ составѣ противнаго правительству лагеря и разсѣялась, какъ дымъ, гроза, висѣвшая много лѣтъ надъ золотыми куполами дворцовыхъ зданій и призракъ опасности, что преслѣдовалъ тѣхъ, кто жилъ во дворцѣ, въ то время поблѣднѣлъ и исчезъ. Не совсѣмъ, собственно, исчезъ онъ, но, во всякомъ случаѣ, не бросался въ глаза и не приводилъ уже въ тотъ смертельный страхъ, когда и солнце, и смѣхъ, и пѣснь создаютъ атмосферу подавляемаго отчаянія.

Властителямъ снова показался міръ тою прекрасной сказкой, которая родилась еще въ древ-

ности, подъ голубымъ безоблачнымъ небомъ востока, гдѣ особа царя являлась еще олицетвореніемъ Божества.

Царица сознавала, что наступившая въ странѣ тишина таитъ ненависть и лютую непримиримую вражду.

Съ этой мыслью она пробуждалась, съ нею же и ложилась.

Бодрый видъ государя, жившаго иллюзіей момента, не только не успокаивалъ, но даже еще болѣе угнеталъ ея душу. И ей было легче видѣть его удрученнымъ; тогда ей казалось, что душа ея не одинока, что, вообще, величайшее изъ достояній земныхъ — страданіе; въ немъ она уже стала находить свое утѣшеніе. Порою ей чудилось, что она слышитъ съ неба призывный голосъ, который указываетъ ей путь для спасенія души, путь усѣянный цвѣтами кротости и смиренія. Никто изъ окружающихъ не понималъ причины, почему она стала интересоваться монастырской жизнью. Всѣ думали, что ея интересъ къ этому настолько же поверхностенъ, какъ и ко всему остальному, что входитъ въ программу жизни монарховъ, служащихъ примѣромъ для подчиненныхъ.

Что касается государя, то ему это даже было отрадно и онъ охотно выслушивалъ свою супругу о порядкахъ и характерѣ священныхъ домовъ, соглашаясь, что люди, посвятившіе себя служенію

Богу, вѣроятно, счастливѣе всѣхъ остальныхъ, кто не можетъ уйти отъ соблазна суеты; но онъ не зналъ, что государыня въ послѣднее время стала часто задумываться о новой жизни, сладко грезя о ней по ночамъ и придумывая планы, какъ осуществить эту мысль. Иногда она слышитъ извнутри протестующія слова о томъ, что она еще молода, что мудрость законовъ земныхъ крайне сложна, чтобы можно было рѣшиться на такой крутой шагъ, который является безповоротнымъ; что какой-нибудь одинъ непредвидѣнный день можетъ сразу измѣнить весь образъ мыслей человѣка и повести его совершенно по новымъ долинамъ земли; что никогда человѣкъ не долженъ падать духомъ; что вездѣ, и повсюду, и всегда человѣкъ можетъ создать для себя положеніе, которое оправдалось бы его совѣстью.

Эти мысли, какъ и другія, подобныя имъ, раздваивали существо царицы и поселяли въ ея душѣ ту нерѣшимость, которая способна превратить жизнь въ какой-то блѣдный томительный кошмарный полусонъ. И ей начинало казаться, что и вся ея жизнь совершенно излишня для нея и всѣхъ; что существованіе ея является лишь тягостнымъ бременемъ для всѣхъ. И, когда она такъ думала и такимъ унылымъ настроеніемъ была обвѣяна ея душа, ей явственно представлялось, что всѣ факты, подтверждающіе это, оставались до сихъ поръ не-

замѣченными ею, но, что они давно уже существуютъ, какъ и все то, что она видитъ и чувствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это она не замѣчала все время, что своимъ появленіемъ, однимъ лишь присутствіемъ, гдѣ бы то ни было, она вносила въ любую атмосферу какое-то мертвящее уныніе, какую-то подавляющую тоску — духъ смерти?.. Пока она сомнѣвалась въ этомъ, пока не отдавала себѣ отчета, это было терпимо и такъ могло бы длиться безъ конца, но теперь это уже стало невозможнымъ... Пусть люди критикуютъ это на всѣ лады своихъ грубыхъ понятій, но человѣкъ долженъ всегда внимать лишь голосу своей души....

Царица еще больше пришла въ уныніе, когда разсудила, съ какимъ равнодушіемъ она стала относиться и къ радостнымъ и скорбнымъ событіямъ своей страны.

Если сообщали радость — она думала о незначительности и относительности вообще всякихъ радостей; узнавала она о смерти близкаго человѣка — она не выражала по этому поводу ни малѣйшей печали, будто она знала впередъ, что это такъ будетъ и, будто, то, что случилось, даже является необходимымъ.

Никто, разумѣется, не зналъ психическаго состоянія, въ которомъ съ теченіемъ времени все болѣе сгущалась атмосфера безжизненнаго томленія души царицы, да и никого не хотѣла она пустить

погрузиться въ ея заколдованный кругъ мыслей, гдѣ на ряду съ блѣдными и немощными призраками апатіи у нея теплился болѣзненно темный свѣтъ безотчетнаго, но облегчающаго страданія, если вообще человѣкъ, переставшій понимать свое сердце, способенъ на волненья и муки.

Царица ласкала своихъ дѣтей, и мучительное состояніе стыдливаго и упрекающаго безразличія ея чувствъ къ нимъ леденило кровь ея; жуткое предчувствіе, подобно кошмарному сну, точило мозги и разливало по тѣлу обезсиливающій ядъ неодолимой меланхолін, которая была въ тысячу разъ мучительнѣй и ужаснѣй, чѣмъ это можетъ выразить это общее слово, характеризующее лишь упадокъ нравственныхъ силъ, въ то время, какъ болѣзнь царицы, если это была болѣзнь, а не смерть ея духовнаго существа, — уподоблялась чему-то непостижимому для мозга и духа.

Иногда, когда чувства царицы крайне обострялись, а способности являли полную безпомощность, ей хотѣлось упасть ницъ и въ изступленіи отчаянія стонать, созывать людей и просить и требовать отъ нихъ защиты, помощи, облегченія ея злой участи; но, когда она на мигъ представляла себѣ картину предполагаемаго зрѣлища, что она — царица — взываетъ къ своимъ обезволеннымъ и обезличеннымъ рабамъ, сознаніе угрюмаго и абсолютнаго одиночества лишало ея послѣднихъ силъ соображенія;

тогда она падала въ кресло и мутнымъ невидящимъ взоромъ симулировала вниманіе къ тому, что кругомъ происходило. Она должна была это дѣлать, потому, что, въ иномъ случаѣ, обнаружилось бы то, что дало бы тотчасъ поводъ уложить ее въ постель и окружить условіями, которыя еще больше несносны, чѣмъ эта нормальная обстановка. Но притворяться ужасно трудно и, если человѣку свойственно во всемъ и ко всему привыкать, то въ данномъ случаѣ происходитъ совершенно обратное явленіе: чѣмъ больше мы насилуемъ себя, тѣмъ сильнѣе возрастаетъ протестъ души, тѣмъ скорѣе спадаетъ съ лица тяжелая свинцовая маска притворства. Царица это чувствовала и каждый мигъ она ожидала, что силы оставятъ ее и она явится передъ цѣлымъ свѣтомъ тѣмъ безпомощнымъ страдальческимъ существомъ, которымъ она давно уже стала внутри. Тогда она напрягала всѣ свои усилія, чтобы продлить еще и еще этотъ ужасный моментъ разоблаченія души, — а ей казалось, что моментъ этотъ давно уже насталъ и давно она уже раскрыла всѣмъ свою измученную душу; но люди жестоки въ своей слѣпости и они не видятъ и не желаютъ отдать ей ту одну каплю бо́льшаго вниманія, чѣмъ имъ свойственно, чтобы заглянуть въ пучину ея внутренняго я. Ей казалось, что она все уже сдѣлала для того, чтобы предъ этими близорукими свидѣтелями ея томленія предстать обнаженною, та-

кою, какою она сама видитъ и знаетъ себя всегда и всюду; тогда бы она сразу легко вздохнула, сбросивъ съ себя непосильную тяжесть лицемѣрія, къ которому толкало ее вѣчно все, что рождается каждый день съ восходомъ солнца и уходитъ лишь на нѣсколько часовъ ночи для того, чтобы утромъ снова явиться во всемъ ужасѣ.

По утрамъ царица иногда восходила на дворцовую башню, откуда виднѣлся городъ съ его пробуждающимися улицами и домами, трубы которыхъ струили къ небу свой утренній дымъ. Царица въ эти минуты забывала о своемъ теперешнемъ положеніи, даже и о томъ, что она смотритъ съ той башни, подъ которой ходятъ ея рабы — часовые, берегущіе ее, какъ зеницу ока; — смотрѣла, а душа ея окрылялась грезами, какихъ она уже давно не знала. Ей представлялось, что она наравнѣ со всѣми тѣми тружениками, что съ какою-то вѣрою во что-то и съ яснымъ стремленіемъ бѣгутъ куда-то, несутъ что-то и что-то дѣлаютъ такое, что оправдываетъ существованіе ихъ. Ахъ, какъ хорошо ей было тогда, въ эти минуты, когда ей казалось, что и она тамъ вмѣстѣ со всѣми; съ ними печалится, съ ними несетъ вѣчное бремя бодраго труда и вмѣстѣ празднуетъ дни радостей!

Можетъ ли быть на землѣ нѣчто болѣе прекрасное, чѣмъ всегда быть звеномъ народа, а не одинокою, какъ она и среди такихъ людей, которые и сами не знаютъ, зачѣмъ живутъ; ничего ни для кого не дѣлаютъ, а лишь жестоко требуютъ поклоненія и нелѣпой покорности...

У моря.

Десятки тысячъ арестовъ и тысячи казней, какъ и вообще всевозможныя жестокости, примѣненныя къ соціалистамъ, на время сдѣлали то, что страна казалась „спокойною".

Государь сталъ совершать поѣздки по городамъ, подъ предлогами, которые бы оправдывали это, показывая своею неустрашимостью, что у него, такъ сказать, совѣсть передъ народомъ совершенно чиста. Эти поѣздки, разумѣется, обставлялись съ тою торжественною помпой, что такъ хорошо гипнотизируетъ темные слои общества, которые орутъ во все горло, какъ вороны-ура-а-а!.. наполняя улицы нелѣпымъ настроеніемъ. А этого уже достаточно для правительственныхъ газетъ, чтобы съ предательскимъ спокойствіемъ доказывать, что народъ изъявляетъ государю свои вѣрноподданническія чувства, вѣрный завѣтамъ „прошлаго", когда государь правилъ страною самодержавно. Послѣдняя такая поѣздка Его Величества была и пер-

вою по своей шумливой грандіозности. Государь отправился со своею семьей на лѣтній отдыхъ въ свою баснословно-роскошную виллу, куда были стянуты для охраны его войска, прославившіяся во время усмиреній.

Государыня отправлялась туда съ тѣмъ же безразличнымъ настроеніемъ, съ какимъ и всѣ церемоніи исполняла, будь это посѣщеніе вновь построенной церкви, освященіе таковой или появленіе передъ народомъ на площади, — все это она дѣлала противъ своей воли, безъ участія души своей, безъ участія воли.

На лонѣ божественной природы, гдѣ земля дремлетъ, деревья кажутся грезящими и навѣваютъ на душу покой, царица стала еще ближе къ своему духовному я и поняла теперь, что ей не мѣсто тамъ, гдѣ воздухъ пропитанъ удушливымъ смрадомъ вражды и злобы, ненависти и звѣриной жадности...

Ночью.

На самой красивой горкѣ полуострова, тамъ, куда никому изъ постороннихъ нѣтъ доступа, живописно раскинулись зданія, окружающія лѣтній дворецъ, а самый дворецъ — каменный великанъ — стоитъ выше всѣхъ и своимъ куполомъ, какъ головой, днемъ сверкаетъ на солнцѣ, точно онъ

унизанъ драгоцѣнными камнями, а вечеромъ, при лунѣ, мерцаетъ большой яркой звѣздой.

Въ тѣ годы, когда государь сюда не пріѣзжалъ, здѣсь царила полная глушь, такъ какъ, кромѣ слугъ и сторожей, садовниковъ, маляровъ и другихъ рабочихъ никого здѣсь не было, а теперь эта зеленая гора оживилась: по ней мчатся съ самаго утра экипажи, автомобили, всадники, и цѣлымъ роемъ копошатся люди. Сюда съѣхались министры, всякіе начальники, правители, управляющіе, намѣстники и т. п. сотрудники государя.

Цѣлые дни тянутся торжества, овацiи, парады, пріемы; и жизнь здѣсь приняла характеръ какого-то волшебнаго празднества, будто государь только-что вступилъ на престолъ.

И чувствуетъ себя государь переродившимся и почти счастливымъ, какъ давно уже съ нимъ не было. Онъ засыпаетъ въ сладкой истомѣ, убаюканный собственными мыслями и мечтами.

Воздухъ чистъ, свѣжъ, полонъ аромата, опьяняюще соченъ отъ дыханія растеній и моря. И спится здѣсь легко, радостно, спокойно, — кругомъ ограды и стѣны и вся гора оцѣплена надежной охраной; ужъ здѣсь не можетъ быть никакой тревоги.

Хорошо здѣсь, хорошо! Истинно райскій уголокъ. Только одинъ человѣкъ чувствуетъ себя и

здѣсь одинокимъ, когда дневной шумъ смолкаетъ и наступаетъ задумчивая тишина. Царица долго не не ложится, когда кругомъ уже все спитъ; не ложится, не зная, зачѣмъ ей спать, когда и дни ей не нужны и люди, которыхъ приноситъ утро.

Ночью она выходитъ изъ своихъ покоевъ на балконъ, тихо спускается въ садъ и бродитъ въ немъ долго-долго, до такой усталости, когда ужъ мысли совершенно ослабѣваютъ и ей становится безразличнымъ, что будетъ съ нею. Тогда она возвращается къ себѣ и съ полузакрытыми глазами садится въ первое попавшееся кресло.

Если подъ утро она просыпается, то ложится въ постель, а иногда она остается въ саду до утра. Она смотритъ внизъ, на свинцовое поле моря и на свѣтящійся догорающими фонарями городъ, что пріютился на берегу, и часто ее охватываетъ желанье перебраться черезъ ограду и убѣжать куда-нибудь, убѣжать отъ всѣхъ, въ городъ ли или въ море, лишь бы не возвращаться туда, гдѣ ее преслѣдуютъ мысли-призраки...

Но она вспоминаетъ, что она принадлежитъ дѣтямъ, а не себѣ, еще кому-то... Тогда она сжимаетъ грудь похолодѣвшими руками, стонетъ подавленнымъ голосомъ и, не замѣчая своихъ слезъ, идетъ къ себѣ, ступая неровными принужденными шагами, какъ рабыня....

Утромъ, когда государь выходитъ къ завтраку, начинаются церемоніи и торжественно развертывается величайшее зло земли, рожденное безсиліемъ однихъ и жестокостью другихъ — Власть.

И ложится на души людей ея кошмарная тѣнь — Гнетъ.

Февраль-мартъ, 1912 года.

